

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Новосибирский государственный технический университет»

На правах рукописи

Черепанов Игорь Владимирович

КВАНТОВО-ИНФОРМАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА БЫТИЯ СОЗНАНИЯ

09.00.01. Онтология и теория познания

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант:
доктор философских наук, профессор
Крюков Виктор Васильевич

Новосибирск – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ	18
§ 1. Феноменальный и интенциональный аспекты сознания	18
§ 2. Сознание и понимание в контексте психической активности субъекта	37
§ 3. Приватность ментальных феноменов и методологическая проблема сознания	49
§ 4. Эвиденциальность и символичность сознания	59
Выводы к главе 1	67
ГЛАВА 2. ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ К ПЕРВИЧНОМУ ДУАЛИЗМУ СВОЙСТВ КОРРЕЛЯТИВНОГО ТИПА	71
§ 1. Проблема бытия ментальных феноменов и теоретические предпосылки исследования	71
§ 2. Материалистическая онтология сознания	79
§ 3. Психофизическая проблема и пути ее решения в рамках материалистической онтологии	111
Выводы к главе 2	125
ГЛАВА 3. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КВАНТОВО- ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ СОЗНАНИЯ	128
§ 1. Энергия и информация как две составляющие материального бытия	128
§ 2. Принципы квантовой онтологии	143
§ 3. Информационная причинность	162

§ 4. Темпоральность как основа онтологического единства физического и ментального бытия	175
§ 5. Генезис сознания как закономерного этапа эволюции информационных систем	187
Выводы к главе 3	225
ГЛАВА 4. ОНТОЛОГИЯ СУБЪЕКТА ПСИХИКИ С ПОЗИЦИЙ КВАНТОВО-ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ СОЗНАНИЯ	228
§ 1. Эволюционная проблема сознания	228
§ 2. Ментальные параметры и функции сознания	238
§ 3. Функционирование бессознательной психики	249
§ 4. Квантово-информационная специфика бытия сознания как основа ментальной каузации и свободы сознающего субъекта	265
Выводы к главе 4	287
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	289
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	293

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования

Проблема бытия сознания в материальном мире – одна из самых сложных и глубоких проблем философии, поскольку до сих пор не утихают споры о том, чем является сознание по существу, и каким образом становится возможным, что оно, будучи субъективным и нефизическим, генерируется объективно существующими физическими системами. Ментальные (имеющие отношение к сознанию) феномены не вписываются в научную картину мира, поскольку их бытие не сводится к бытию физических частиц и полей, которые, согласно современной науке, лежат в онтологическом фундаменте наблюдаемых явлений.

Исследование сознания сталкивается с трудностями, так как его внутреннее содержание не фиксируется методами естественных наук. Ученые изучают когнитивные функции (мышление, восприятие, воображение, память и т.д.), но сознание выпадает из сферы объективно-научного исследования, поскольку когнитивная активность человека с необходимостью не предполагает наличие сознания и может реализовываться на бессознательном уровне бытия. Поэтому не удастся провести четкую демаркационную линию между сознательной психикой и бессознательной, показав, за счет чего именно ментальный (сознательный) опыт делает поведение человека более разнообразным и ценным в плане эволюционного развития. Таким образом, рационально-теоретическое обоснование бытия субъективно-ментальных (нефизических) феноменов в физической Вселенной подготавливает почву для инкорпорирования сознания в научную картину мира.

Понимание сущности ментальных феноменов актуально в рамках конструирования искусственного интеллекта, воспроизводящего когнитивные способности человека, поскольку оно напрямую связано с ответом на вопрос: какие психические функции поддаются моделированию логико-вычислительными средствами на неорганическом носителе, а какие принципиально не могут быть реализованы в виде компьютерных программ? Решение проблемы бытия сознания позволяет склонить чашу весов либо в сторону концепции сильного искусственного интел-

лекта, показывая, что человек как существо разумное по сущности не отличается от кибернетического устройства, либо в сторону концепции слабого искусственного интеллекта, демонстрируя, что человек обладает уникальными качествами, не редуцируемыми к логико-вычислительным алгоритмам.

Решение проблемы бытия и сущности ментальных феноменов имеет также психологически и социально значимые аспекты, поскольку помогает, во-первых, определить роль сознательных усилий в преобразовании бессознательных паттернов поведения, а, во-вторых, разобраться в онтологических основах свободы человека и его ответственности за совершаемые поступки в ситуации осознанного выбора. Вопрос о том, возможна ли ментальная каузация и каким образом она влияет на свободу воли, напрямую связан с психофизической проблемой, решение которой, в свою очередь, укореняется в философской онтологии сознания.

Бытие сознания, на первый взгляд, кажется очевидным и доступным каждому разумному существу, которое имеет ментальный опыт. Однако за видимой очевидностью скрывается ряд вопросов, ответ на которые получить непросто. Что такое сознание? Является ли оно продуктом деятельности мозга, или же, будучи самостоятельной субстанцией, лишь использует мозг для своей манифестации в материальном мире? Может ли робот на определенной стадии научно-технического прогресса обладать сознанием? Как сделать ментальный опыт доступным объективному исследованию? Может ли сознание влиять на тело, и если может, то как это согласуется с законом сохранения физической энергии? Обладает ли сознание свободой, или же свобода человека – это иллюзия, за которой скрываются каузальные связи, обусловленные работой головного мозга и физического тела в целом? Все эти вопросы, несмотря на большое количество философских теорий (таких, как теория тождества свойств, теория тождества событий, функционализм, бихевиоризм, эмерджентизм, нейтральный монизм, аномальный монизм, панпротопсихизм, субстанциальный дуализм, теория чувственных данных, адвербиальная теория, экстернализм, интернализм, репрезентационализм, эпифеноменализм, интеракционизм, параллелизм), остаются без удовлетвори-

тельного ответа, и бытие сознания до сих пор представляет собой онтологическую проблему.

Весьма перспективной видится информационная модель ментального опыта, рассматривающая сознание как феномен информационного порядка. В рамках этой модели удастся сохранить феноменальное содержание психики, не сводимое по существу к состояниям физического порядка, решить психофизическую проблему и объяснить, каким образом субъективно существующее сознание может воздействовать на объективно существующие материальные системы без нарушения принципа каузальной замкнутости физических событий. Понимание сознания в качестве информационного бытия позволяет закрыть онтологический и дескриптивный разрыв между ментальными и физическими процессами, а также ответить на вопрос, почему оно генерируется физическими системами и мы не функционируем как бессознательные зомби.

Степень разработанности проблемы

До XX века ментальный опыт в рамках западной философии рассматривался, по большей части, с позиций дуалистических и идеалистических онтологий, о чем, в частности, говорит Б. Рассел в своих лекциях, опубликованных в 1921 г. под заголовком «Анализ сознания». В материалистической философии сознание отождествлялось с мышлением и не исследовалось в качестве самостоятельной проблемы, тогда как, с одной стороны, мышление может быть бессознательным, а, с другой стороны, сознание с необходимостью не предполагает мыслительной компоненты (например, в медитативных состояниях и внеязыковой культуре дзен-буддизма).

Идеалистические теории, объясняющие бытие ментальных состояний, развивали в своих работах философы Нового Времени Д. Беркли и Г. Лейбниц, философы эпохи Классицизма Ф. Шеллинг и Г. Гегель, британские философы конца XIX века Ф. Брэдли и Д. Мактаггарт, а также современные философы Д. Фостер и Т. Спригг. Примером дуалистической теории, рассматривающей мышление как атрибут духовной (непротяженной) субстанции, которая вступает во взаимодействие с материальной (протяженной) субстанцией, является философия Р. Декарта.

та. В современной философии сознания концепция субстанциального дуализма характерна для Р. Адамса, С. Грофа, Д. Парфита и Р. Свинберна.

Без построения онтологии сознания существенный вклад в понимание структур и функций ментального опыта внесли феноменологические исследования, проводимые Ф. Brentano, Э. Гуссерлем, Н.Н. Даниловой, М.К. Мамардашвили, В.И. Молчановым, А.М. Пятигорским и др. Особое внимание следует обратить на феноменологическое исследование переживания времени, поскольку в рамках квантово-информационной модели сознания именно темпоральность понимается как основа онтологического единства физического и ментального бытия.

По-новому проблема бытия сознания была поставлена в рамках аналитической философии как именно проблема самой возможности продуцирования физическими системами ментальных (нефизических) феноменов. Обычно указывают на работу Г. Райла «Понятие сознания», которая была опубликована в 1949 г., как на переломный момент в понимании онтологической проблемы сознания. В 1974 г. выходит статья Т. Нагеля «Каково это быть летучей мышью?», где он предлагает термин квалиа, которому соответствует неинтенциональное содержание ментального опыта, и характеризует субъективно-ментальные феномены, в отличие от объективно-физических, как данные от первого лица. В 1996 г. Д. Чалмерс публикует книгу «Сознающий ум», где проводит четкую демаркационную линию между легкой и трудной проблемой сознания. По мнению, Д. Чалмерса трудная проблема сознания (которая сводится к вопросу о том, почему вообще физическим состояниям головного мозга аккомпанируют состояния ментального порядка в то время, как мы вполне могли бы функционировать во тьме бессознательного бытия без потери всего разнообразия поведенческих реакций) не рассматривалась прежде в рамках философских исследований, а заменялась легкой проблемой, которая имеет дело не с бытием сознания, а со способами получения и обработки информации на уровне психической активности мозга. Именно это обстоятельство отчасти объясняет тот факт, что аналитическая философия сознания мало апеллирует к историко-философской традиции (за что ее критикуют представите-

ли иных философских школ), ссылаясь местами на Р. Декарта и еще реже на Д. Юма и И. Канта.

Материалистические теории сознания в отношении онтологического статуса ментальных событий разделяются на редуктивный материализм (который утверждает, что онтология ментального сводится к онтологии физического, т.е. ментальные феномены отождествляются по сущности с каким-то аспектом физического бытия и могут быть полноценно описаны в соответствующей физической терминологии) и нередуктивный материализм (который утверждает, что онтология ментального не сводится к онтологии физического, т.е. ментальные феномены не отождествляются по сущности с каким-то аспектом физического бытия и не могут быть полноценно описаны средствами физической терминологии).

В рамках редуктивного материализма с учетом того, к какому именно аспекту физического бытия сводится бытие ментальных феноменов, можно выделить следующие теории сознания: 1) теорию тождества свойств (согласно которой ментальные свойства тождественны определенным свойствам физического порядка и к представителям которой можно отнести Д. Армстронга, Д. Льюиса, Ю. Плейса, Д. Смарта, Х. Фейгеля), 2) функционализм (согласно которому ментальные феномены тождественны определенным функциям, реализуемым в нейронных сетях головного мозга, и к представителям которого можно отнести Н. Блока, Х. Патнэма, П. Черчланда, Д. Фодора) и 3) бихевиоризм (согласно которому ментальные процессы тождественны определенной совокупности поведенческих реакций, демонстрируемых организмом в целом или отдельными функциональными системами, и к представителям которого можно отнести С. Приста, Р. Райла, Д. Уотсона, Б. Скиннера, Э. Толмена). Редуктивный материализм снимает психофизическую проблему, рассматривая ментальное бытие в форме физического, но сталкивается с трудностями при объяснении внутренней феноменологии ментального опыта и разделением психики на сознательную и бессознательную части. Последовательное развитие редуктивных концепций сознания приводит к элиминативистской точке зрения, которая отрицает существование субъективной реальности.

Нередуктивный материализм представляет собой дуализм свойств (в отличие от дуализма субстанций), который может быть первичным или вторичным. Первичный дуализм свойств (например, натуралистический дуализм Д. Чалмерса) приписывает материи протоментальные (нефизические) качества, тогда как согласно вторичному дуализму свойств (например, эмерджентизму, который утверждает, что ментальные свойства тождественны нефизическим эмерджентным свойствам нейронных сетей головного мозга, и к представителям которого можно отнести С. Александера, С. Броуда, А. Деборина, П. Клэйтона, Д. Марголиса, Д. Милля, Л. Моргана, Д. Серла, Р. Сперри) материя в своей онтологической основе имеет только физические качества, а ментальные (нефизические) появляются в результате усложнения физических систем. Нередуктивный материализм, в отличие от редуктивного, успешно объясняет внутреннюю феноменологию ментального опыта и разделяет психику на сознательную и бессознательную части, приписывая ментальным событиям уникальную сущность, не сводимую к сущности физических событий, но сталкивается с трудностями при решении психофизической проблемы в рамках каузальной замкнутости физического мира. Последовательное развитие нередуктивных концепций сознания приводит либо к нарушению закона сохранения физической энергии (если мы признаем ментальную каузацию), либо к номологической бесполезности сознания (если мы не признаем ментальную каузацию).

Таким образом, материалистические теории редуктивного типа испытывают трудности при решении онтологической проблемы (обусловленной бытием нефизического сознания в физическом мире), а материалистические теории нередуктивного типа испытывают трудности при решении психофизической проблемы (обусловленной взаимодействием нефизического сознания с физическими системами). Попытки вырваться из этого замкнутого круга предпринимаются и в отечественной философии, например, в работах А.Ю. Алексева, И.А. Бесковой, Н.А. Блохиной, В.В. Васильева, А.А. Веретенникова, Д.Б. Волкова, Н.М. Гарнцевой, Д.И. Дубровского, Д.В. Иванова, В.А. Лекторского, В.В. Орлова, Н.С. Юлиной и др. В советское время в рамках диалектического материализма отечественными

философами (Н.П. Антоновым, Л.О. Резниковым, В.П. Тугариновым, В.А. Штоффом и др.) также предпринимались попытки решить проблему бытия сознания через концепцию отражения как атрибутивного свойства материи.

Информационную модель сознания используют в построении своих философских систем такие мыслители, как Д.И. Дубровский, Р. Пенроуз и Д. Чалмерс. В частности, Д.И. Дубровский объясняет бытие ментальных феноменов через вторичные информационные процессы, предметом которых являются не события окружающего мира, а сами информационные данные. Р. Пенроуз разводит информационные процессы нисходящего и восходящего типа, объясняя эволюцией последних наличие в опыте сознания феноменального состава, не сводимого к функциям вычислительных систем. Д. Чалмерс под влиянием философии Б. Рассела полагает, что бытие сознания обуславливается внутренней, информационной стороной бытия физического сущего.

Квантовая модель сознания, развиваемая главным образом в рамках эмерджентизма, отождествляет ментальные свойства со специфическими квантовыми свойствами, которые реализуются в процессе функционирования нейронных сетей головного мозга. К представителям данной точки зрения можно отнести М.Б. Менского, Х. Степпа, С. Хамероффа. В своей книге «Сознающий ум» Д. Чалмерс также рассматривает перспективы, которые заключает в себе квантовая модель сознания и, прежде всего, обращает внимание на возможность использования принципа неопределенности Гейзенберга для решения психофизической проблемы в рамках нередуктивного материализма.

Объектом исследования является бытие сознания как субъективно-ментальной целостности в объективно-физическом мире.

Предметом исследования является квантово-информационная специфика бытия сознания как субъективно-ментальной целостности, существующей в объективно-физическом мире.

Проблема исследования заключается в том, каким образом становится возможным возникновение и развитие сознания как субъективно-ментальной целостности в объективно-физическом мире. Решение этой проблемы порождает

ряд сопутствующих вопросов. Каким образом физические системы могут генерировать нефизические (ментальные) феномены, в то время как, согласно закону сохранения физической энергии, одно физическое существо может трансформироваться лишь в другое физическое существо? Что представляет собой сознание в своей материальной основе? Каким образом нефизическое сознание может взаимодействовать с физическими системами без нарушения принципа каузальной замкнутости физического мира? Какие значимые функции играет сознание в жизни человека и почему они не могут быть реализованы на бессознательном уровне бытия?

Цели и задачи исследования

Целью диссертационного исследования является построение квантово-информационной модели сознания, способной объяснить возможность его возникновения и развития как субъективно-ментальной целостности в объективно-физическом мире.

В соответствии с целью диссертационного исследования решаются следующие *основные задачи*:

1. Продемонстрировать эффективность квантово-информационной модели ментального опыта в плане понимания сущности сознания как части материалистической картины мира.
2. Построить классификацию информационных состояний и, опираясь на нее, показать, каким образом становится возможным возникновение и развитие нефизического сознания в физическом мире.
3. Преодолеть онтологический разрыв между ментальными и физическими событиями, обеспечив тем самым возможность их энергоинформационного взаимодействия.
4. Используя принципы, лежащие в основе онтологии квантовой реальности, раскрыть особенности бытия феноменов сознательной и бессознательной психики.

5. Объяснить в рамках материалистической онтологии возникновение внутреннего субъективно переживаемого феноменального содержания психического опыта в объективно существующем физическом мире.

6. Используя квантово-информационную специфику бытия сознания, объяснить свободу сознающего субъекта и указать ее адекватное место в материалистическом понимании мира.

Методологические и теоретические основы исследования

В рамках диссертационного исследования с целью описания общих характеристик ментального опыта используется феноменологический метод. При построении квантово-информационной теории сознания используется аксиоматико-дедуктивный метод, благодаря которому вводятся базовые положения (связанные с полнотой физической науки и эвиденциальной достоверностью бытия ментальных феноменов, а также с пониманием бытия информации и квантовых явлений), а затем, опираясь на них, дедуктивным способом выстраивается философская концепция, позволяющая решить основные философские проблемы бытия ментального сущего. При выявлении положительных сторон и эвристической значимости квантово-информационной теории сознания на фоне иных философских концепций, развиваемых в настоящее время, используется метод сравнительного анализа.

Диссертационное исследование основывается на следующих теоретических предпосылках и принципах:

1. *Материалистическое мировоззрение*, согласно которому процессы материального характера лежат в онтологической основе любых процессов, протекающих во Вселенной.

2. *Онтологическая целостность материального мира*, в соответствии с которой закономерности высокоуровневых явлений дедуктивно выводятся из закономерностей соответствующих им процессов низкоуровневого порядка в рамках одного и того же вида бытия рассматриваемой материальной системы.

3. *Принцип каузальной замкнутости физического мира*, согласно которому всякое физическое событие имеет только физическую причину и только физическое следствие.

4. *Энергоинформационный принцип*, согласно которому материя представляет собой онтологическое единство энергии и информации (т.е. не существует передачи энергии без передачи информации, и не существует передачи информации без передачи энергии).

С помощью этих предпосылок и принципов в рамках диссертационного исследования выстраивается философская теория сознания, которая объясняет, каким образом в каузально замкнутом физическом мире может возникать и развиваться нефизическое сознание, обладающее каузальной силой.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Показано, что в рамках нередуктивного материализма понимание энергии и информации как двух коррелирующих аспектов материи, единство которых обеспечивается темпоральностью, закрывает онтологический и дескриптивный разрыв между физическими и ментальными событиями.

2. Для различения энергетических и информационных состояний материи вводятся два уровня бытия сущего – экзофеноменальный и эндофеноменальный, а также используется деление бытия сущего в отношении совместимости состояний на действительное бытие и возможное бытие, благодаря чему объясняется взаимодействие, во-первых, физического и психического сущего, и, во-вторых, сознательной и бессознательной психики.

3. Бытие сознательной и бессознательной психики рассматривается с позиций квантовой онтологии, что, в частности, эксплицирует существование множества несовместимых психологических онтологий, на которых основываются эффективные психотерапевтические методы.

4. Выстраивается новая иерархическая классификация информационных состояний материи, в соответствии с которой информация может быть операциональной, функциональной, психической и социальной.

5. Прослеживается эволюция информационных систем от физического уровня бытия к биологическому, от биологического – к психическому и от психического – к социальному с преодолением трех основных трудностей – семантической, феноменальной и intersubъективной.

6. Рассматриваются два типа причинности – продольная и поперечная, за счет чего обосновывается существование информационной причинности наряду с причинностью физического типа.

7. Объясняется эволюционная значимость сознания и возможность систем, обладающих переживаемым изнутри психическим опытом, генерировать более разнообразное и адаптивное поведение за счет параллельного хода процессов декогеренции и рекогеренции на психическом уровне бытия в отличие от систем, управляемых функциональной информацией, которым свойственно последовательное развитие процессов декогеренции и рекогеренции.

8. В рамках материалистической онтологии выстраивается квантово-информационная экспликация свободы сознающего субъекта на основе теории поперечной информационной причинности, которая без нарушения принципа каузальной замкнутости физического мира объясняет каузальную силу информационных данных психики.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сознание представляет собой целостный феномен, феноменальное содержание которого определяется репрезентирующей системой, а интенциональное – репрезентируемым объектом.

2. Ментальные состояния по своему феноменальному контенту не поддаются логико-вычислительному моделированию и не сводятся к состояниям функционального или поведенческого характера.

3. Сознание представляет собой коррелят нейронных процессов, протекающих в головном мозге, т.е. оно существует тогда и только тогда, когда происходят соответствующие процессы нейронного порядка, но не редуцируется к ним по сущности и не находится с ними в каузальных отношениях.

4. Редуктивный материализм (сильного и слабого типа) теряет уникальную феноменологию ментального сущего, а нередуктивный материализм в форме вторичного дуализма свойств не согласуется с принципом каузальной замкнутости физического мира, и только нередуктивный материализм в форме первичного дуализма свойств сохраняет уникальную феноменологию ментального сущего и согласуется с принципом каузальной замкнутости физического мира.

5. Онтологическое единство физического и ментального сущего укореняется в темпоральности материальных событий.

6. Психические феномены представляют собой метаинформационные состояния материальных систем.

7. Субъективно существующие ментальные феномены возникают в объективно существующем физическом мире за счет закономерной эволюции материальных (энергоинформационных) систем.

8. Бессознательная психика представляет собой суперпозицию возможных психических состояний, трансформирующихся на ментальном уровне бытия в переживаемое изнутри ментальное состояние.

9. Поведение на уровне ментального бытия становится более разнообразным и адаптивным по сравнению с поведением, которое осуществляется на бессознательном уровне бытия, за счет параллельного хода процессов декогеренции и рекогеренции, обуславливающих психическую активность субъекта.

10. Свобода сознающего субъекта полностью не сводится к причинности физического порядка и становится возможной без нарушения принципа каузальной замкнутости физического мира благодаря ментальной каузации, которая обуславливается поперечной информационной причинностью.

Теоретическая и практическая значимость исследования

В рамках диссертационного исследования разрабатывается ряд принципов и идей (энергоинформационный принцип, принцип онтологической несепарабельности, принцип топографического единства, понимание бессознательного как суперпозиции возможных психических состояний, идея поперечной информационной причинности и др.), опираясь на которые можно инкорпорировать сознание в

научную картину мира и тем самым наметить пути объективно-физического (количественного) изучения феноменов субъективно-ментального порядка. Данные принципы позволяют также наладить конструктивный диалог между представителями разных научных дисциплин (таких, например, как психология, биология, этология, нейрофизиология и кибернетика), в рамках которых разрабатываются теории сознания. Особенно это касается психологии, где выстраиваются несовместимые психологические теории, позволяющие создавать эффективные методы работы с конкретными психологическими проблемами.

Квантово-информационная специфика бытия сознания как основа ментальной каузации и свободы сознающего субъекта закладывает философские основы для решения ряда социальных, этических, аксиологических, праксиологических и экзистенциальных проблем, имеющих неоспоримое значение для бытия человека в окружающем мире. К таким проблемам можно отнести проблемы, касающиеся смысла человеческой жизни, оптимального устройства общества, канонов морали, высших ценностей бытия и духовного развития личности.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы для совершенствования учебных курсов по философии сознания, а также философии и методологии науки.

Апробация результатов исследования

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в двух монографиях «Материалистическая философия сознания. Проблемы и концепции. Критический подход» (Новосибирск, 2015) и «Квантово-информационный эпифеноменализм» (Новосибирск, 2017), а также в ряде научных публикаций, из которых 18 статей опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК.

Материалы диссертации обсуждались на научно-методических семинарах кафедры философии НГТУ и на следующих конференциях: VIII Международной научно-практической конференции «Наука и современность» (Новосибирск, НГТУ, 2011); XVII Международной научно-практической конференции «Система ценностей современного общества» (Новосибирск, НГТУ, 2011); VII Всероссий-

ских Копыловских чтениях «Социальная онтология России» (Новосибирск, НГТУ, 2013); VIII Всероссийских Копыловских чтениях «Социальная онтология России» (Новосибирск, НГТУ, 2014); IX Всероссийских Копыловских чтениях «Социальная онтология России» (Новосибирск, НГТУ, 2015); XVI научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки XXI века» (Москва, 30.11.2016); Международной научно-практической конференции «Инновационные процессы в научной среде» (Новосибирск, 08.12.2016); Международной научно-практической конференции «Проблемы современных интеграционных процессов и пути их решения» (Омск, 13.12.2016); Международной научно-практической конференции «Наука и инновации в современных условиях» (Екатеринбург, 18.12.2016); Международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития науки в России и мире» (Екатеринбург, 15.02.2017); Международной научно-практической конференции «Эволюция современной науки» (Уфа, 18.02.2017).

Структура диссертационной работы

Структура диссертации соответствует цели и задачам исследования. Диссертация состоит из введения, 4 глав, содержащих 16 параграфов, заключения и списка использованной литературы, который включает 322 наименований. Общий объем работы составляет 315 с.

ГЛАВА 1. ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ

§ 1. Феноменальный и интенциональный аспекты сознания

В рамках аналитической философии, начиная с середины прошлого века, по сравнению с предшествующей философией проблема бытия сознания была переадресована от вопросов, связанных со способами чувственной и интеллектуальной обработки информации, к вопросам, обусловленным самой возможностью существования ментально-психических феноменов в каузально замкнутом физическом мире. Такая постановка проблемы является более фундаментальной и предельной, поскольку прежде чем выявлять основные функции сознания, необходимо объяснить, каким образом субъективные феномены психики могут возникать и развиваться в объективно существующем материальном мире. Благодаря активному использованию последних достижений науки аналитическая философия содержит в себе большие эвристические возможности для построения полной и когерентной теории сознания, способной отыскать общую онтологическую основу для ментальных и физических событий.

Дать определение сознанию в терминах, имеющих объективно фиксируемые референты, трудно, поскольку ментальный (сознательный) опыт по своему феноменальному содержанию не поддается дефиниции через понятия, чьими референтами не являются элементы самого этого ментального (сознательного) опыта. Если человек никогда не видел красного цвета, то никакое знание обо всех физических (нейрофизиологических, биохимических, биоэлектрических) процессах, сопровождающих переживание красного цвета, не позволит ему знать также и то, каково это – воспринимать красный цвет. Узнать об этом он сможет лишь тогда, когда увидит красный предмет, т.е. при условии, что его головной мозг перейдет в соответствующее физическое (нейрофизиологическое, биохимическое, биоэлектрическое) состояние.

Поэтому знание может быть двух видов – внешнее и внутреннее. *Внешнее знание*, или знание извне, представляет собой опосредованное знание, когда познаваемое познается в своем инобытии, т.е. репрезентируется средствами репрезентирующей системы в виде чего-то ему не тождественного. *Внутреннее знание*, или знание изнутри, представляет собой непосредственное знание, когда познаваемое познается в своем бытии, т.е. репрезентируется через себя самого как само себе тождественное. Внешнее знание предполагает взаимодействие репрезентируемого объекта и репрезентирующей системы, в результате которого первый вызывает во второй изменения, обусловленные процессом репрезентации, и поэтому оно может быть объяснено в рамках законов и процессов физического порядка, организующих подобное взаимодействие. В отличие от этого внутреннее знание не предполагает взаимодействия репрезентируемого объекта и репрезентирующей системы, ибо в данном случае репрезентируемый объект, будучи тождественным репрезентирующим структурам, репрезентируется в своем непосредственном бытии, и поэтому оно уже не может быть объяснено в рамках законов и процессов физического порядка, поскольку не сводится к взаимодействию физических элементов.

Именно такое непосредственное знание изнутри называется сознанием, которое представляет собой онтологическую проблему, поскольку до сих пор остается непонятным, каким образом оно, будучи субъективно-ментальным феноменом, может возникать и развиваться в объективно-физическом мире. За счет чего именно становится возможным, что активность физического сущего порождает нефизическое (ментальное) сущее, если в силу полноты физического бытия, которое выражается в уравнениях физики, описывающих онтологическую основу окружающего мира, всякое физическое событие имеет только физическую причину и только физическое следствие? В начале своего философского исследования «Сознающий ум» Д. Чалмерс откровенно заявляет: «Сознание – величайшая тайна»¹. И это не просто метафора, а выражение того, что сознание не вписывается в научную картину мира, ибо никакие физические процессы, которые согласно

¹ Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. М, 2013. С. 10.

научно-материалистическому мировоззрению лежат в бытийном фундаменте всякого наблюдаемого события, не могут объяснить наличие субъективно переживаемого содержания ментального (сознательного) опыта. Поэтому для объяснения бытия сознания необходимо либо 1) свести ментальное (сознательное) бытие к физическому, элиминировав тем самым субъективную реальность, либо 2) постулировать нефизические законы, объясняющие трансформацию физического существа в нефизическое, нарушив тем самым полноту физического описания Вселенной, либо 3) расширить научную картину мира и дополнить ее нефизической сущностью фундаментального порядка, переосмыслив в рамках материализма само понятие материи, либо 4) признать трансцендентную (выходящую за пределы материального бытия) природу сознания и тем самым отказаться от материалистической онтологии, которая на сегодняшний день лежит в основе научного мировоззрения.

Исходя из понятия внутреннего знания, можно сказать, что *сознание* – это свидетельство внутренне переживаемой психической жизни, которая доступна в непосредственном опыте лишь самому сознающему субъекту. Речь идет не о рефлексии и не об осведомленном отсчете, в котором с помощью понятий и специальных терминов интроспективно осмысливается содержание психических актов, а о прямом переживании от первого лица каких-то феноменальных данных. Я осматриваюсь вокруг, вижу вещи, расположенные в комнате, и осознаю содержание визуального восприятия. При этом я могу не понимать, что именно я воспринимаю и что имеет место акт визуального восприятия, а также то, что воспринимаю именно я, а не кто-либо другой, но в любом случае я осознаю, что нечто происходит и случается в поле визуального восприятия, т.е. осознаю существование чего-то визуально данного. Аналогичные рассуждения относятся и к другим сенсорным модальностям, таким, как восприятие звуков и тактильные ощущения, а также к процессам мыслительного характера. Я размышляю над какой-то проблемой и осознаю, что в поле моего интеллектуального анализа нечто случается и происходит, в процессе чего используются какие-то идеи, понятия и категории с целью решения поставленной задачи.

Сознание как психическая сущность противопоставляется *бессознательному*, которое в своем феноменальном содержании остается скрытым от непосредственного опыта субъекта. Сознание можно уподобить «свету», который выхватывает из «темноты» бессознательного определенный участок психической жизни, свидетельствует его и преобразует, наполняя осознаваемыми данными, тогда как бессознательное можно уподобить «темноте», из которой они возникают и в которую погружаются, когда в фокусе сознания происходят соответствующие трансформации.

Ментальное бытие в рамках проводимого исследования имеет отношение к осознаваемым (т.е. осознанно фиксируемым, но не обязательно осмысленно понимаемым) психическим переживаниям, которые противопоставляются психическим переживаниям бессознательного характера. Под *психическими переживаниями* подразумеваются любые события психического свойства, которые происходят во внутренней (чувственной и интеллектуальной) жизни человека. Таким образом, понятие психического имеет больший объем, нежели понятие ментального, ибо всякий ментальный феномен является психическим, но не всякий психический феномен является ментальным благодаря существованию бессознательных психических переживаний. *Феномен* здесь и далее понимается не в кантовском смысле как объект, конституированный трансцендентальным Я, и не в гуссерлевском смысле как интенциональное единство многообразно проявленных созерцаний, а в более широком смысле, который делает слова «феномен» и «сущее» синонимами с той лишь незначительной разницей, что в случае использования слова «сущее» ставится ударение на том, что рассматриваемое сущее существует в каком-то онтологическом модусе, а в случае использования слова «феномен» ставится ударение на том, что рассматриваемый феномен обладает какими-то качественными особенностями. Поэтому феномен есть сущее, которое определенным образом проявляет свойства через события окружающего мира и может быть в той или иной степени раскрыто средствами человеческого познания. Под *событием* следует понимать совокупность фактических данных, которые указывают

на то, что нечто случается и происходит на определенном уровне бытия окружающего мира.

С целью прояснения сущности сознания выделим два аспекта психических актов – феноменальный и интенциональный. *Феноменальный аспект* психических актов сводится к внутренним чувственным данным, переживаемым в субъективном опыте. *Интенциональный аспект* психических актов представляет собой единство репрезентируемого предмета в совокупности феноменальных данных. Например, феноменальным содержанием восприятия оранжевого апельсина является визуальное ощущение оранжевого цвета, а также вкус, запах и тактильное чувство, связанное с прикосновением к его шероховатой поверхности, независимо от того, что все эти сенсорные переживания относятся к восприятию конкретного реально существующего объекта, тогда как интенциональным единством восприятия оранжевого апельсина является сам апельсин в качестве воспринимаемого сущего.

Для обозначения феноменального содержания сознания в текстах по аналитической философии используется специальный термин – *квалиа*, который обозначает неинтенциональные субъективные данные, репрезентирующие какое-то положение дел. При этом ментальные состояния не сводятся полностью к качественным, поскольку содержат в себе еще и моменты интенциональной направленности на предметное единство, репрезентируемое совокупностью квалиа. Интенция сознания направляется на осознаваемое сущее через феноменальное содержание, существующее уже не интенционально, т.е. не как нечто такое, к чему сознание устремляется и прикасается, а как само это устремление и прикосание, не связанное само по себе никаким интенционально полагаемым предметным единством. Если же сознание в рефлексивном акте направляется на свои собственные имманентные структуры, посредством которых осуществляется репрезентация какого-то интенционально полагаемого сущего, то в этом случае они занимают место предметного единства и сами становятся интенционально полагаемым сущим. Феноменальное содержание психики познается изнутри в непосредственном опыте переживания как собственно то, посредством чего осуществляет-

ся качественная репрезентация, а интенционально полагаемое сущее познается извне в опосредованном опыте переживания как собственно то, что качественно репрезентируется через феноменальное содержание психики.

Однако не все современные философы признают существование квалиа, поскольку наличие феноменального содержания во внутренней психической жизни человека не поддается объяснению объективно-научными средствами как результат активности нейронных сетей головного мозга. Физическим процессам можно приписать свойства, которые аналогичны свойству психической интенциональности, но им нельзя приписать свойства, которые аналогичны свойству ментальной качественности (феноменальности). Допустить существование квалиа «значит во многом отказаться от перспективы физикалистского объяснения сознания»². Подобной точки зрения придерживается Д. Деннет, который отрицает существование квалиа, поскольку такие феномены, как «боль, ароматы, мечты, ментальные образы, вспышки гнева и вожделения... вовсе не являются таковыми, какими они нам кажутся»³. Нам кажется, что существуют психоментальные феномены (чувства, образы и мысли), тогда как, на самом деле, их не существует, а существуют одни лишь языковые дескрипции. В своей книге «Сознание объясненное» он пишет: «Я утверждаю, что у нас вообще нет никаких квалиа. Тот вид различия, который, как полагают люди, существует между любой машиной и любым имеющим опыт человеческим бытием, ... я решительно отвергаю: такого вида различия не существует»⁴. По мнению, Д. Деннета, сущности, не проявляемые в научном исследовании, не могут быть признаны существующими, и, следовательно, качественным состояниям психики, до которых нельзя добраться объективно-научными средствами, не соответствуют никакие элементы объективно существующего физического мира. Однако отрицание качественной составляющей ментальных актов противоречит нашему непосредственному опыту, т.е. чувственному опыту субъектов, обладающих сознанием. Переживаемое в психическом переживании может и не являться собственно тем, чем оно кажется, но само

² Волков Д.Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания. М., 2012. С. 171.

³ Dennett D.C. Consciousness Explained. Boston, 1991. P. 45.

⁴ Там же, с. 375.

по себе оно, безусловно, переживается с эвиденциальной достоверностью и не может не существовать, поскольку переживается изнутри. Обладающий сознанием субъект может найти основания, чтобы сомневаться в бытии репрезентируемого им объективно-физического мира, но у него нет и не может быть никаких оснований, чтобы сомневаться в бытии самих психических переживаний, которые он переживает в своей внутренней субъективно-ментальной жизни.

Другой аспект сознания – интенциональный – обуславливается направленностью репрезентативного акта на предметное единство, которое амплифицируется (дополняется до целого) из феноменально переживаемых субъективных данных. Интенционально полагаемое сущее сводится к предметному единству множества репрезентативных актов независимо от того, существует оно реально или воображаемо. Например, в акте визуальной перцепции предметным единством может являться как реально воспринимаемый человек, так и его образ, сконструированный на основе памяти.

Одним из первых, кто предложил использовать интенциональность как свойство, которое позволяет отличать психическое бытие от физического, был Ф. Brentano. Вслед за ним Э. Гуссерль и Д. Серл также считали интенциональность особым свойством психического бытия. Однако в современной философии сознания существуют теории, которые интенциональную демаркацию между психическим и физическим бытием ставят под сомнение. Например, Д. Деннет показывает, что интенциональность – это не онтологическая характеристика, а способ описания, который присущ не только психическим, но и физическим объектам. В своей работе «Виды психики» он пишет: «Маленькие переключатели подобны примитивным органам чувств, а действия, вызываемые переводом этих переключателей в положение «ВКЛ» и «ВЫКЛ», подобны интенциональным действиям»⁵. По его мнению, интенциональность можно приписать компьютеру, играющему в шахматы, поскольку в его действиях присутствует момент целеполагания и ориентированности на определенный результат, и если мы экстраполируем такое описание на неживые системы, то увидим, что, вообще говоря, все они могут

⁵ Деннет Д. Виды психики. М., 2004. С. 65.

быть истолкованы как обладающие качеством интенциональности. Например, уже в поведении электрона можно заметить момент целеполагания, связанный с его устойчивым пребыванием на определенном энергетическом уровне внутри атома, а также момент ориентированности на результат, обусловленный переходом на другой энергетический уровень при поглощении или испускании фотона.

Если психический акт имеет феноменальный аспект, но не имеет интенционального аспекта, то речь идет об элементарном *ощущении*, которое феноменологически обуславливается не каким-то интенционально полагаемым сущим, а качественным материалом, участвующим в репрезентации последнего. Например, ощущение боли имеет феноменальный аспект, поскольку можно спросить, каково это – переживать боль, но не имеет интенционального аспекта, поскольку указывают не на какое-то сущее, трансцендентное переживанию боли, а на само феноменальное содержание сознания в виде переживания боли при условии, что к акту элементарного ощущения не приплюсовывается еще и мыслительный акт, в котором проясняются его онтологические причины. Само по себе переживание боли ничего не говорит переживающему субъекту о том, что именно ее индуцирует, но если он задумывается о причинах болевых ощущений, то психический акт обретает интенциональную направленность. Подобный ход мысли можно экстраполировать на любые ощущения вообще, будь то ощущения цвета, звука, запаха, вкуса или тактильного контакта, в результате чего мы должны признать, что всякое элементарное ощущение как таковое не обладает интенциональной структурой, поскольку имманентно ему самому не содержится никакой информации относительно объекта, ощущаемого в данном ощущении. Всякое элементарное ощущение само по себе лишено интенционального единства, скрепляющего множество элементарных ощущений в единое предметное целое. В отличие от этого единство элементарных ощущений порождает *чувственный образ*, который уже имеет интенциональную компоненту, поскольку указывает на репрезентируемый предмет, существующий реально или воображаемо.

На *чувственном (сенсорном) уровне репрезентации* феноменальный аспект играет ведущую роль, поскольку именно феноменальное содержание психическо-

го акта определяет собственно то, что переживается в чувственном акте (интенционально в случае чувственных образов или неинтенционально в случае элементарных ощущений). В отличие от этого на *интеллектуальном (мыслительном) уровне репрезентации* ведущую роль играет уже не феноменальный, а интенциональный аспект, поскольку именно интенционально полагаемое предметное единство определяет собственно то, что мыслится в интеллектуальном акте. Одна и та же мысль может быть реализована с помощью разного феноменального состава, но на чувственном уровне бытия воспринимаемое сущее не может быть отделено от феноменального состава, посредством которого оно репрезентируется. Инвариантность мыслительных конструкций по отношению к феноменальному содержанию психики позволяет с их помощью находить общие свойства в разнообразии единичного сущего, тогда как зависимость чувственных конструкций от феноменального содержания психики позволяет с их помощью находить конкретное сущее в разнообразии единичных объектов. Если мы увидим голубой апельсин, то сможем назвать его апельсином только в том случае, если в мыслительном акте абстрагируем форму от цветового исполнения, тогда как в рамках чувственного восприятия голубой апельсин уже не будет собственно апельсином, который является таковым лишь постольку, поскольку имеет оранжевый цвет.

Несмотря на то, что смысловые конструкты, используемые для интеллектуальной репрезентации, представляют собой интенциональные единства, лишенные чувственной компоненты, в реальном мыслительном акте они всегда сопровождаются какими-то чувственными данными. Нельзя мыслить, ничего не воображая, не воспринимая и не представляя, но, с другой стороны, можно иметь чувственную репрезентацию без смысловой компоненты, собирающей ее в единое интенциональное целое. Таким образом, феноменальный аспект является атрибутом (обязательным свойством) сознания, поскольку нельзя что-либо сознавать, не имея при этом никаких элементарных ощущений, тогда как интенциональный аспект является модусом (необязательным свойством) сознания, поскольку можно что-либо сознавать, не используя при этом никаких мыслительных конструкций. Однако до рассмотрения ментальных переживаний в рамках аналитической фило-

софии сознание, как правило, отождествлялось с мышлением и не исследовалось со стороны феноменальной проблемы, в то время как, вообще говоря, сознание не тождественно мышлению, ибо, с одной стороны, мышление может быть бессознательным, а, с другой стороны, сознание с необходимостью не предполагает мыслительной компоненты (например, в переживаниях младенца, медитативных состояниях или во внеязыковой культуре дзен-буддизма). Если мышление (вместе с интенциональной компонентой сознания) можно попытаться свести к логико-вычислительным операциям, которые реализуются в нейронных сетях головного мозга, то чувственность (вместе с феноменальной компонентой сознания) такого рода редукции не подвластна, ибо никакие логико-вычислительные операции, существующие объективно и данные извне, не объясняют наличие феноменального сознания, существующего субъективно и данного изнутри.

Исходя из феноменальной наполненности сознания, не редуцируемой к функциональным состояниям нейронных сетей головного мозга, вслед за Т. Нагелем можно сказать, что ментальное состояние – это такое состояние, в отношении которого имеет смысл спрашивать, *каково это* – находиться в данном состоянии. Такая *субъективно-приватная* характеристика ментального опыта, подчеркивающая его *данность от первого лица*, позволяет отличать сознание от бессознательных психических состояний, ибо бессмысленно спрашивать, например, о том, каково это – переживать красный цвет или испытывать стыд в бессознательном состоянии. Можно говорить о том, каково это – переживать на сознательном уровне психики манифестацию бессознательного стыда, но сам по себе бессознательный стыд в своей внутренней феноменологии не переживается как нечто психологически определенное. Феноменология сознательного опыта отличается не только от феноменологии нейронных процессов, протекающим в головном мозге человека, но и от феноменологии бессознательных переживаний, ибо в противном случае мы получаем логически противоречивое понятие бессознательного сознания.

Чтобы отличить сознание от иных феноменов в отношении их онтологического статуса, построим общую классификацию видов бытия сущего, используя две пары признаков: объективность / субъективность и конкретность / абстракт-

ность. Под объективностью будем понимать независимость бытия рассматриваемого сущего от его ментальной репрезентации, а под субъективностью – зависимость бытия рассматриваемого сущего от его ментальной репрезентации. Под конкретностью будем понимать единичный и уникальный характер бытия рассматриваемого сущего, а под абстрактностью – обобщающий и интегрирующий характер бытия рассматриваемого сущего. Конкретно существует то, что существует в единичном экземпляре и может быть понято в качестве элемента какого-то класса, тогда как абстрактно существует то, что существует в качестве обобщающего класса, состоящего из множества единичных элементов или других обобщающих классов. В данном случае понятиям конкретного и абстрактного приписывается смысл, присущий им до философии Г.В.Ф. Гегеля, т.е. под конкретным имеется в виду чувственно данное бытие единичного сущего, а под абстрактным – интеллектуально данное бытие универсального сущего как продукта мыслительной активности субъекта. Поэтому их не следует путать с аналогичными понятиями в гегелевской философии, где под конкретным понимается развитое, многостороннее, сложное и противоречивое бытие как чувственно, так и интеллектуально данного сущего, а под абстрактным – напротив, неразвитое, одностороннее, простое и непротиворечивое бытие как чувственно, так и интеллектуально данного сущего⁶. В итоге мы получаем четыре основных вида бытия познаваемого сущего в соответствии с табл. 1.

Табл. 1. Виды бытия познаваемого сущего

Характеристики бытия сущего	Объективность	Субъективность
Конкретность	Реальное бытие	Виртуальное бытие
Абстрактность	Эйдетическое бытие	Интеллигибельное бытие

⁶ Строго говоря, в философии Гегеля конкретной является дедуктивно развиваемая мысль, в рамках которой прослеживаются диалектические взаимосвязи между отдельными понятиями и категориями и которая обретает предел своей конкретности в Абсолютной Идее, тогда как чувственно данным конкретное быть не может, ибо чувственные вещи не заключают в себе диалектические взаимосвязи и поэтому остаются внеположенными друг другу. Однако в марксистской философии, которая использует гегелевскую диалектику, конкретными уже являются не только интеллектуально данные мысли, отражающие объективную истину, но и чувственно данные вещи, образующие материальный мир.

Реальное бытие, обладающее качествами объективности и конкретности, не зависит от ментальной репрезентации и относится к сущему, которое существует в своей единичности и уникальности. Реальное бытие – это бытие материальных вещей и явлений, которые сосуществуют во внешнем (астрономическом) пространстве-времени независимо от познающего субъекта. *Виртуальное бытие*, обладающее качествами субъективности и конкретности, зависит от ментальной репрезентации и относится к сущему, которое существует в своей единичности и уникальности. Виртуальное бытие – это бытие чувственно-эмоциональных переживаний, которые сосуществуют во внутреннем (психологическом) пространстве-времени и принадлежат конкретному переживающему субъекту. *Интеллигибельное бытие*, обладающее качествами субъективности и абстрактности, зависит от ментальной репрезентации и относится к сущему, которое существует в форме обобщающей и интегрирующей характеристики множества единичных и уникальных объектов. Интеллигибельное бытие – это бытие мыслительных конструктов (идей, понятий, категорий, суждений, теорий и т.д.), которые, будучи репрезентативными формами, лишенными чувственно-эмоциональной компоненты, раскрывают смысловые единства в многообразии познаваемого сущего. *Эйдетическое бытие*, обладающее качествами объективности и абстрактности, не зависит от его ментальной репрезентации и относится к сущему, которое существует в форме обобщающей и интегрирующей характеристики множества единичных и уникальных объектов. Эйдетическое бытие – это бытие объективно существующих законов, которым подчиняется окружающий мир на разных онтологических уровнях независимо от познающего субъекта. При этом следует понимать, что законы, обуславливающие бытие Вселенной именно в том виде, в каком она существует, не тождественны их символической репрезентации, которая относится уже к интеллигибельному бытию и выражает их содержание с определенной долей истинности. Сами по себе законы материального мира имеют сущность, независимую от мыслящего субъекта, но репрезентируются в виде интеллигибельных конструкций (формул, уравнений, схем, графиков и т.д.), в равной степени, как и материальные вещи сами по себе существуют независимо от воспринимающего

субъекта, но становятся доступными ему в виде сенсорных образов (визуальной, аудиальной или кинестетической модальности).

В итоге можно построить классификацию основных видов познаваемого сущего в соответствии с табл. 2.

Табл. 2. Виды познаваемого сущего

Характеристики бытия сущего	Объективность	Субъективность
Конкретность	Вещи (Реальное бытие)	Чувства и эмоции (Виртуальное бытие)
Абстрактность	Законы (Эйдетическое бытие)	Идеи и понятия (Интеллигибельное бытие)

Физическое бытие – это реальное бытие, которое наличествует во внешнем (астрономическом) пространстве-времени независимо от познающего субъекта. Ментальное бытие, имеющее отношение к внутренней (психической) жизни субъекта, не есть физическое бытие, поскольку оно не обладает энергией, позволяющей совершать работу во внешнем (астрономическом) пространстве-времени, и не есть эйдетическое бытие, поскольку эйдетические сущности (например, законы, которым подчиняется бытие материального мира, или законы логики и математики) существуют независимо от психических форм репрезентации. Как верно замечает Э. Гуссерль, законы эйдетических наук (логики и математики) не зависят от психической конституции мыслящего существа, ибо, например, утверждение, что два плюс два равняется четырем или что через точку, лежащую вне прямой на евклидовой плоскости, можно провести одну и только одну прямую, параллельную данной, будет одинаково истинным и для человека, и для любого другого существа гуманоидного или не гуманоидного типа, способного заниматься алгеброй и геометрией, хотя при этом формы интеллектуального выражения подобных истин будут отличаться друг от друга в соответствии с используемым языком и набором базовых символов. По этому поводу Э. Гуссерль пишет: «То, что истинно, то абсолютно, истинно “в себе”; истина одна и та же, постигают ли ее и судят ли о ней люди или нелюди, ангелы или боги. Об истине в этом идеальном един-

стве в противовес реальному многообразию рас, индивидов и переживаний говорят логические законы и все мы, если мы не ослеплены релятивизмом»⁷. Законы естественных наук также не зависят от психической конституции мыслящего существа, ибо Вселенная подчиняется именно тем законам, которым подчиняется, в силу своего физического устройства, хотя эти законы на интеллигибельном уровне бытия могут быть выражены по-разному и с определенной степенью соответствия; например, закон всемирного тяготения может быть выражен с помощью формулы Ньютона, уравнений общей теории относительности А. Эйнштейна или уравнений релятивистской теории гравитации А.А. Логунова. Таким образом, ментальные феномены имеют виртуальное и интеллигибельное бытие.

Феноменальные данные, присутствующие в психическом акте, обладают *субъективным бытием*, поскольку их сущность открывается единственному субъекту, который имеет соответствующие переживания. Интенциональное содержание, присутствующее в психическом акте, обладает *интерсубъективным бытием*, поскольку его сущность является общей для множества субъектов, которые имеют соответствующие интенции. Репрезентируемое сущее, присутствующее в физическом мире, обладает *объективным бытием*, поскольку его сущность не зависит ни от каких субъектов, которые имеют соответствующие репрезентации (если, конечно, мы не являемся субъективными идеалистами и не полагаем, что бытие физической вещи тождественно ее психической репрезентации). Таким образом, между репрезентирующей системой, существующей объективно и реально, и репрезентируемым объектом, который может принимать разнообразные формы бытия субъективного и объективного характера, в процессе психической репрезентации выстраивается ментальный опыт, состоящий из феноменальных данных, которые существуют субъективно и виртуально, а также интенционального содержания, которое существует интерсубъективно и интеллигибельно.

Если мы полагаем, что ментальный опыт определяется репрезентирующей системой, то относимся к сторонникам *интернализма* (непрямого реализма). Согласно этой точке зрения содержанием ментального опыта являются не реальные

⁷ Гуссерль Э. Логические исследования. Том I. Прологомены к чистой логике. М., 2011. С. 112.

вещи, а ментальные состояния, опосредующие взаимодействие репрезентирующей системы и репрезентируемого объекта. В рамках интернализма выстраивается теория репрезентаций, которую разделяют Д. Мур и Б. Рассел, а также теория чувственных данных, к представителям которой можно отнести Г. Анскомба, Т. Крэйна, Я. Хинтикку и С. Шумахера. Эти теории утверждают, что предметами психических репрезентаций являются не физически существующие вещи, а ментально существующие феномены, т.е. мы непосредственно имеем дело не с вещами, а с чувственными образами, которые во всей своей совокупности дают нам представление о реально существующем внешнем мире. Когда мы видим оранжевый апельсин, трогаем его, нюхаем и пробуем на вкус, то в действительности имеем дело не с реальным объектом, а с совокупностью сенсорных данных, которые представляют собой репрезентативную модель, позволяющую совершать с ним ряд поведенческих манипуляций. Мы формируем представление о репрезентируемом объекте через индуцируемые им сенсорные образы в соответствии с физическим и функциональным устройством тела как репрезентирующей системы.

Если мы полагаем, что ментальный опыт определяется репрезентируемым объектом, то относимся к сторонникам *экстернализма* (прямого реализма). Согласно этой точке зрения содержанием ментального опыта являются реальные вещи, а не ментальные состояния, опосредующие взаимодействие репрезентирующей системы и репрезентируемого объекта. К экстерналистам можно отнести Д. Деннета, Ф. Дрецке, В. Ликана, Р. Манцотти, М. Тая, Г. Хармана, Т. Хондриха. Все они утверждают, что репрезентируемый объект дан в репрезентативном акте как его интенциональное единство, и поэтому нет никакой необходимости вводить между репрезентируемым объектом и репрезентирующей системой прослойку субъективных данных. Разделения на объект и его репрезентацию не существует, ибо последний не открывается познающему субъекту в виде какой-то репрезентативной модели, а показывает себя самого в своем собственном бытии. Например, Т. Хондрих в своей статье «Radical externalism» заявляет, что «то, что в

действительности для тебя является осознанием комнаты, в которой ты находишься, для комнаты является способом существования»⁸.

Если мы полагаем, что ментальный опыт имеет неоднородную структуру и характеризуется суммой феноменальных данных и интенционального содержания, то являемся представителями *квалитативизма* (или, используя терминологию Д. Тиенсона и Т. Хоргана, сепаратизма), согласно которому феноменальные данные продуцируются репрезентирующей системой, а интенциональное содержание определяется репрезентирующим объектом. В зависимости от источника ментальных состояний квалитативизм делится на экстерналистский и интерналистский. *Экстерналистский квалитативизм*, к представителям которого можно отнести Т. Бюрге, А. Кларка, В. Селларса, Г. Строунсона, а также последователей диалектического материализма, утверждает, что истина имеет две стороны – субъективную, определяемую конституцией субъекта, и объективную, определяемую конституцией объекта. Объективное положение дел выражается субъективными средствами за счет того, что в качестве интенционального единства совокупности феноменальных данных выступает репрезентируемый объект. Таким образом, два физически тождественных субъекта будут иметь нетождественный ментальный опыт в разной окружающей обстановке, и в одинаковой окружающей обстановке два физически нетождественных субъекта могут иметь тождественный ментальный опыт. *Интерналистский квалитативизм*, к представителям которого можно отнести И. Канта, Э. Маха, Д. Милля, Г. Спенсера, Д. Юма, утверждает, что истина имеет только одну субъективную сторону, которая не позволяет сказать ничего определенного об объективном положении дел. Например, по мнению Д. Юма, мы закованы в пределах нашего восприятия и можем познавать лишь репрезентативные образы мира, тогда как сам по себе он остается для нас принципиально непознаваемым. Таким образом, два физически тождественных субъекта будут иметь тождественный ментальный опыт в разной окружающей обстановке, и в одинаковой окружающей обстановке два физически нетождественных субъекта не могут иметь тождественный ментальный опыт.

⁸ Journal of Consciousness Studies. 2000. № 13. P. 6.

Если мы полагаем, что ментальный опыт имеет однородную структуру и характеризуется единством феноменальных данных и интенционального содержания, то являемся представителями *репрезентационализма* (интенционализма). В зависимости от источника ментальных состояний репрезентационализм также делится на экстерналистский и интерналистский. *Экстерналистский репрезентационализм*, к сторонникам которого можно отнести Ф. Дретске, В. Ликана и М. Тая, утверждает, что ментальные состояния, представляющие собой единство феноменальных данных и интенционального содержания, определяются репрезентируемым объектом, который воздействует на репрезентирующую систему, вызывая в ней феноменально релевантные изменения. Таким образом, два физически тождественных субъекта будут иметь нетождественный ментальный опыт в разной окружающей обстановке, и в одинаковой окружающей обстановке два физически нетождественных субъекта не могут иметь тождественный ментальный опыт. *Интерналистский репрезентационализм*, к сторонникам которого можно отнести Ю. Кригеля, Д. Левина и Т. Хоргана, полагает, что ментальные состояния, представляющие собой единство феноменальных данных и интенционального содержания, определяются репрезентирующей системой, которая принимает на себя воздействие репрезентируемого объекта в соответствии с заложенными в ней паттернами ментальной репрезентации. Таким образом, два физически тождественных субъекта будут иметь тождественный ментальный опыт в разной окружающей обстановке, и в одинаковой окружающей обстановке два физически нетождественных субъекта могут иметь тождественный ментальный опыт.

Чтобы выбрать одну из этих точек зрения, прежде всего, заметим, что психическая репрезентация в своем внутреннем феноменальном содержании зависит от физического и функционального устройства органов чувств. Визуальное восприятие оранжевого апельсина можно разложить на последовательность сложных физических процессов. Сначала от поверхности апельсина отражаются электромагнитные волны и попадают на сетчатку глаза, где преобразуются в серию электрических импульсов, которые по зрительному нерву распространяются до зрительного центра в головном мозге. Затем происходит ряд трансформаций элект-

трических импульсов в биохимические реакции и, наоборот, биохимических реакций в электрические импульсы. Таким образом, между объективным сигналом «на входе» и субъективным образом «на выходе», мы имеем многоступенчатый процесс энергоинформационной обработки, который определяет способ визуальной репрезентации. Если мы что-то поменяем в этом многоступенчатом процессе, то получим новую репрезентацию, которая будет отличаться от предыдущей своими феноменальными данными, но не интенциональным единством. Например, в результате подобных трансформаций мы можем увидеть апельсин в инфракрасной части спектра, и поэтому он будет репрезентироваться новыми феноменальными данными, но останется тем же самым интенционально полагаемым предметом, поскольку мы по-прежнему будем употреблять его в пищу и совершать с ним манипуляции, аналогичные тем, которые совершали ранее. Подобные рассуждения, которые являются разновидностью аргумента инвертированного спектра, опровергают репрезентационализм в его экстерналистском варианте. Если же мы станем утверждать, что в результате такого рода трансформаций увидим не апельсин, а нечто иное, интенционально отличное от того, что мы видели в рамках привычной нам организации сенсорного опыта, т.е. примкнем к позиции интерналистского репрезентационализма, то окажемся в затруднительной ситуации, пытаясь объяснить, каким образом становится возможным интересующее бытие, обеспечивающее для множества субъектов разделяемую картину мира.

Теперь сосредоточим свое внимание на концепциях квалитативистского типа. Интерналистский квалитативизм лежит в основе естественнонаучного агностицизма, который утверждает, что никакие эксперименты не могут вывести нас за пределы чувственности и открыть мир в его объективном материальном бытии. К подобным концепциям относится физиологический идеализм И. Мюллера (согласно которому мы познаем не мир, а сенсорные состояния, обусловленные устройством органов чувств), теория иероглифов Г. Гельмгольца (согласно которому сенсорные образы – это не вещи, а знаки вещей, имеющие с ними не больше тождества, чем слова со своими референтами) и телефонная концепция К. Пирсона (согласно которому мы анализируем сообщения, получаемые из внешнего ми-

ра в виде чувственных данных, но не можем сопоставить последние с тем, что они выражают, подобно тому, как телефонист не может сопоставить голос в трубке с голосом абонента, ибо имеет непосредственный контакт лишь с обращенным к нему концом телефонного провода). Однако в данном случае остается непонятным, почему конкретная репрезентация является репрезентацией именно того сущего, которое репрезентируется, а не какого-либо иного, если в самом внутреннем опыте репрезентирующего субъекта мы не находим никаких зацепок за объективно существующее положение дел.

В итоге мы приходим к выводу, что следует остановиться на квалитативизме экстерналистского типа, в соответствии с которым феноменальное содержание сознания полностью определяется устройством репрезентирующей системы и не имеет никакого отношения к репрезентируемому объекту, но интенциональное единство репрезентативного акта обеспечивается репрезентируемым объектом, который может существовать в качестве реального или воображаемого сущего, что определяется механизмом взаимодействия между репрезентирующей системой и репрезентируемым объектом (рис. 1). Иными словами, два физически тождественных субъекта будут иметь нетождественный ментальный опыт в разной окружающей обстановке, и в одинаковой окружающей обстановке два физически нетождественных субъекта могут иметь тождественный ментальный опыт.

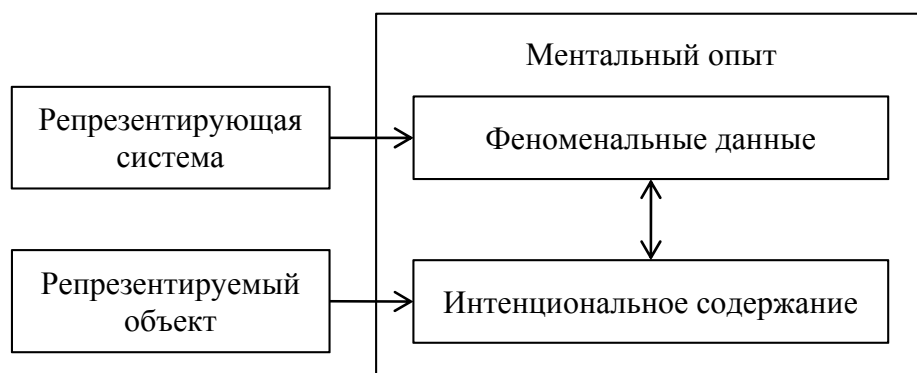

Рис. 1. Объективные и субъективные источники ментального опыта в рамках экстерналистского квалитативизма.

Сознание представляет собой единый целостный феномен, но его ментальное содержание определяется двумя классами причин, один из которых связан с репрезентирующей системой, а другой – с репрезентируемым объектом. Поэтому каузальный анализ ментального содержания сознания выявляет в нем два структурных аспекта – феноменальный (обусловленный действием со стороны репрезентирующей системы) и интенциональный (обусловленный действием со стороны репрезентируемого объекта). Наши качественные состояния, которые имеют субъективный характер, зависят от устройства и функционирования мозга, тогда как интенциональные состояния, которые имеют интерсубъективный характер, позволяющий делать выводы об объективном бытии мира, зависят от сущности и бытия познаваемых феноменов. В отдельных случаях интенциональные состояния обуславливаются не внешним репрезентируемым объектом, а имманентными структурами самой репрезентирующей системы (которые в системе каузальных связей занимают место внешнего репрезентируемого объекта), за счет чего формируется слой виртуальной реальности (например, в виде снов и галлюцинаций), а также происходит мыслительная активность, абстрагированная от объективно существующего мира.

§ 2. Сознание и понимание в контексте психической активности субъекта

Восприятие и мышление отделимо от сознания, поскольку они могут протекать не только на сознательном, но и на бессознательном уровне психики, тогда как *понимание* в отличие от этого неотделимо от сознания, ибо если мы не осознаем смысла суждения, то и говорить о понимании в данном случае не приходится. Бессознательные чувства, эмоции, диспозиции, мотивы, желания, мысли, установки влияют на поведение субъекта, но субъект не понимает их, т.е. не осмысляет на сознательном (ментальном) уровне бытия, поскольку они остаются погруженными в сферу бессознательной психики. Понимание есть синтез сознания и мышления, когда смысл высказывания не только подвергается интеллектуальной обработке (т.е. не только реализуется в системе операциональных отноше-

ний между репрезентативными символами), но еще и осознается субъектом. По этому поводу Р. Пенроуз заявляет, что «сознание непременно должно быть существенным компонентом понимания»⁹. Однако сознание как таковое с необходимостью не предполагает понимания, ибо субъект может свидетельствовать (осознавать) некие феноменальные данные, но не знать, что именно он осознает и что вообще случается акт осознания. В этом пункте уже наблюдается несоответствие мнению Р. Пенроуза, который полагает, что сознание неотделимо от понимания. Внепонятийное сознание свойственно определенному роду медитативного опыта, а также психическим переживаниям младенца, который видит цвета как феноменальную наполненность визуального поля восприятия, но еще не знает ни того, что он видит цвета, ни того, какие именно цвета он видит, ни того, что он вообще имеет визуальное восприятие.

Сознательное бытие человека определяется способностью свидетельствовать феномены внутреннего субъективного опыта, т.е. фиксировать их ментальное присутствие (однако при этом вовсе не обязательно быть осведомленным в сущности присутствующего). Осознанное свидетельствование является необходимым условием осмысленного понимания, ибо человек, пребывающий в бессознательном состоянии, точно так же, как и робот, может различать окружающие предметы, говорить предложения, имеющие смысл для носителя языка, и демонстрировать разнообразные эмоции на уровне поведения, но при этом его психическая жизнь не будет иметь внутренней феноменологии. Его мозг будет обрабатывать визуальную информацию, но сам он не будет видеть субъективных образов; его центр речи будет генерировать фразы, в которых сторонний слушатель, обладающий сознанием, может обнаружить смысловое содержание, но сам он не будет понимать смысла сказанного; его тело будет демонстрировать на поведенческом уровне бытия эмоциональные состояния, но сам он при этом не будет чувствовать соответствующих эмоций.

Отличие осознанного понимания от бессознательной способности обрабатывать информацию и генерировать семантически наполненные суждения

⁹ Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М., 2005. С. 81.

наглядно демонстрируется в известном аргументе китайской комнаты Д. Серла. Этот аргумент, придуманный Д. Серлом в 1980 г. и остающийся по сей день предметом неутихающих споров, доказывает, что мышление человека во всей своей полноте не может воспроизводиться кибернетическим механизмом и что последний ни при каких условиях не может обладать сознанием, тождественным сознанию человека. Другими словами, аргумент китайской комнаты доказывает несостоятельность концепции сильного искусственного интеллекта и опровергает такие философские теории сознания, как функционализм, элиминативизм, теорию тождества, а также логический и эмпирический бихевиоризм.

В мысленном эксперименте Д. Серла испытуемый, не знающий китайского языка, находится в бесконечно большой комнате, на полу которой нанесена координатная сетка. В каждой координатной ячейке располагается урна с китайским иероглифом или сочетанием китайских иероглифов. Специально для испытуемого, запертого в китайской комнате, написана программа, позволяющая разговаривать на китайском языке, т.е. реагировать на последовательность китайских иероглифов, поступающих извне, посредством перемещения по координатной сетке в соответствии с заданным алгоритмом иной последовательностью, имеющей смысл для носителей китайского языка. Таким образом, испытуемый подвергается тесту Тьюринга, общаясь дистанционно с другими людьми, находящимися за пределами комнаты и знающими китайский язык. Если программа разговора на китайском языке написана хорошо, то испытуемый выдерживает тест Тьюринга, и общающиеся с ним носители китайского языка решают, что он тоже владеет китайским языком и понимает смысл происходящей коммуникации.

Таким образом, суть аргумента китайской комнаты Д. Серла сводится к тому, что если мы не владеем китайским языком, но знаем программу, благодаря которой можем общаться с носителями китайского языка, то такое знание еще не позволяет нам понимать смысл общения, и, следовательно, робот, наделенный искусственным разумом, каким бы совершенным он ни был, принципиально не способен понимать и осознавать на уровне человеческой психики. Человек может выучить программу, которая одним китайским иероглифам ставит в соответствие

другие китайские иероглифы, в результате чего получится синтаксически правильная коммуникация, имеющая к тому же еще и смысл для носителя китайского языка, но, как утверждает Д. Серл, в подобном мысленном эксперименте человек, владеющий программой для разговора на китайском языке, будет общаться неосознанно, механически, не понимая смысла общения. Следовательно, знание программы с необходимостью еще не дает понимания того, что эта программа имитирует. Значит, мышление человека принципиально отличается от мышления робота, ибо робот лишь реализует определенные программы и алгоритмы, но не осознает собственных действий, осуществляемых в соответствии с этими программами и алгоритмами, тогда как человек в отличие от робота и осознает собственные действия, и понимает их смысл. Например, робот может говорить на разных языках мира, но при этом он не будет понимать смысла предложений подобно тому, как их понимают люди, являющиеся носителями этих языков, ибо он будет говорить на них неосознанно и автоматически. Поэтому коммуникация робота в его бессознательной активности носит чисто синтаксический характер, тогда как во внутренней осознаваемой жизни человека присутствует еще и семантическая составляющая, т.е. робот лишь оперирует знаками, в то время как человек наполняет их определенным смыслом, который сам по себе уже не может быть редуцирован к операциональным отношениям между знаковыми последовательностями. Знак – это конвенционально принятый или случайно-исторически сформированный указатель на какое-то положение дел или командный триггер, запускающий последовательность поведенческих реакций, тогда как смысл знака – это его содержательное наполнение, которое, со своей стороны, уже не имеет знаковой функции, ибо ни на что другое, кроме себя самого, не указывает в своем феноменальном и интенциональном содержании. Знак мы узнаем извне как нечто себе самому нетождественное и отсылающее к чему-то иному, но смысл знака открывается изнутри как нечто себе самому тождественное в чувственном и интеллектуальном опыте. Знак указывает на интендируемый объект, а смысл знака определяет способ репрезентативного указывания. Можно сказать, что знак сам по себе интенционален и феноменально пуст (ибо вполне может быть заменен

другими знаками), в то время как смысл имеет внутренний феноменальный контент, который раскрывается в его непосредственном психическом схватывании. Мышление робота интенционально, но не феноменально, поскольку семантическая составляющая его мыслительной активности сводится к функциональным отношениям между последовательностями знаков, каждый из которых сам по себе остается феноменально пустым. В отличие от робота, который мыслит, обрабатывая информацию в «темноте» неосознаваемых действий, человек способен осознавать смысл как таковой в отрыве от осмысляемой предметности. Здесь можно провести определенную параллель между феноменальным содержанием мышления и стоическим понятием лектон, который иррелевантен всякой интенционально полагаемой предметности и представляет собой «чистый смысл предмета, не зависящий ни от какого своего происхождения, ни от каких своих естественных связей, вне всякого своего субстанциального и причинно обусловленного существования, только осмысленность в ее чистом виде»¹⁰. К мышлению робота стоическое понятие лектон неприменимо, что делает мышление человека принципиально не воспроизводимым в его феноменальном содержании средствами логико-вычислительных систем.

С целью опровержения аргумента китайской комнаты Д. Серла следует доказать либо то, что семантическое содержание может быть полностью редуцировано к формально-синтаксическим структурам языка, либо то, что семантическая составляющая языка с необходимостью порождается определенным образом организованной синтаксической активностью робота. Первый путь опровержения назовем негативным, второй – позитивным. Из наиболее известных опровержений аргумента китайской комнаты можно выделить два негативных контраргумента – функционалистский и операционалистский, а также два позитивных контраргумента – системный и генеративный. Далее рассмотрим каждый из них в отдельности и вскроем их слабые стороны.

Начнем с *функционалистского контраргумента*. Суть его сводится к тому, что работа человеческого мозга подобна работе компьютера, и в этом отношении

¹⁰ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. Харьков, М., 2000. С. 104-105.

можно провести параллели, во-первых, между органическими структурами мозга и техническим устройством компьютера, и, во-вторых, между психическими способностями мозга (такими, например, как мышление, восприятие и память) и программным обеспечением компьютера. Компьютер не порождает семантики, а просто реализует функцию (например, функцию счета), и по аналогии с этим всякая психическая способность человека также представляет собой функцию, которая может быть реализована на неорганическом носителе, что соответствует концепции сильного искусственного интеллекта, согласно которой на определенном уровне научно-технического прогресса компьютер будет обладать всеми психическими способностями, присущими человеку. Таким образом, смысл знака редуцируется к его лингвистической функции, и никакого смыслового содержания как именно ментальной наполненности, обладающей бытием независимо от характера ее использования в языковой среде, не существует. Следовательно, у человека также, как и у робота, нет и не может быть никакого понимания в том смысле, в каком это слово используется в рамках аргумента китайской комнаты, что и доказывает ложность последнего. Однако нам интуитивно ясно, что осознанное понимание принципиально отличается от бессознательной реализации какой-то программы или функции, и поэтому мы не просто говорим на родном языке, а именно понимаем его во внутреннем феноменальном содержании психики.

Если развивать функционалистский контраргумент последовательно и логически, то следует согласиться, что сознания в его уникальной онтологии не существует, поскольку иначе, противопоставляя его бессознательной психике, мы приходим к логическому противоречию. Действительно, с одной стороны, все бессознательное есть функциональное, ибо функционалистский подход редуцирует психические способности к программам и функциям, а, с другой стороны, все функциональное протекает в «темноте» бессознательного, ибо любые функции и программы реализуются автоматически, и если даже предположить, что существует функция сознания или программа, отвечающая за ментальный опыт, то реализация этой функции или осуществление программы также будет протекать автоматически, т.е. бессознательно. Но понятие бессознательного сознания в логи-

ческом отношении настолько же бессмысленно, насколько бессмысленно понятие протяженной идеи или непротяженной вещи. В итоге мы приходим к концепции элиминативизма, согласно которой сознания как именно противоположности бессознательному не существует. Однако элиминативистская точка зрения противоречит здравому смыслу, ибо каждый субъект, обладающий сознанием, может с уверенностью констатировать, что, по крайней мере, в определенное время он осознает свои действия и происходящие с ним события, а также имеет феноменально наполненные переживания.

Операционалистский контраргумент основывается на том, что смысл знака – это алгоритм его использования во взаимоотношении с другими знаками. Действительно, смысл слова мы узнаем с помощью логического или остенсивного определения. В первом случае дефиниция слова, раскрывающая смысл, сводится к сопоставлению слова с упорядоченным набором других слов, т.е. фактически к алгоритму перевода одного знака в последовательность других знаков. Если мы попытаемся логически определить знаки, которые входят в последовательность, определяющую исходный знак, то получим новые последовательности знаков, и так будет продолжаться дальше, пока либо мы не упремся в знаки, которые уже определяются не логически, а остенсивно, либо логический круг замкнется, и некоторые знаки будут определяться друг через друга, образуя скрытую или явную тавтологию. Остенсивная дефиниция слова, раскрывающая смысл, сводится к сопоставлению слова с чувственным образом, представленным в определенной модальности (визуальной, аудиальной или кинестетической), т.е. с упорядоченным набором сенсорных данных. Однако сенсорные данные также являются знаками, которые в совокупности с другими знаками того же логического порядка (т.е. с другими сенсорными данными) образуют синтаксическую структуру, нуждающуюся в прояснении смысла, который опять-таки может быть раскрыт либо логически, т.е. посредством сопоставления целостного образа (совокупности сенсорных данных, обладающих предметным единством) и последовательности слов, либо остенсивно, т.е. за счет отсылки к другому целостному образу, смысл которого уже известен. Но как в первом, так и во втором случае мы снова имеем дело

с сопоставлением одного знака (целостного образа) с последовательностью других знаков (слов или целостных образов). Поэтому опираясь на операциональное понимание смысла, мы никак не можем перейти от внешнего знания, т.е. знания извне, к внутреннему знанию, т.е. знанию изнутри.

В конечном итоге, последовательность дефиниций логического или остенсивного характера с необходимостью замыкается в скрытую или явную тавтологию, которая сводится либо к взаимному определению слов, либо к взаимному определению образов, либо к взаимному определению слов через образы, а образов через слова. Значит, никакого смысла как осознаваемого содержания, которое приплюсовывается к знаку, не существует, и под смыслом знака следует понимать алгоритм перевода этого знака в последовательность других знаков, которые ему в онтологическом отношении либо гомогенны (т.е. принадлежат тому же самому онтологическому уровню бытия, что и осмысляемый знак), либо гетерогенны (т.е. принадлежат иному онтологическому уровню бытия, нежели осмысляемый знак). Таким образом, операционалистский контраргумент опять-таки приводит к концепции элиминативизма с потерей непосредственно переживаемого феноменального содержания психики и, кроме этого, исключает возможность внеязыкового сознания, что противоречит существованию соответствующего класса психических феноменов.

Теперь рассмотрим позитивные контраргументы (системный и генеративный), которые основываются на том, что смысловое содержание психики не редуцируется к последовательности формальных знаков, но порождается синтаксическими структурами языка.

Системный контраргумент заключается в том, что тест Тьюринга (т.е. тест на наличие человеческой психики) выдерживает не сам человек, запертый в китайской комнате, а целостная система, состоящая из: 1) комнаты как специфической среды, обеспечивающей взаимодействие с внешним миром, 2) запертого в ней человека и 3) набора алгоритмов, в соответствии с которыми человек общается на китайском языке. Другими словами, целостная система, состоящая из ком-

наты, человека и списка алгоритмов, является разумной и, в частности, понимает китайский язык.

Однако в данном мысленном эксперименте можно заменить обладающего сознанием человека на бессознательного робота, который, подобно человеку, будет следовать набору алгоритмов, имитирующих общение на китайском языке. Тогда комната в целом вместе с действующим внутри нее роботом и списком алгоритмов может быть представлена как единое кибернетическое устройство, знающее китайский язык. Следовательно, разумным оказывается бессознательный автомат, который, как мы видели при рассмотрении функционалистского контраргумента, сознанием не обладает и никакие феноменально наполненные смыслы не продуцирует, а только совершает логические вычисления. Поэтому системный контраргумент при его последовательном развитии сводится по существу к функционалистскому, и в итоге мы приходим от позитивного контраргумента к негативному.

Наконец, *генеративный контраргумент*, который является, пожалуй, наиболее сильным среди прочих контраргументов, опровергающих аргумент китайской комнаты, сводится к тому, что знание алгоритма китайского языка автоматически влечет за собой и его осознанное понимание. Представим себе, что китаец, участвующий в тесте Тьюринга, демонстрирует мобильный телефон и спрашивает у испытуемого, что это такое. Если испытуемый, не знающий китайского языка, видит демонстрируемый предмет, а затем, следуя алгоритму, выдает необходимый иероглиф, то в этом случае он уже начинает обучаться китайскому языку на сознательном уровне, ибо может сопоставить найденный иероглиф с его вещественно-предметным значением. Если же испытуемый не видит демонстрируемого предмета, когда последний сканируется с помощью телекамер китайского робота, который оказывает соответствующее воздействие на список алгоритмов, ведущих к поиску нужного иероглифа, то в этом случае, дабы аргумент китайской комнаты сохранил свою логическую силу, испытуемому в дополнение к выше упомянутому списку алгоритмов должны быть известны еще и все программы, посредством которых управляется сам китайский робот. Откуда, как за-

являют сторонники генеративного контраргумента, с необходимостью вытекает, что знание этих программ приводит к пониманию китайского языка, ибо визуальным образам они сопоставляют конкретные иероглифы, благодаря чему значение последних проясняется остенсивным способом. В статье «Кока-кола и секрет Китайской комнаты» В.В. Васильев утверждает, что если испытуемый, запертый в китайской комнате, «знал бы всю программу или совокупность программ, позволяющих эмулировать осмысленную китайскую речь, он начал бы понимать по-китайски»¹¹.

Но вывод оказывается не столь очевидным, если поставить следующий вопрос: каким образом китайский робот распознает конкретную вещь, попадающую в фокус телекамер? Необходимо заметить, что робот «воспринимает» окружающий мир в виде распределения цветных пикселей, каждый из которых кодируется определенной последовательностью цифр. Можно сказать, что робот в действительности не видит цветов, а оперирует цифрами, которые этим цветам соответствуют. В памяти робота хранится информация о геометрических формах, которые задаются соотношениями между распределенными в пространстве пикселями, и если одна из них с какой-то погрешностью оказывается тождественной цифровому соотношению, полученному в результате обработки телеметрической информации, то робот отождествляет вещь, «воспринимаемую» с помощью телекамер в виде определенной последовательности цифр, и другую вещь, представленную в памяти также определенной последовательностью цифр. Значит, робот, будучи способным отличать одни вещи от других и находить идентичные вещи с помощью логико-вычислительных операций, на самом деле, ничего не воспринимает в том смысле, в каком мы понимаем осознанное восприятие, ибо у него отсутствуют ментальные образы. Он лишь оперирует последовательностью цифр, которым мы, существа, имеющие ментальный опыт, ставим в соответствие феноменально переживаемые цвета. Знание кода, с помощью которого передается информация о цвете, еще не дает знания о восприятии цвета, ибо в рамках психического восприятия цвет не сводится ни к каким явлениям физического порядка.

¹¹ Философия сознания: классика и современность. М., 2007. С. 90.

Переживание цвета не тождественно ни его физической основе, ни функциональному коду, с помощью которого передается информация о цвете наблюдаемого объекта.

Поэтому испытуемый, запертый в китайской комнате и знающий программу, посредством которой управляется китайский робот, не будет понимать, на что именно направлены телекамеры. Основная ошибка генеративного контраргумента, который утверждает, что знание программы китайского языка обеспечивает его понимание, если задействуются сущности неиероглифического характера (например, физические вещи), заключается в допущении, что китайский робот воспринимает окружающий мир с помощью телекамер точно так же, как его воспринимает человек, обладающий сознанием, с помощью глаз и головного мозга. Но такое допущение означает, что телекамеры воспринимают предметный образ окружающего мира, тогда как в действительности никакого предметного образа они не воспринимают, а лишь получают закодированную информацию (цифрового или аналогового типа), для расшифровки которой в виде ментального опыта уже недостаточно никаких функционально-технических средств, а требуется присутствие сознания. Робот может оперировать с последовательностями цифр, которые существуют в виде физических процессов (например, в виде наличия или отсутствия электрического сигнала), тогда как ментальный опыт предполагает нечто нефизическое и нецифровое, т.е. нечто такое, что не существует ни как физическая вещь, ни как функциональный код.

Поэтому в китайской комнате понимания не существует, но оно может присутствовать в ментальном опыте того, кто о ней думает. Другими словами, робот, совершая определенные мыслительные операции, ничего не понимает, но человек, интерпретирующий действия робота, может спроецировать на него собственное понимание, которое в действительности роботу не присуще. По аналогии с этим мы проецируем на животных собственные эмоции и приписываем им, например, радость, печаль, тоску, злорадство или ревность, в то время как соответствующие этим эмоциям поведенческие реакции еще не свидетельствуют с необходимостью об их ментальном бытии. К тому же животные не обладают спо-

способностью вербального отчета о своем внутреннем ментальном состоянии, чтобы подтвердить или опровергнуть наши косвенные догадки, но даже и наличие такого вербального отчета, строго говоря, еще не дает нам право с уверенностью заявлять о существовании предполагаемых эмоций, поскольку вербальный отчет может оказаться со стороны самого отчитывающегося существа чисто механической и феноменально пустой процедурой. Поэтому следует проводить четкую демаркационную линию между понимающей сознательностью человека и непонимающей бессознательностью робота при демонстрации схожих паттернов поведения, что указывает на ложность функционализма и несостоятельность концепции сильного искусственного интеллекта.

В заключение анализа аргумента китайской комнаты Д. Серла зададимся вопросом, возможно ли вообще создать алгоритмизированную программу, позволяющую говорить на китайском языке настолько хорошо, чтобы можно было пройти тест Тьюринга. Если ее создать нельзя, то, следовательно, сознание не является функцией мозга и не поддается моделированию логико-вычислительными средствами, что порождает проблемы, связанные с объяснением, каким образом сознание может возникать естественным путем (т.е. в силу действия одних лишь физических закономерностей) в результате усложнения физических систем. Если же ее создание является практически разрешимой задачей, то это означает либо то, что феноменальная наполненность когнитивных процессов сводится к последовательности феноменально пустых знаков, и тогда мы приходим к концепции элиминативизма, либо то, что внешняя имитация внутренней феноменальной наполненности когнитивных процессов с необходимостью не свидетельствует о наличии последней, и тогда мы подтверждаем антиматериалистический аргумент мыслимости бессознательных зомби. В свете вышеприведенной аргументации становится понятным, что создать алгоритмизированную программу, позволяющую разговаривать на китайском языке, технически возможно, но она не обеспечивает тождество мышления человека и мышления робота в том отношении, в котором мышление управляется процессами ментального характера.

Однако эти рассуждения при последовательном развитии приводят к идеалистическим концепциям, согласно которым сознание первично и не возникает в результате усложнения физических структур, ибо, как мы видели из анализа аргумента китайской комнаты Д. Серла, ни на каком этапе физического взаимодействия между материальными элементами не наблюдается ничего такого, что можно было бы заложить в онтологический фундамент феноменальных данных ментального опыта. С одной стороны, феноменальные состояния психики существуют, о чем свидетельствует наша непосредственно переживаемая субъективно-ментальная жизнь, а, с другой стороны, они не сводятся ни к каким физическим состояниям, ибо последние существуют объективно и по отношению к ним бессмысленно спрашивать, каково это – находиться в том или ином физическом состоянии. Изнутри можно знать лишь ментальные состояния, тогда как физические состояния можно знать лишь извне. Физический мир не оставляет никакой возможности для внутреннего знания, а, значит, и для бытия ментальных феноменов.

Поэтому чтобы сохранить материалистические позиции, мы должны пересмотреть понятие материи и допустить в ней существование нефизической компоненты, которая, во-первых, дополняет физические процессы нефизическим содержанием, что позволяет эксплицировать бытие сознания и допустить его возникновение в системах кибернетического (искусственного) порядка, и, во-вторых, не нарушает полноту физического описания, т.е. согласуется с научно-физическими теориями и не привносит в онтологический фундамент мира никаких духовных сущностей. Именно эта программа, как будет показано ниже, и реализуется за счет квантово-информационной специфики бытия сознания.

§ 3. Приватность ментальных феноменов и методологическая проблема сознания

Сознание – это всегда чье-то сознание, и, значит, никто, кроме сознающего субъекта, не может иметь непосредственного доступа к переживаемым субъективно-ментальным феноменам. Научно-материалистическое понимание мира

сталкивается с трудностями, пытаясь объяснить, почему отдельная личность осознает себя в своем собственном уникальном бытии, отличном от бытия окружающих вещей. Другими словами, почему я – это именно я? По этому поводу С. Прист замечает: «Мне представляется, что чье-либо собственное существование является в совершенно определенном смысле “чудом”. Оно не нарушает никаких законов природы, но оно и не должно объясняться в их терминологии»¹².

Нельзя иметь непосредственный доступ к ментальным переживаниям другого субъекта, поскольку в них присутствует его персональное сознание. Если я думаю, что переживаю именно то, что переживает другой человек, то в действительности мои переживания остаются собственно моими переживаниями, что делает их по существу отличными от тех переживаний, которые испытывает другой человек. Поэтому состояния сознания, присущие сопереживанию и эмпатии, обуславливаются действием психических механизмов, которые представляют собой: 1) интеллектуальную интерпретацию того, что может испытывать другой человек, будучи именно таким, каким мы его воображаем, 2) виртуальное перемещение на место другого человека и галлюцинирование по поводу того, что мы сами можем испытывать в подобной ситуации, и 3) психологическое проецирование собственных переживаний на другого человека без соответствующего понимания, что в действительности эти переживания принадлежат нам самим. Таким образом, проникнуть во внутренний мир другого человека на феноменальном уровне сознания и пережить в точности то, что переживает он, невозможно ни при каких условиях подобно тому, как лейбницевские монады «вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти»¹³, хотя на интенциональном уровне сознания мы способны формировать репрезентативную картину внутренней субъективно переживаемой жизни другого человека.

Всякое ментальное событие приватно и переживается в непосредственном опыте единственным субъектом, тогда как остальные субъекты имеют доступ лишь к физическим процессам, которые сопровождают рассматриваемое мен-

¹² Прист С. Теории сознания. М., 2000. С. 204.

¹³ Лейбниц Г. Сочинения в 4-х томах. Том 1. М., 1982. С. 413-414.

тальное событие. Если предположить, что в будущем научные технологии позволят подключаться к головному мозгу другого человека, чтобы можно было переживать именно то, что переживает он (например, воспринимать его сновидения), то все равно индуцированные переживания будут не переживаниями индуктора (т.е. субъекта, передающего информацию), а переживаниями реципиента (т.е. субъекта, получающего информацию) с присущими им качествами приватно-индивидуального сознания. Мы можем научиться, сканируя мозг человека и оцифровывая полученную информацию, инкорпорировать ее в мозг другого человека, но сознание при этом останется принципиально не транслируемым, поскольку оно принадлежит именно данному субъекту, а не какому-либо другому, и, став сознанием другого субъекта, утратит субъективный характер, привязывающий его к субъекту, с которого снимается копия в результате межличностной трансляции. Другими словами, можно передать вещь, эмоцию, убеждение, идею от одного субъекта к другому, но невозможно передать сознание, которое неотделимо от субъекта и составляет сущность его ментального бытия.

Нетранслируемость (онтологическая замкнутость) сознания остается неустранимой преградой на пути к его объективному познанию. Чтобы справиться с этой эпистемологической проблемой, из которой, в конечном счете, вытекает установка солипсизма (ибо монадоподобная изолированность субъекта не позволяет ему никакими доступными средствами убедиться в реальном существовании внешнего мира, на что, в частности, указывает Б. Рассел, замечая, что с логической точки зрения солипсизм является неопровержимой теорией), современные концепции сознания либо подрывают его персональную принадлежность (как это происходит, например, в функционализме и бихевиоризме, где одно и то же сознание может быть реализовано на множестве физических носителей), либо объективируют сознание в виде определенного свойства материальных систем (как это наблюдается, например, в эмерджентизме и диалектическом материализме, где сознание представляет собой высокоуровневое свойство нейронных сетей головного мозга).

В ряде философских концепций сознания, например, в панпротопсихизме и неорасселовском монизме, противопоставление субъективного и объективного сводится к противопоставлению внутреннего и внешнего. В рамках такого подхода субъективное оказывается внутренней стороной объективного, а объективное – внешней стороной субъективного. При этом возникает проблема, которая заключается в том, что границу внутреннего невозможно локализовать во внешнем, поскольку иначе внутреннее растворяется во внешнем или, в лучшем случае, становится формой его существования, тогда как субъективное не может быть формой существования объективного за счет своей принципиальной необъективируемости, по крайней мере, в отношении сознания. Если мы не можем непосредственно наблюдать какое-то сущее, то это еще вовсе не означает, что оно не объективируемо, но если для объяснения наблюдаемых эффектов совсем не обязательно вводить какие-то дополнительные сущности, то последние не являются объективируемыми. Например, мы никогда не видели и никогда не увидим субатомные частицы, но мы заключаем об их объективном существовании по эффектам, которые они производят в пузырьковой камере или камере Вильсона. Однако совершенно иная ситуация возникает, когда мы исследуем ментальные переживания, ибо внешнее поведение человека вполне можно объяснить без апелляции к субъективному опыту с помощью одних лишь физических (нейрофизиологических, биохимических и биоэлектрических) закономерностей. Если бы исследователи не обладали субъективным опытом, то и не предположили бы, что испытуемые обладают чем-то подобным, когда демонстрируют определенный тип поведенческих реакций. Иными словами, наши умозаключения во внешнем знании о бытии ментальных феноменов обуславливаются внутренним знанием об их приватном бытии, и если бы этого внутреннего знания не существовало, то и не существовало бы самих исследуемых феноменов.

Таким образом, анализ субъективности сознания приводит к двум основным вариантам онтологии ментального сущего. В первом варианте мы признаем существование субъективного опыта как данного от первого лица и не объективируемого для третьего лица, но тогда остается непонятным, каким образом субъектив-

ное сознание может возникать в объективно существующем физическом мире без вмешательства нефизических сил, поскольку физические системы могут обладать только физическими свойствами, а физические причины могут вызывать только физические следствия. Во втором варианте мы не признаем существование субъективного опыта как данного от первого лица и не объективируемого для третьего лица, но тогда психические феномены (цвета, звуки, запахи, вкусовые и тактильные ощущения) могут быть обнаружены благодаря сканированию головного мозга в своем внутреннем феноменальном составе, а не в виде соответствующего им нейрофизиологического, биохимического или биоэлектрического кода, что приводит нас к отрицанию уникальной онтологии сознания (если в рассматриваемом контексте мы отождествляем кодируемое и кодирующее в плане их материальной сущности) или к идеалистическим теориям сознания (если в рассматриваемом контексте мы наделяем кодируемое нематериальной сущностью наряду с его объективно фиксируемым бытием в форме кодирующей материальной структуры).

На первый взгляд, может показаться, что приписывание ментальному опыту отличительного признака в форме данности от первого лица является логически некорректным, поскольку в этом случае свойство наблюдаемого феномена отождествляется со способом его наблюдения. Однако особенностью бытия ментальных феноменов является как раз то, что они существуют лишь постольку, поскольку наблюдаемы изнутри, и поэтому говорить об их существовании вне подобного наблюдения бессмысленно. Таким образом, способ наблюдения ментальных феноменов является формой их ментального бытия, что и оправдывает на уровне сознания интерпретацию способа наблюдения как свойства наблюдаемого сущего.

Приватность сознания означает его уникальность, ибо ментальные переживания в отличие от физических вещей не могут быть тождественными во всей своей совокупности свойств, которыми они характеризуются. Если два электрона находятся в одном и том же квантовом состоянии, то они фактически представляют собой одно и то же материальное тело, поскольку между ними не существует никаких идентифицируемых различий. Однако подобные рассуждения не рабо-

тают в плане ментальных феноменов, ибо если мы соберем копию физического тела человека с точностью до элементарных частиц, то в результате получим два нетождественных сознания, которые будут отличаться друг от друга в силу своего приватно-индивидуального бытия. Сознание нельзя разделить между несколькими физически тождественными субъектами, поскольку каждый из них осознает именно себя самого, и это делает его отличным от всех своих физических дублей. Когда я осознаю себя, то осознаю себя как именно себя самого, и если моя физическая копия тоже осознает себя как именно себя самого, то наши ментальные переживания все равно различаются в том, что каждый из нас осознает именно себя самого, а не другого.

Здесь можно возразить, что два физически идентичных тела, реализующих функции индивидуального сознания, непременно отличаются друг от друга хотя бы уже в том, что не имеют одинаковой пространственной локализации, и, значит, окружающая среда в какой-то степени влияет на них по-разному. Однако в идеальной ситуации, когда не только физическое состояние материальных тел, но и влияние окружающей среды оказывается идентичным (т.е. два физически идентичных тела пребывают в физически идентичных Вселенных), мы также получим два разных индивидуальных сознания, поскольку сознание субъекта – это именно его собственное сознание, а не некое свойство, которое, вообще говоря, может быть присуще и другим материальным объектам, как это характерно для любого физического параметра, будь то, например, масса, заряд, плотность, температура или линейные размеры.

Из приватности сознания вытекает *методологическая проблема*, которая обуславливается тем, что сознание, будучи субъективным феноменом, не может быть исследовано объективно-научными средствами. Для каждого человека, обладающего сознанием, сам факт, что он обладает сознанием, открывается с эвиденциальной достоверностью и не требует специальных доказательств, но как только мы пытаемся убедить кого-то другого, используя научную и философскую аргументацию, в том, что мы тоже обладаем сознанием, так сразу же сталкиваемся с методологическими трудностями. Не существует объективного критерия, с

помощью которого можно доказать наличие внутренней субъективно переживаемой жизни у конкретного человека. Тем не менее, мы говорим, что существует ряд признаков, с помощью которых мы определяем, обладает данный человек сознанием или не обладает. Например, мы указываем на поведенческие реакции и параметры электроэнцефалограммы головного мозга, но при этом возникает эпистемологическое противоречие, поскольку научные методы не позволяют достоверно установить соответствие между объективными данными, полученными в эксперименте, и субъективным бытием сознания. Действительно, объективные данные мы фиксируем с помощью прямого наблюдения или специальной аппаратуры, но установить их корреляцию с наличием ментальных феноменов мы можем лишь по вербальному отчету испытуемых, занимающихся интроспекцией, тогда как интроспективный отчет в рамках такого исследования носит субъективный характер и не тестируется объективно-научными средствами. Поэтому вывод о наличии сознания у человека по его поведенческим реакциям и графическому рисунку электроэнцефалограммы мозга равносителен выводу о существовании жизни на удаленной планете, которая по своим физическим параметрам идентична Земле, при условии, что мы не имеем возможности слетать на эту планету и окончательно убедиться в истинности своего умозаключения.

Говоря строго, наличие ментального опыта у других людей является предметом веры или, в лучшем случае, умозаключением по аналогии, что не позволяет сознанию попасть в фокус объективно-научного исследования. Ученые с успехом изучают когнитивные функции, такие, например, как мышление, восприятие, воображение и память, но сознание остается за пределами научной интенции, поскольку на сегодняшний день не известны законы и признаки, которые запрещали бы этим когнитивным функциям реализовываться на бессознательном уровне бытия. С помощью объективно-научных методов мы исследуем нейронные процессы, которые в головном мозге человека сопровождают приватно-субъективный опыт, но последний в своем феноменальном содержании не сводится к процессам нейронного характера, и поэтому их объективно-научное исследование нерелевантно исследованию ментальных феноменов.

Таким образом, исследование сознания как приватно-субъективного феномена невозможно без интроспективного метода, который характерен для феноменологического подхода, развиваемого в работах Ф. Brentano, Э. Гуссерля, Н.Н. Даниловой, М.К. Мамардашвили, М. Мерло-Понти, В.И. Молчанова, А.М. Пятигорского и др. В рамках феноменологического подхода интроспективный метод распадается на три последовательные процедуры: 1) редукцию (благодаря которой все объективации, приписываемые миру, а также смысловые компоненты, инкорпорируемые в исследуемый опыт со стороны исследующего субъекта, выносятся за скобки, после чего «в осадке» остается лишь то, что присуще самой имманентной сфере репрезентации), 2) дескрипцию (благодаря которой после проведения феноменологической редукции описывается феноменальный материал, усмотренный с аподиктической достоверностью во внутреннем опыте сознания) и 3) идеацию (благодаря которой проясняется структурное единство в многообразии субъективного опыта, соотносимое, во-первых, с познающим субъектом, что открывает сферу априорных структур, конституирующих психический опыт вообще, и, во-вторых, с интенционально полагаемой предметностью, что открывает сферу intersubjectивных феноменов и возвращает познающего субъекта к объективно существующему миру).

Однако встает закономерный вопрос: можно ли интроспекцию считать научным методом, если предмет интроспективного отчета остается доступным единственному субъекту, осуществляющему интроспекцию? Человек может говорить о том, что ему больно, но никто другой, кроме него самого, в действительности не понимает, что значит, что ему больно, поскольку для каждого человека переживание боли в определенной ситуации специфично и индивидуально. Если же кто-то никогда не испытывал боли, то он в принципе не может понять, каково это – испытывать боль.

Когда в 1879 году в Лейпциге В. Вундт основал первую лабораторию для экспериментального изучения психических явлений, то в качестве научного метода использовал интроспекцию как осознанное наблюдение субъекта за своей внутренней жизнью. Чтобы интроспекция стала объективно-научным методом, В.

Вундт предложил отличать ее от простого самонаблюдения, которое стихийно и не имеет последовательности специфических процедур. Одним из первых, кто оспорил научность интроспективного метода, был американский психолог и философ У. Джеймс, который заметил, что интроспективный анализ должен обнаруживать сознание, занятое интроспекцией, и ничего более он обнаружить не может. В ответ на это В. Вундт подчеркнул, что интроспективный метод имеет дело не с самим исследуемым феноменом, а с воспоминанием о его присутствии в психическом опыте испытуемого. Поэтому точность и правильность интроспекции напрямую зависит от тренировки памяти. Впоследствии Э. Гуссерль попытался оправдать интроспекцию как метод научного исследования за счет ретенциональной способности сознания, благодаря которой мы можем какое-то время удерживать психическое переживание как оно есть в поле осознанного внимания, что позволяет иметь достоверный опыт идеации фундаментальных структур психического опыта.

Г. Райл, сторонник логического бихевиоризма, продолжая критику интроспективного метода, утверждает, что интроспекция является самопротиворечивым понятием. Действительно, интроспективный акт распадается на два психических акта, один из которых фиксирует интенциональное единство, тождественное предмету интроспективного наблюдения, а другой фиксирует интенциональное единство, тождественное предмету наблюдаемого психического акта. Но если занятый интроспекцией субъект понимает, что он занимается интроспекцией, то к двум психическим актам прибавляется третий, который фиксирует интенциональное единство, тождественное предмету осознания самого интроспективного акта. В итоге возникает редукция в бесконечность, которая делает логически невозможным интроспективное исследование ментальных феноменов, т.е. в данном случае критика интроспекции сводится уже не к ее субъективной природе, а к логической самопротиворечивости понятия.

Однако все эти возражения теряют силу, если учесть, что внутреннее знание, или знание изнутри, становится возможным лишь благодаря интроспекции, и никакие когнитивные процедуры, осуществляемые на уровне внешнего знания,

или знания извне, не открывают доступ к феноменальному содержанию психики. Без интроспективного метода нельзя изучать сознание, хотя и можно изучать иные психические способности (например, мышление, восприятие, воображение и память), которые проявляются на бессознательном уровне бытия и чья активность может быть сведена к последовательности операций, лишенных внутреннего феноменального содержания. Прояснение психофизической корреляции, которая позволяет, исходя из объективно наблюдаемых процессов, делать выводы о субъективной стороне бытия, предполагает исследование в двух направлениях – внешнем и внутреннем, и только одного внешнего исследования оказывается недостаточно. Когда я что-то переживаю, то, безусловно, веду себя определенным образом и внутри моего тела протекает множество сопутствующих процессов физического порядка, но вместе с тем ни поведенческие реакции, ни физические процессы сами по себе не содержат никакой информации о том, что именно я переживаю и каково это – находиться в том психическом состоянии, в котором я нахожусь.

Сознание не является высокоуровневым свойством физических систем, ибо из физической (нейрофизиологической, биохимической и биоэлектрической) сущности процессов, протекающих в головном мозге человека, нельзя априорно (дедуктивно) вывести ментальную сущность сознания, но можно установить психофизическую корреляцию, сравнивая физические показатели нейронной активности мозга и соответствующие им интроспективные данные. Физические свойства системы, состоящей из множества взаимодействующих элементов, являются ее высокоуровневыми свойствами постольку, поскольку априорно (дедуктивно) выводятся из поведения взаимодействующих элементов при условии, что мы знаем все соответствующие ему законы физического бытия (в противном случае нарушается полнота физики и бытийная целостность физического мира, а вместе с этим и закон сохранения физической энергии), но аналогичные рассуждения неприменимы к ментальному опыту. Правильно говорить не о том, что физические события, происходящие в головном мозге человека, являются причиной ментальных переживаний (подобно тому, как поведение материальных частиц, образуя-

щих сложную физическую систему, является причиной ее высокоуровневых свойств, таких, например, как температура или вязкость), а о том, что одновременно с физическими событиями, происходящими в головном мозге человека, случаются события ментального порядка.

Данная точка зрения согласуется с гипотезой психоневральной номической корреляции, которую выдвигает Т. Хондрих и которая сводится к тому, что определенное ментальное событие с необходимостью происходит, если происходит определенное невральное (физическое) событие. Причем каузальная связь невральных (физических) и ментальных событий носит не последовательный, а одновременный характер, т.е. причина не предшествует следствию, а происходит одновременно с ней, в силу чего невральные (физические) и ментальные события, находящиеся в коррелятивных отношениях, образуют онтологическую целостность. Таким образом, взаимосвязь между физическими и ментальными событиями носит не априорный, а апостериорный характер, и поэтому невозможно объективно-научными средствами исследовать сознание без субъективного отчета испытуемых, по крайней мере, на этапе установления самой психофизической корреляции.

§ 4. Эвиденциальность и символичность сознания

В современной философии сознания широко используется понятие *бессознательного зомби* для указания на гипотетическое существо, которое «является абсолютной функциональной и физической копией человека... ведет себя как человек (рассказывает о себе, смеется, ест, спит и т.п.), но при этом лишено сознания, внутренняя жизнь отсутствует, все процессы происходят “в темноте”»¹⁴. Иными словами, бессознательный зомби структурно и функционально идентичен сознающему человеку, но в отличие от него не имеет соответствующей феноменологии переживаемых психических состояний. Если в отношении обладающего

¹⁴ Нагуманова С.Ф. Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии. Казань, 2011. С. 75.

сознанием человека вопрос о том, каково это – быть сознающим существом, имеет определенный смысл, то в отношении бессознательного зомби вопрос о том, каково это – быть бессознательным зомби, оказывается бессмысленным. Если мы не обладаем ментальным опытом и существуем в качестве бессознательных зомби, то никакие описания ментальных переживаний и никакие ссылки на физические (нейрофизиологические, биохимические или биоэлектрические) закономерности и кодовые зависимости не позволят понять, что по сущности представляет собой сознание, переживаемое изнутри.

Таким образом, понятие сознания, будучи не выразимым через физические термины и не выводимым априорно (дедуктивно) ни из каких закономерностей нейронного порядка, является первичным, базовым понятием, смысл которого схватывается интуитивно (интроспективно) и с эвиденциальной достоверностью. Если мы имеем осознаваемое переживание, то не нуждаемся ни в каких доказательствах, что мы его переживаем, по крайней мере, в той форме, в какой оно переживается (хотя вопрос о сущности и адекватности осознаваемого переживания остается открытым, но лишь постольку, поскольку это касается уже не сознания как такового, а перцептивной и мыслительной активности субъекта). Например, субъект, воспринимающий озеро, может сомневаться в том, действительно ли перед ним находится озеро, которое он видит, но нет никаких оснований сомневаться в том, что он действительно переживает в ментальном опыте визуальный образ озера. Человек, испытывающий радость, может сомневаться в том, существуют ли объективные причины для переживания радости, но бессмысленно сомневаться в том, действительно ли он переживает радость в своем непосредственном субъективном опыте на сознательном уровне бытия или же она ему только кажется (хотя в опосредованном субъективном опыте на бессознательном уровне бытия под радостью может скрываться другое эмоциональное состояние). Иными словами, разделение на действительно существующие и иллюзорные феномены имеет смысл лишь в отношении внешнего мира и бессознательной психики, тогда как в ментальном опыте психические переживания несомненно переживаются и не могут не переживаться в то самое время, когда они переживаются, и в том самом ви-

де, в каком они переживаются. Ментальному опыту, продуцирующему иллюзию, может и не соответствовать никакое реально существующее сущее, но вместе с этим сам по себе кажущийся феномен очевидным образом существует как именно кажущийся в психическом опыте воспринимающего субъекта. Поэтому ментальные переживания даны сознающему субъекту в своем феноменальном содержании с эвиденциальной достоверностью (интуитивной очевидностью).

С другой стороны, по своему психическому содержанию ментальные феномены не всегда представляют собой в точности то же самое, чем они кажутся сознающему субъекту, что обуславливает их символический характер. В ряде ситуаций они символически отсылают к бессознательному материалу, который не совпадает с тем, что переживается субъектом на сознательном уровне бытия. Мы можем обманываться в наших подлинных чувствах, желаниях и мыслях, что, согласно терминологии Э. Фромма, приводит к псевдочувствованию, псевдожеланию и псевдомышлению. Это означает, что, во-первых, имея определенные чувства, мы можем чувствовать в действительности совсем не то, что чувствуем на сознательном уровне бытия, во-вторых, имея определенные желания, мы можем желать в действительности совсем не того, чего желаем на сознательном уровне бытия, и, в-третьих, имея определенные убеждения, мы можем придерживаться в действительности иных убеждений, не принадлежащих сознательному уровню бытия. За страхом может скрываться любовь, за обидой – зависть, а за физиологической тошнотой – переживание бессмысленности жизни. Поэтому сознание – это ментальный символ бессознательного, а бессознательное – это латентное содержание, символически зашифрованное в контенте сознания.

Здесь возникает нетривиальная проблема, связанная с тем, можно ли вообще говорить о бессознательном бытии как о бытии психического порядка, т.е. о таком бытии, которое в отличие от физического, обладает своей уникальной онтологией и феноменологией, не сводимой к онтологии и феноменологии физического сущего. Иными словами, существуют ли в действительности бессознательные чувства, желания и мысли, и не являются ли они по сущности лишь совокупностью нейронных процессов, которые не осознаются? Находясь в состоянии

гипнотического транса, человек может смеяться и говорить, что его жизнь наполнена смыслом, но оправданно ли при этом утверждать, что ему присуща эмоция радости в ее чувственном содержании и он понимает смысл своей жизни в его рационально-интеллектуальном содержании или же, пребывая в бессознательном состоянии, он лишь демонстрирует поведенческую реакцию, проявляемую через последовательность телесных символов? Декарт сказал бы, что такие высказывания недопустимы, ибо никакой бессознательной психики не существует, и вне ментальной сферы бытия наличествуют лишь телесно-физические процессы. Однако современные психоаналитики убеждают нас, что мы имеем психические переживания, которые существуют за пределами ментального опыта. Если это, действительно, так и психоаналитики правы, то возникает закономерный вопрос: чем переживания, существующие на бессознательном уровне бытия, по своему психическому контенту отличаются от переживаний, существующих на уровне сознания?

Прежде всего, следует заметить, что символичность сознания необходимо отличать от символичности познания, которая сводится к тому, что репрезентирующее символически указывает на репрезентируемое (эксплананс символически раскрывает содержание экспланандума), и поэтому, с одной стороны, всякое репрезентирующее может быть рассмотрено в отрыве от репрезентируемого как именно репрезентирующий конструкт, а, с другой стороны, всякое репрезентируемое может быть представлено в виде разных репрезентирующих символов. Символическая природа познания указывает на бытийное неравенство репрезентирующего конструкта (эксплананса) и репрезентируемого явления (экспланандума) несмотря на то, что первое используется для объяснения второго и поэтому в логическом отношении признается ему тождественным, тогда как символическая природа сознания означает его собственную сущностную несамотождественность. Психическое переживание может отличаться от себя самого, когда, например, человек осознает, что испытывает ненависть, в то время как, на самом деле, испытывает любовь, т.е., переживая ненависть, он переживает любовь, и поэтому

собственно то, что он переживает, ни логически, ни онтологически не является себе тождественным.

В рамках самосознания индивидуальное Я человека не тождественно себе самому, поскольку то индивидуальное Я, которое осознает, не совпадает с тем, которое осознается. В противном случае самосознание свелось бы к осознанию самого акта осознания и не существовало бы никакого индивидуального Я как центра и единства совокупности ментальных актов. Таким образом, в рамках самосознания индивидуальное Я человека отличается от себя самого не в том смысле, в каком репрезентирующее (эксплананс) отличается от репрезентируемого (экспланандума) в рамках познавательного акта, а в том смысле, что, как метко замечает Ж.-П. Сартр, само Я не есть то, что оно есть, и есть то, что оно не есть. Поэтому человек может не чувствовать то, что он в действительности чувствует, и чувствовать то, что он в действительности не чувствует.

В восприятии и мышлении (т.е. во внешнем знании) всегда наличествует структурная расщепленность на репрезентирующее содержание и репрезентируемый предмет, которые, вообще говоря, могут и не соответствовать друг другу. Например, визуальный образ вещи может не соответствовать самой воспринимаемой вещи, а интеллектуальный конструкт, посредством которого осмысляется ситуация, может не соответствовать самой осмысляемой ситуации. В отличие от этого осознаваемое содержание тождественно предмету осознания, поскольку феномены ментального опыта раскрываются в своей непосредственной данности (например, переживаемый красный цвет раскрывается через само переживание красного цвета, тогда как воспринимаемая вещь раскрывается через визуальный образ, не тождественный самой воспринимаемой вещи в ее интенционально полагаемом предметном единстве), т.е. на уровне сознания репрезентируемая предметность совпадает с репрезентирующим содержанием.

С целью прояснения данного положения дел заметим, что в отношении характера взаимосвязи между репрезентируемым объектом и репрезентирующим содержанием психического акта символы могут быть информационными и экзистенциальными. *Информационные символы* устанавливают соответствие между

репрезентируемым объектом и репрезентирующим содержанием при условии, что последнее является *инобытием* первого (например, фотография является информационным символом вещей, которые на ней изображаются, или текст является информационным символом событий, которые в нем описываются). В отличие от этого *экзистенциальные символы* устанавливают соответствие между репрезентируемым объектом и репрезентирующим содержанием при условии, что последнее является *бытием* первого (например, в индивидуальном опыте субъекта любовь может быть бытием ненависти, или, наоборот, ненависть может быть бытием любви, т.е. любовь может существовать в виде ненависти, а ненависть – в виде любви).

Неправильно утверждать, что вещь существует в виде фотографии или событие – в виде текста, поскольку в аналогичных ситуациях репрезентируемый объект и репрезентирующее содержание онтологически отличны и существуют независимо друг от друга, но, тем не менее, между ними наблюдается определенная связь, которая позволяет делать истинные суждения о репрезентируемом объекте на основе репрезентирующего содержания. Поэтому в данном случае нужно говорить не о бытии, а об инобытии репрезентируемого объекта в виде репрезентирующего содержания. Однако любовь субъекта может существовать в виде ненависти, поскольку в аналогичных ситуациях репрезентируемый объект и репрезентирующее содержание слиты в единое онтологическое целое и не существуют независимо друг от друга. В контексте эмоционального состояния субъекта его любовь на данный момент времени не проявляется в виде ненависти подобно тому, как вещь проявляется в виде фотографического изображения, а она и есть сама эта ненависть со всеми ее эмоциональными оттенками и сопровождающими их смысловыми интенциями. В рассматриваемом примере любовь можно отделить от ненависти лишь абстрактно как некую идею, которая описывает множество сменяющих друг друга эмоциональных состояний субъекта в их логическом единстве, но если мы произведем такую сепарацию на уровне конкретного переживания, то само оно сущностно трансформируется и уже не будет тем, чем оно было до сепарирующего акта, тогда как уничтожение вещи никак не повлияет

на ее фотографию, а уничтожение фотографии никак не повлияет на вещь. Поэтому в данном случае нужно говорить уже не об инобытии, а именно о бытии репрезентируемого объекта в виде репрезентирующего содержания. Сознание – это экзистенциальный символ бессознательного, а бессознательное – это экзистенциальное содержание, символически зашифрованное в контенте сознания.

Таким образом, мы можем постулировать *принцип топографического единства*, который заключается в бытийной неразделимости сознательной и бессознательной психики. Сознательное существует лишь во взаимосвязи с бессознательной подложкой, а бессознательное существует лишь во взаимосвязи с интерпретирующими актами, которые на сознательном уровне бытия вскрывают бессознательный контент. Поэтому можно согласиться с Декартом в том отношении, что сознание является необходимым условием психического бытия, и если оно отсутствует, то не может быть никакой собственно психической активности. Однако сознание не исчерпывает всей глубины психического бытия, и следует признать наличие иного, бессознательного, уровня психики, который сопровождает сознание и образует с ним единое онтологическое целое. Значит, продолжая аналогию между сознанием и «светом», можно сказать, что не бывает психических состояний, в которых интенсивность «света» падает до нуля, ибо если это случается, то говорить о психическом контенте уже нельзя. Даже в самых глубоких состояниях гипнотического или сомнамбулического транса присутствует некоторая доля сознания, пусть даже и очень маленькая, но все-таки разбавляющая «светом» бессознательную «темноту». Она может быть настолько незначительной, что по возвращению в нормальное бодрствующее сознание человек не будет помнить, что именно с ним происходило, когда он пребывал в состоянии глубокого транса. С другой стороны, психическое состояние, когда «свет» сознания полностью побеждает «темноту» бессознательного, также не достижимо, как и противоположное состояние абсолютной бессознательности психического характера, поскольку иначе мы вступаем в противоречие с принципом топографического единства. Хотя согласно восточному мировоззрению, которое отражается в учениях индуистских и буддистских гуру, вершина духовного развития личности сводится как раз

к особому состоянию сознания, когда на психическом уровне бытия не остается ничего бессознательного, а, значит, разрешаются все конфликты, связанные с противодействием сознательных и бессознательных установок, и субъект, погружаясь в переживание настоящего момента времени, обретает экстатическую гармонию со всем окружающим миром. Учитывая такую возможность, следует внести корректировку в принцип топографического единства и допустить особое пиковое переживание ментального характера, когда сознание полностью вытесняет бессознательное, в результате чего субъект достигает состояния онтопсихологической целостности (т.е. духовного просветления).

Информационные символы не влияют на символизируемые объекты, но последние влияют на характер информационных символов, тогда как экзистенциальные символы влияют на символизируемые объекты, раскрывая их сущность, а последние влияют на экзистенциальные символы, определяя их бытие. Например, визуальный образ вещи зависит от самой этой вещи, но последняя нисколько не зависит от ее визуального образа. В отличие от этого самооценка личности зависит от ее поведения, которое репрезентируется оценочными суждениями, а поведение личности зависит от ее самооценки, которая репрезентируется поведенческими паттернами, в результате чего изменение самооценки приводит к изменению поведения, а изменение поведения приводит к изменению самооценки (отчего, собственно говоря, мы и приписываем бытию человека экзистенциальный характер в отличие от бытия вещей).

Ментальный опыт представляет собой экзистенциальную символизацию бессознательного контента, который манифестируется через содержание ментального опыта. Поскольку же бессознательные переживания получают свою сущностную определенность лишь в интерпретирующих актах сознания, а последние онтологически укореняются в бессознательных переживаниях, то бессознательное оказывается онтологической границей сознания, которая изменяется в зависимости от изменения нейронного кода, лежащего в основе психических переживаний, и изменения структурных и смысловых особенностей интерпретации, тогда как сознание, со своей стороны, оказывается онтической (сущностной) гра-

ницей бессознательного, которая изменяется в зависимости от изменения латентного содержания психических переживаний. Если из психического вычесть все ментальное (сознательное), то оставшееся бессознательное будет представлять собой совокупность нейронных процессов, лишенных психической феноменологии. Если же из психического вычесть все бессознательное, то сознательное лишится своей онтологической подпорки, ибо уже не будет символизировать никакое экзистенциальное содержание. Всякий ментальный опыт обретает свое бытие лишь в более широком бессознательном контексте, который, с одной стороны, символически манифестируется этим опытом, а, с другой стороны, определяет его латентное бытие. Таким образом, бессознательное как именно психическое существует лишь в отношении к сознательной активности репрезентирующего субъекта (в качестве ее онтологической границы), тогда как бессознательным зомби, строго говоря, не присуще не только сознательное, но и бессознательное бытие, т.е. их вообще нельзя считать психическими существами в силу отсутствия у них внутреннего феноменального содержания, которое не сводится по существу к физическим процессам, протекающим в нейронных сетях головного мозга.

Выводы к главе 1

В первой главе диссертационного исследования 1) дается определение понятию сознания, исходя из разделения на внешнее и внутреннее знание, 2) противопоставляется физическое и психическое сущее, а также сознательная и бессознательная сферы психики, 3) рассматриваются феноменальный и интенциональный аспекты сознания, 4) в отношении источника ментального опыта анализируются концепции интернализма и экстернализма, а в отношении однородности или неоднородности ментального опыта анализируются концепции репрезентационализма и квалитативизма, 5) выстраивается классификация бытия сущего, в соответствии с которой оно может быть реальным, виртуальным, интеллигибельным и эйдетическим, 6) показывается, что ментальное сущее обладает виртуальным и интеллигибельным бытием, 7) прослеживается взаимосвязь между сознанием и

пониманием, 8) анализируется методологическая проблема сознания в связи с приватным характером ментальных феноменов, 9) разводятся информационные и экзистенциальные символы, что позволяет описать символическую природу сознания (как внутреннего знания) в отличие от символической природы познания (как внешнего знания).

На основании полученных результатов можно сделать следующие существенные выводы:

1. На чувственном (сенсорном) уровне репрезентации феноменальный аспект играет ведущую роль, поскольку феноменальное содержание психического акта задает собственно то, что переживается в чувственном акте. На интеллектуальном (мыслительном) уровне репрезентации ведущую роль играет интенциональный аспект, поскольку интенциональное единство задает собственно то, что мыслится в интеллектуальном акте.

2. Феноменальный аспект является атрибутом сознания, поскольку нельзя что-то осознавать, не имея при этом никаких ощущений, тогда как интенциональный аспект является модусом сознания, поскольку можно что-то осознавать, не имея при этом никаких мыслей (например, в случае элементарных ощущений, которые не обладают свойством интенциональности).

3. Если мышление (вместе с интенциональной компонентой сознания) можно попытаться свести к логико-вычислительным операциям, которые реализуются в нейронных сетях головного мозга, то чувственность (вместе с феноменальной компонентой сознания) такого рода редукции не подвластна, ибо никакие логико-вычислительные операции, существующие объективно и данные извне, не объясняют наличие феноменального сознания, существующего субъективно и данного изнутри.

4. Логический анализ концепций интернализма и экстернализма, а также репрезентационализма и квалитативизма показывает, что следует остановиться на квалитативизме экстерналистского типа.

5. Сознание представляет собой целостный феномен, но его ментальное содержание определяется двумя классами причин, один из которых (феноменаль-

ный) связан с репрезентирующей системой, а другой (интенциональный) – с репрезентируемым объектом.

6. Восприятие и мышление отделимо от сознания, поскольку они могут осуществляться в бессознательном состоянии, тогда как понимание неотделимо от сознания, ибо если мы не осознаем смысла суждения, то и говорить о понимании не приходится. Однако сознание с необходимостью не предполагает понимания, ибо субъект может свидетельствовать (осознавать) некие феноменальные данные, но не знать, что именно он осознает и что вообще случается акт осознания.

7. Существует четкая демаркационная линия между понимающей сознательностью человека и непонимающей бессознательностью робота при демонстрации схожих паттернов поведения, что указывает на несостоятельность концепции сильного искусственного интеллекта и ложность таких философских теорий сознания, как функционализм, элиминативизм, теория тождества свойств, а также логический и эмпирический бихевиоризм.

8. Данность от первого лица является необходимой характеристикой сознания, поскольку в противном случае психические феномены могут быть обнаружены благодаря сканированию головного мозга в своем феноменальном составе, а не в виде соответствующего им нейронного кода, что приводит либо к отрицанию уникальной онтологии ментального сущего, либо к идеалистическим теориям сознания.

9. Интроспективный метод является необходимой компонентой объективно-научного исследования ментального опыта.

10. Сознание не является высокоуровневым свойством физических систем, поскольку из физической сущности процессов, протекающих в головном мозге человека, нельзя априорно (дедуктивно) вывести ментальную сущность сознания, но можно установить психофизическую корреляцию, сравнивая физические показатели нейронной активности мозга и соответствующие им интроспективные данные.

11. Сознание представляет собой экзистенциальный символ бессознательного, а бессознательное представляет собой экзистенциальное содержание, символически зашифрованное в контенте сознания.

12. Психическая сфера бытия подчиняется принципу топографического единства, который сводится к бытийной неразделимости сознательной и бессознательной психики.

ГЛАВА 2. ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ К ПЕРВИЧНОМУ ДУАЛИЗМУ СВОЙСТВ КОРРЕЛЯТИВНОГО ТИПА

§ 1. Проблема бытия ментальных феноменов и теоретические предпосылки исследования

Что есть сознание по существу? Почему наши действия сопровождаются внутренней субъективно переживаемой жизнью, а не протекает во «тьме» бессознательного бытия? Что позволяет нам существовать в физической Вселенной как нечто большее, нежели сложно устроенные физические системы? Почему мы не являемся бессознательными зомби, которые не имеют ментального опыта, но обладают на поведенческом уровне всеми психическими способностями (восприятием, мышлением, памятью, воображением и т.д.), характерными для сознающих существ, и могут пройти в силу своего структурного и функционального устройства любые модификации теста Тьюринга? Анализируя работы предшественников, Д. Чалмерс замечает, что они в большей степени решали «легкие» проблемы сознания, которые затрагивают общее функционирование психики («Как мозг обрабатывает стимулы, идущие из окружающей среды? Как он интегрирует информацию? Как мы формируем отчеты о внутренних состояниях?»¹⁵), но из фокуса их философского исследования выпадала «трудная» проблема сознания, которая обуславливается тем, что психическая жизнь человека не просто сводится к процессам энергетического порядка, а сопровождается ментальным опытом, не выводимым из активности физических систем. Каким образом, например, становится возможным, что нейрофизиологический, биохимический и биоэлектрический код, лежащий в основе переживания красного цвета, преобразуется в само это осознаваемое феноменально-психическое переживание красного цвета?

Если мы опираемся на материалистические позиции и полагаем, что в своей бытийной основе окружающий мир состоит из взаимодействующих частиц и по-

¹⁵ Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М., 2013. С. 9.

лей и более ни из чего такого, что не имеет материальной (физической) природы, но при этом в силу непосредственного опыта признаём бытие нередуцируемого феноменального содержания нашей внутренней психической жизни, то тогда мы должны аргументированно объяснить, каким образом становится возможным, что физические процессы порождают несводимые к ним, т.е. обладающие нефизическим бытием и нефизической сущностью, ментальные переживания. Каким образом физические системы могут породить нефизические (ментальные) феномены, в то время как, согласно закону сохранения энергии, одно физическое существо может трансформироваться лишь в другое физическое существо? Еще Г. Лейбниц заметил, что бытие сознания нельзя объяснить, апеллируя к функционированию сложно устроенных физических систем. По этому поводу он пишет: «Будь у нас даже такое острое зрение, что мы могли бы видеть мельчайшие частицы структуры тел, то и тогда, думается мне, мы не продвинулись бы ни на шаг и не увидели бы, откуда берется перцепция, совершенно так же, как сейчас невозможно обнаружить ее ни в часах, где хорошо видны все составляющие части механизма, ни в мельнице, где можно даже прогуляться между колесами; ведь разница между мельницей и более тонко устроенной машиной лишь количественная. Легко понять, что машина, хотя и производит самые красивые на свете вещи, сама этого не воспринимает»¹⁶.

С целью решения проблемы бытия ментальных феноменов в рамках проводимого исследования совершается попытка построения философской теории сознания, которая опирается на две основные теоретические предпосылки: 1) феноменилистическую и 2) каузалистическую.

Феноменилистическая предпосылка сводится к тому, что философская теория сознания должна признавать уникальную феноменологию ментального, а вместе с ней и существование субъективно-феноменального содержания психических переживаний, не редуцируемого по сущности к нейронным процессам и не выражаемого по смыслу в физических терминах. Сознание имеет феноменальную природу в том смысле, что внутреннее содержание ментального опыта сущностно

¹⁶ Лейбниц Г. Сочинения в 4-х томах. Том 1. М., 1982. С. 347.

не редуцируется к физическим (нейрофизиологическим, биохимическим и биоэлектрическим) процессам, протекающим в головном мозге человека. Ментальные феномены сами по себе не обладают физической энергией, ибо можно поджечь хворост реальной спичкой, но нельзя его поджечь спичкой воображаемой. И даже если мы допустим существование пирокинетических способностей человека, благодаря которым он может вызывать самовозгорание предметов одной лишь силой мысли, воображая зажженную спичку, то и в этом случае источником физической энергии, затрачиваемой на возгорание, будут физические процессы, а не сам по себе ментальный образ как таковой. Поскольку же сознание не обладает энергией, то, следовательно, оно имеет нефизическую природу, так как быть физическим сущим означает быть способным вступать в физические взаимодействия и совершать физическую работу, невозможную без энергетической компоненты бытия.

Возьмем, например, зрительный образ письменного стола. В коре головного мозга путем объективно-научного исследования можно найти физические (нейрофизиологические, биохимические и биоэлектрические) связи, которые кодируют визуальный образ письменного стола, но сам визуальный образ обнаружить нельзя подобно тому, как в компьютерной программе, кодирующей картинку, нельзя обнаружить саму эту картинку ни в последовательности нулей и единиц, ни в распределении пикселей на экране монитора. Образ письменного стола в его феноменальном содержании присутствует только на сознательном уровне бытия и нигде более в окружающем мире, и, следовательно, субъективно-феноменальное содержание психики не редуцируется к нейронным процессам, протекающим в головном мозге человека.

Мы можем говорить о нейронном коде, посредством которого на физическом уровне бытия кодируется ментальное событие, но при этом само по себе оно остается не тождественным нейронному коду, поскольку знание последнего и всех законов физического бытия еще с необходимостью не дает нам и понимания того, что представляет собой по своему субъективно-феноменальному контенту само это ментальное событие. Например, можно представить себе, что мы опре-

делили у гипотетического инопланетянина нейронный код, посредством которого кодируется ментальное событие, связанное с визуальным восприятием объектов в рентгеновской части электромагнитного спектра, но при этом никакое знание физических (нейрофизиологических, биохимических и биоэлектрических) законов, которые участвуют в продуцировании нейронного кода, не позволит нам понять на уровне внутренней феноменологии, каково это – субъективно воспринимать окружающий мир в рентгеновском излучении.

Прежде чем переходить к каузалистической предпосылке, разведем понятия материального и физического сущего. Под *физическим сущим* подразумевается такое сущее, которое 1) локализуется в объективно существующем (астрономическом) пространстве-времени, 2) обладает энергией, позволяющей совершать работу в объективно существующем пространстве-времени, и 3) подчиняется физическим законам, которые устанавливают фундаментальные взаимосвязи между величинами, характеризующими его бытие в объективно существующем пространстве-времени. *Материя* – это объективно существующая онтологическая основа (т.е. предельная сущность и причина) всякого физического события, которое имеет место в окружающем мире. Понятие материального имеет больший объем, нежели понятие физического, ибо всякое физическое событие является материальным, но не всякое материальное событие является физическим, о чем более развернуто пойдет речь в следующей главе диссертационного исследования. Материальное сущее отличается от духовного (нематериального) сущего тем, что оно всегда имеет физическую компоненту бытия, тогда как *духовное сущее* само по себе лишено физической компоненты бытия.

Каузалистическая предпосылка сводится к незыблемости принципа каузальной замкнутости физических событий (т.е., в конечном счете, к полноте физики и незыблемости закона сохранения физической энергии), согласно которому физическое событие может иметь только физическую причину и только физическое следствие, ибо если физическое событие имеет нефизическую причину, то физическая энергия возникает из ниоткуда, а если физическое событие имеет нефизическое следствие, то физическая энергия исчезает в никуда. Как замечает

В.В. Васильев в своей книге «Трудная проблема сознания», «принцип каузальной замкнутости... требует именно признания наличия у каждого физического действия физической причины»¹⁷. Однако в этом утверждении содержится только половина принципа каузальной замкнутости физического мира, ибо у физического действия не может быть не только нефизической причины, но и нефизического следствия. В противном случае часть действия (т.е. часть энергии) физической системы расходуется на производство нефизических эффектов, что приводит к бесследному исчезновению физической энергии. Если же мы полагаем, что физическая система может продуцировать нефизические следствия без затраты физической энергии, то в этом случае она не принимает никакого активного участия в самом продуцировании, и, значит, нельзя говорить, что именно она продуцирует нефизические следствия. Например, вещи отбрасывают тени, и бытие последних зависит от бытия первых, но бытие первых не зависит от бытия последних. На первый взгляд, может показаться, что тени, имея нефизическую сущность, продуцируются физическими вещами, но в действительности тени как сущности, обладающие бытием, не существуют вне восприятия, ибо сами по себе являются отсутствием света, и поэтому в физическом мире не существует нефизических теней. Отсюда вытекает, что если мы признаём нередуцируемость сознания к процессам нейронного порядка, то ментальные феномены не могут оказывать на них причинного действия, а они, со своей стороны, не могут оказывать причинного действия на ментальные феномены, поскольку иначе мы приходим к нарушению принципа каузальной замкнутости физических событий. Это порождает психофизическую проблему и проблему ментальной каузации, которые должны решаться в рамках философской теории сознания.

Но почему бы нам не отказаться от закона сохранения физической энергии, по крайней мере, в той форме, в которой он утверждается современной наукой? Ведь можно дополнить его энергией психического (или духовного) характера и говорить уже о сохранении не просто физической энергии, а энергии вообще, которая существует как в физическом, так и в психическом (или духовном) модусе.

¹⁷ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М., 2009. С. 225.

И тогда физическая энергия способна переходить в психическую, а психическая – в физическую, как это постулируется в ряде эзотерических концепций сознания (например, в теософии) или в субстанциальном интеракционизме Р. Декарта, согласно которому нематериальная душа передает импульс материальному телу, а последнее, в свою очередь, изменяет психическое состояние души. Однако если мы введем дополнительную (нефизическую) энергию и попытаемся описать ее количественно, то будем вынуждены сопоставить ей величину, входящую в физические уравнения, и тем самым либо утратим полноту физики, поскольку физические процессы уже не будут описываться одними лишь физическими величинами, либо должны будем признать, что энергия нефизического порядка по сущности представляет собой разновидность физической энергии и, следовательно, никакой дополнительной (нефизической) энергии в действительности не существует.

Таким образом, из закона сохранения физической энергии, а вместе с ним и из принципа каузальной замкнутости физических событий, вытекает, что всякая энергия, как бы мы ее ни назвали, будучи именно способностью совершить работу, направленную на изменение количественных параметров материальной системы, в своей онтологической основе имеет физическую природу. Например, З. Фрейд, разрабатывая в рамках научной картины мира психоэнергетическую концепцию психики (согласно которой сознание – это свободная форма бытия психической энергии, а бессознательное – это связанная форма бытия психической энергии), подчеркивал, что психическая энергия в ее бытийной основе представляет собой нейрофизиологическое возбуждение, т.е. сущность физического порядка.

Феноменалистическая и каузалистическая предпосылки в сумме заставляют признать, что 1) причиной и следствием физических событий могут быть только физические события, поскольку иначе в уравнениях физики появляются нефизические величины, что подрывает целостность и полноту физической науки, 2) ментальное сущее не обладает физической энергией (которой обладают сопутствующие процессы нейрофизиологического, биохимического и биоэлектрического характера), поскольку в противном случае оно либо отождествляется с фи-

зическим сущим (как это происходит в теории тождества свойств), что противоречит феноменалистической предпосылке, либо, сохраняя бытийную приватность и уникальную сущность, не сводимую к сущности физического сущего, оказывается способным энергетически воздействовать на процессы физического порядка (как это происходит в интеракционизме), что противоречит каузалистической предпосылке.

Онтологические концепции, признающие, что в предельной основе окружающего мира лежит только материальное начало, мы будем называть *материалистическими*, а те онтологические концепции, которые утверждают, что в предельной основе окружающего мира лежит духовное (нематериальное) начало, мы будем называть *идеалистическими*. Таким образом, к идеалистическим концепциям относятся не только концепции духовного монизма (согласно которым в предельной основе окружающего мира лежит одно лишь духовное начало, как это утверждается в работах Д. Беркли, Ф. Брэдли, Г. Гегеля, Г. Лейбница, Д. Мактаггарта, Т. Спригга и Д. Фостера), но и концепции субстанциального дуализма (согласно которым в предельной основе окружающего мира лежат два самостоятельных начала – одно духовное, а другое материальное, как это утверждается в работах Р. Адамса, С. Грофа, Р. Декарта, Д. Парфита и Р. Свинберна).

Идеалистические теории сознания, несмотря на их простоту (которая сводится к тому, что бытие сознания в качестве духовной субстанции не требует аргументированных объяснений, а признается как аксиоматическая данность), не согласуются с научной картиной мира, поскольку физические уравнения, описывающие фундаментальный уровень бытия окружающего мира, не содержат в себе духовных (нефизических) величин и не нуждается в них для объяснения бытия всего разнообразия объективно наблюдаемых явлений. Присутствие духовных (нефизических) величин в уравнениях физики указывало бы на энергетическое взаимодействие между духовным и материальным сущим, что, в свою очередь, свидетельствовало бы о нарушении принципа каузальной замкнутости физических событий. В рамках духовного монизма физическая Вселенная возникнуть не может, поскольку иначе у физических событий появляется нефизическая причина.

Если же мы обратимся к концепции субстанциального дуализма, то опять-таки в силу принципа каузальной замкнутости физического мира духовная субстанция не может оказывать энергетического влияния на материальные объекты, и поэтому ее роль в жизни физической Вселенной сводится к нулю.

Поскольку идеалистические теории сознания (как монистического, так и дуалистического типа) не соответствуют каузалистической предпосылке, то это подводит нас к *материалистическому принципу*, который заключается в том, что философская теория сознания должна развиваться в рамках материалистического мировоззрения, т.е. она должна признавать первичность материальных процессов, которые на определенном уровне структурной и функциональной организации порождают процессы ментального характера. Таким образом, бытие сознания, согласно материалистическому принципу, в конечном счете, укореняется в бытии нейронных процессов, протекающих в головном мозге человека, и в бытии окружающего мира, который оказывает на эти процессы влияние, не выходящее за пределы научно-материалистической онтологии. Иными словами, ментальное сущее существует лишь постольку, поскольку реализуются соответствующие ему процессы физического (нейрофизиологического, биохимического и биоэлектрического) характера.

Одновременное удовлетворение материалистического принципа и феноменалистической предпосылки приводит к противоречию, которое обуславливается тем, что ментальные переживания, с одной стороны, продуцируются физическими системами, но, с другой стороны, обладают уникальной онтологией и характеризуются наличием субъективно-феноменального содержания, не редуцируемого по сущности к физическим (нейрофизиологическим, биохимическим и биоэлектрическим) процессам, протекающим в головном мозге человека. Поэтому философская теория сознания должна справляться с данной проблемой, показывая, каким образом в материалистическую онтологию вписывается приватное бытие ментальных феноменов.

Согласно данному выше определению, понятие материального сущего имеет больший объем, нежели понятие физического сущего, и соответственно возник-

кает вопрос, который заключается в том, может ли материальное нефизическое сущее существовать в отрыве от материального физического сущего. Если мы отвечаем на него утвердительно, то тогда нефизическое бытие так же, как и физическое, становится каузально замкнутым, т.е. не нуждается ни в какой причине, которая выходила бы за пределы его собственной онтологической сферы. В свою очередь, это означает, что нефизическое сущее, будучи причиной самого себя, субстанционализируется и противостоит в качестве субстанции физическому уровню бытия. Таким образом, мы приходим к субстанциальному дуализму, который несовместим с материалистической точкой зрения, утверждающей, что в онтологической основе окружающего мира лежит единственное материальное начало как предельная причина и сущность всех происходящих процессов. Следовательно, на поставленный вопрос мы должны ответить отрицательно, утвердив тем самым *принцип онтологической несепарабельности*, который сводится к тому, что материальное нефизическое сущее ни при каких условиях не может существовать в отрыве от физического сущего. Иными словами, материальное нефизическое событие происходит тогда и только тогда, когда происходит соответствующее ему материальное физическое событие.

Чтобы философская теория сознания, с одной стороны, удовлетворяла материалистическому принципу и принципу онтологической несепарабельности, а, с другой стороны, сохраняла уникальную онтологию ментальных переживаний, необходимо выстроить классификацию материалистических онтологий и уточнить, какая из них в плане бытия сознания не противоречит двум основным предпосылкам (феноменалистической и каузалистической) проводимого диссертационного исследования.

§ 2. Материалистическая онтология сознания

В отношении сводимости или несводимости сущности и бытия ментального сущего к сущности и бытию физического сущего материализм может быть редуктивным или нередуктивным. В свою очередь, *редуктивный материализм*, кото-

рый утверждает, что сознание сводится к процессам нейронного (физического) порядка, делится на сильный и слабый. В соответствии с *сильным редуктивным материализмом* сознание сводится к процессам нейронного (физического) порядка по сущности и по бытию, т.е. присущие ему свойства тождественны свойствам физического сущего и оно существует в модусе физического бытия. Иными словами, ментальное сущее обладает физическими свойствами и существует так же, как существует физическое сущее. *Слабый редуктивный материализм* полагает, что сознание сводится к процессам нейронного (физического) порядка по сущности, но не по бытию, т.е. присущие ему свойства тождественны свойствам физического сущего, но оно не существует в модусе физического бытия. Иными словами, ментальное сущее обладает физическими свойствами, но существует иначе, нежели существует физическое сущее. Согласно *нередуктивному материализму*, сознание не сводится к процессам нейронного (физического) порядка ни по сущности, ни по бытию, т.е. присущие ему свойства не тождественны свойствам физического сущего и оно не существует в модусе физического бытия. Иными словами, ментальное сущее не обладает физическими свойствами и существует иначе, нежели существует физическое сущее.

В отношении количества каузальных уровней, которые по сущности не сводятся друг к другу и определяют бытие сущего в окружающем мире, материализм может быть 1) монистическим и 2) дуалистическим.

Согласно *монистическому материализму*, или *материалистическому монизму*, в онтологической основе окружающего мира не существует ничего, кроме *физической* материи. Все процессы и явления, которые обнаруживаются во Вселенной, имеют физическую природу и обуславливаются физическими причинами. Мы можем описывать их на разных репрезентативных уровнях (химическом, биологическом, психологическом, социальном или духовном), но при этом по сущности они остаются материально-физическими, поскольку одно физическое событие порождает лишь другое физическое событие и, в свою очередь, само порождается лишь третьим физическим событием. Отдельные репрезентативные уровни существуют в нашем субъективном восприятии и мышлении, тогда как в объективной

действительности существуют лишь сложно организованные физические системы, подчиняющиеся физическим законам, а законы более высокого порядка (химического, биологического, психологического, социального или духовного) сводятся к последним (т.е. выводятся из них априорно), будучи их статистическим обобщением для удобной и компактной репрезентации. Поэтому фундаментальной онтологией окружающего мира является физическая онтология, лежащая в основе всех наблюдаемых событий. Отсюда следует, что материалистический монизм представляет собой редуцивную концепцию, согласно которой сознание сводится к процессам нейронного (физического) порядка.

Материалистический монизм сильного редуцивного типа утверждает, что всякое ментальное событие по бытию и по сущности (онтологически и феноменологически) сводится к событиям физического порядка. Всякое событие, происходящее в мире, в отношении предметной сущности, т.е. в отношении того, что собственно случается и происходит, когда имеет место данное событие, редуцируется к совокупности физических событий без потери каких-либо свойств и характеристик, присущих рассматриваемому событию. В частности, все свойства и характеристики ментальных переживаний, согласно данной точке зрения, можно свести к физическим свойствам и характеристикам, которые проявляются на уровне нейронных процессов, протекающих в головном мозге человека.

Поэтому материалистический монизм сильного редуцивного типа есть *физикализм*, хотя с этой точкой зрения согласны не все современные философы, занимающиеся проблемой бытия сознания. Например, Д.В. Иванов в своей статье «Три аргумента современной аналитической философии сознания» пишет: «Физикализм не является разновидностью монизма... В физикализме акцент делается не на существовании одной реальности, материи, а на той особой роли, которую играет физика... Физикализм – это доктрина о причинности. Она базируется на принципе “полноты физики”... Принцип “полноты физики” не означает, что физика может объяснить все»¹⁸. Однако если мы полагаем, что физические события каузально замкнуты, т.е. любое физическое событие причинно обуславливается

¹⁸ Аспекты: Сборник статей по философским проблемам истории и современности. Выпуск II. М., 2003. С. 118.

другим физическим событием, то в этом случае существование нефизических событий, причинный ряд которых никогда не сводится к событиям физического порядка и которые поэтому не могут быть объяснены в рамках физической науки, указывает на существование второй, наряду с материей, нематериальной (духовной) основы бытия, и в результате мы приходим к субстанциально-дуалистической картине мира. Причем такого рода дуализм не допускает взаимодействия физического и нефизического сущего, поскольку иначе нарушается принцип «полноты физики», и логически приводит к концепции параллелизма.

Материалистический монизм сильного редуктивного типа развивается в рамках *теории тождества свойств*, согласно которой ментальные переживания по сущности тождественны физическим (нейрофизиологическим, биохимическим и биоэлектрическим) процессам, происходящим в нейронных сетях головного мозга, подобно тому, как свет по сущности тождественен потоку электромагнитных волн. К представителям теории тождества свойств можно отнести Д. Армстронга, Д. Льюиса, Ю. Плейса, Д. Смарта, Х. Фейгеля. Они полагают, что психическое событие тождественно нейронному, и любое описание внутренней субъективной жизни человека в психических терминах может быть переведено на язык физики без потери сущностного содержания. По этому поводу Д. Сمارт в своей статье «Sensations and brain processes» заявляет, что «ощущения, состояния сознания представляются единственным родом вещей, которые остаются за пределами физикалистской картины, и по разным причинам я просто не могу поверить, что это возможно»¹⁹. Например, переживание боли тождественно возбуждению определенных волокон в коре головного мозга, но мы можем не понимать их тождества подобно тому, как можем не понимать тождества Утренней и Вечерней звезды. Продолжая эту метафору, можно сказать, что Утренняя звезда кажется нам отличной от Вечерней просто потому, что мы их по-разному описываем, определяя одну как небесное тело, самое яркое на утреннем небосводе, а другую как небесное тело, самое яркое на вечернем небосводе. Но если мы проследим траектории их движения по звездному небу, то убедимся, что в действительности они

¹⁹ The Nature of Mind. New York, 1999. P. 170.

представляют собой одно и то же небесное тело, а именно – Венеру. Таким образом, два разных описания соответствуют одному и тому же реальному объекту. Точно так же два разных описания – нейронное и психическое – соответствуют одним и тем же физическим событиям, которые происходят в коре головного мозга.

Если мы признаём тождество между психическим описанием и физическим подобно тому, как признаём тождество между Утренней звездой и Вечерней или температурой и средней кинетической энергии молекул, то это означает, что психическое по сущности есть определенный вид физического. Следовательно, все, что имеет отношение к первому, в равной степени имеет отношение и ко второму, а все, что имеет отношение ко второму, в равной степени имеет отношение и к первому. Если кто-то воображает оранжевое небо, то в рамках теории тождества свойств правильно говорить не о том, что акту воображения соответствуют нейронные процессы, а о том, что акт воображения со всеми его ментальными свойствами ничем не отличается от совокупности нейронных процессов. Однако при этом с помощью сканирования, используя самые фантастические технологии, мы не найдем в головном мозге человека никакого оранжевого неба, т.е. не обнаружим собственно то, что он видит, но обнаружим нейронные процессы, которые в силу теории тождества свойств и есть само по себе воображаемое оранжевое небо. Следовательно, либо 1) психическое вообще не существует, а существует одно лишь физическое, либо 2) между психическим и физическим нет абсолютно-го тождества. В первом случае мы приходим к нарушению феноменалистической предпосылки и сталкиваемся с противоречием нашему естественному повседневному опыту, который доказывает, что психическое существует и мы, действительно, видим оранжевое небо, а не просто говорим об этом. Во втором случае уже не все ментальные свойства могут быть сведены к свойствам физического порядка, а, значит, мы уходим от теории тождества свойств в сторону теории тождества событий, т.е. в сторону материалистического дуализма, о котором пойдет речь ниже.

Ментальные переживания в рамках материалистического монизма слабого редуکتивного типа представляют собой формы бытия физических систем и соответственно могут сводиться 1) к *функциям физических систем*, что характерно для функционализма, согласно которому ментальные переживания по сущности тождественны функциональным состояниям, реализующимся в нейронных сетях головного мозга, подобно тому, как операции сложения и умножения сводятся к последовательности вычислительных алгоритмов, которые осуществляются в микросхемах калькулятора, или 2) к *поведению физических систем*, что характерно для бихевиоризма, согласно которому ментальные переживания по сущности тождественны сумме сложно организованных действий человеческого организма в целом, подобно тому, как полет птицы сводится к сумме действий, которые совершает летящая птица.

К представителям *функционализма*, который в настоящее время популярен благодаря бурному развитию компьютерных технологий, можно отнести Н. Блока, Д. Деннета, Д.И. Дубровского, Х. Патнэма, П. Черчланда, Д. Фодора. Они полагают, что ментальные состояния – это функции, реализуемые на физическом носителе, который, вообще говоря, может иметь и неорганическую природу. Под *функцией* в данном случае понимается каузальное отношение между событием «на входе» и событием «на выходе».

Согласно функционализму, поведение человека как сложно устроенной физической системы ничем не отличается от поведения робота, ибо оно управляется программами и алгоритмами, которые реализуются в биокомпьютере мозга. Например, Р. Доукинз, Д. Деннет, С. Блэкмор и Р. Броуди утверждают, что человек – это высокоорганизованная машина Тьюринга, подчиняющаяся активности мемов. При этом мем – это «содержащаяся в уме единица информации, которая, влияя на ход определенных событий, способствует возникновению своих копий в других людях»²⁰. Следовательно, человек по сущности не отличается от робота, а осознаваемые переживания не обладают существенным признаком, который позволяет развести их с феноменами бессознательной психики.

²⁰ Доукинз Р. Эгоистичный ген. М., 2015. С. 116.

Человек подобен машине Тьюринга в том смысле, что мозг – это органическое «железо», а сознание – это «софт», реализованный на данном органическом носителе. В частности, Х. Пантэм утверждает, что «боль или состояние боли – это функциональное состояние всего организма»²¹. Если такое функциональное состояние реализуется в программном обеспечении робота, то последний испытывает боль подобно тому, как ее испытывает человек. Поскольку же всякое психическое переживание представляет собой функцию, реализованную на физическом носителе, то робот может не только испытывать боль, но и иметь любой субъективный опыт, свойственный человеку. Представим себе, как это предлагает Д. Чалмерс в своей книге «Сознающий ум», мысленный эксперимент, в котором все нейроны головного мозга заменяются кремниевыми чипами, выполняющими ту же самую функцию, что и удаленные нейроны. В итоге мозг человека превратится в кибернетическое устройство, созданное из неорганического материала, но при этом, как утверждают функционалисты, ни сам человек, ни окружающие его люди не заметят сделанной подмены, поскольку все психические переживания останутся функционально реализованными на другом физическом носителе. Благодаря тому, что субъективный опыт обуславливается не биологией мозга, а каузальными связями между отдельными нейронами или группами нейронов, можно допустить существование функциональных изоморфов (т.е. существ, не тождественных нам субстратно, но тождественных функционально) и пофантазировать об относительном бессмертии личности, которая переносится, включая самосознание, с одного физического носителя на другой. Один из самых невероятных вариантов функционального изоморфизма предлагает Н. Блок, описывая искусственно созданную ситуацию, в которой скоординированные действия большого количества китайцев имитируют на функциональном уровне бытия активность нейронных сетей головного мозга, в результате чего китайская нация как единое целое начинает мыслить и переживать точно так же, как мыслит и переживает обладающий сознанием человек.

²¹ Пантэм Х. Философия сознания. М., 1999. С. 59.

В защиту функционализма Д. Чалмерс предлагает еще один мысленный эксперимент со скачущим ментальным опытом. Представим себе, что у испытуемого все участки головного мозга не заменяются, но дублируются кремниевыми аналогами, которые функционально неотличимы от работы органических нейронов. В итоге у нас получается две разные мозговые цепи (органическая и неорганическая), управляющие поведением человека. Предположим, что с помощью специального переключателя мы можем активировать то одну цепь, то другую. Если функциональный изоморф не обладает сознанием, то при включении кремниевого аналога сознание у испытуемого исчезает. При обратном включении органических нейронов сознание у испытуемого вновь появляется. Поскольку же обе мозговые цепи функционально тождественны, поведение испытуемого при смене положения переключателя остается неизменным, тогда как его внутренний субъективный опыт в одном положении исчезает, а в другом – снова появляется. Таким образом, психические переживания испытуемого «скачут», но ни сам испытуемый, ни окружающие его наблюдатели этого не замечают, хотя испытуемый и продолжает говорить о своих переживаниях даже в том случае, когда они оказываются выключенными. Следовательно, делает вывод Д. Чалмерс, дабы избежать столь абсурдной ситуации и не потерять субъективный опыт, признав его в обоих вариантах несуществующим, мы должны согласиться, что функциональный изоморф обладает сознанием.

Следует заметить, что функционализм в отличие от теории тождества является более тонкой формой редукционизма, поскольку он сводит ментальные состояния не просто к физическим состояниям совокупности нейронов, а к логико-вычислительным операциям, которые, вообще говоря, могут быть реализованы не только мозговыми нейронами, но и другими материальными структурами. Именно поэтому функционализм (в отличие от редукционизма сильного типа) отождествляет ментальные и физические феномены по сущности, но не по бытию, ибо ментальные свойства редуцируются к свойствам физического порядка (т.е. к каузальным отношениям между физическими объектами), но ментальное бытие не редуцируется к бытию физического порядка, ибо функции физических систем

(каузальные отношения между физическими объектами) существуют иначе, нежели сами физические системы, в силу своей множественной реализуемости на разных физических носителях. Однако обнаружение единого функционального состояния, которое реализуется на неидентичном физическом субстрате, подобно обнаружению идей, которые описывают идеальное единство во множестве материальных объектов. И если мы утверждаем, что эти функции, тождественные феноменальному содержанию психических переживаний, существуют объективно, т.е. независимо от нашей репрезентации, то тогда мы должны признать также и то, что объективно существуют субъективные образы и идеи, посредством которых мы репрезентируем окружающий мир, а это уже приводит не только к логическому противоречию в понятиях «объективного» и «субъективного», но и к потере самого собственно субъективно-феноменального содержания психических переживаний. Операцию сложения можно реализовать на деревянных счетах, карманном калькуляторе, квантовом компьютере или нейронных сетях головного мозга, но при этом возникает закономерный вопрос: где и как она существует? Ведь если мы говорим, что она существует в нашем мышлении, то тогда само наше мышление оказывается необходимым условием бытия функциональных состояний и мы отклоняемся в сторону субъективно-идеалистических концепций. Если же операция сложения существует независимо от нашего мышления, то тогда где и как она существует при условии, что весь окружающий мир в своей онтологической основе представляет собой лишь сложно устроенное взаимодействие физических элементов?

Возьмем, например, в качестве функции, реализуемой на разном материальном субстрате, игру в футбол. В нее могут играть люди, звери или роботы. Таким образом, функция остается одной, но физический носитель меняется. Мы опять-таки спрашиваем: каким бытием обладает футбол как таковой? Понятно, что игра в футбол представляет собой обобщение совокупности определенных алгоритмов, которые задают перемещение игроков по полю. Также и операция сложения представляет собой обобщение совокупности определенных алгоритмов, которые задают каузальную взаимосвязь символов на «входе» и символов на «выходе». Но

всякое обобщение само по себе есть интеллектуальная процедура, выполняемая познающим субъектом. В физической природе независимо от обобщающего мышления не существует никаких обобщений, и, следовательно, бытие функции, инвариантной по отношению к физическому субстрату, предполагает наличие обобщающего субъекта. Если последнего не существует, то и бессмысленно говорить о бытии функции как таковой. На физическом уровне бытия в компьютере происходят лишь физические (механические, электрические или квантовые) процессы, которые объединяются сознанием оператора в репрезентативное целое. В равной степени, на нейронном уровне бытия в коре головного мозга происходят лишь нейронные (нейрофизиологические, биохимические или биоэлектрические) процессы, а ментальные переживания обретают свое бытие лишь в сознании воспринимающего и мыслящего субъекта. Поэтому если мы отрываем функцию от субстрата не только логически, но и онтологически как нечто, сохраняющее свою самоидентичность на разных физических носителях в качестве феноменального содержания психических переживаний, то тем самым гипостазируем результат обобщающей процедуры и приписываем ему объективно-реальное бытие, подобное бытию платоновских идей. Если же мы утверждаем, что по бытию и по сущности функции – это только совокупности каузальных связей, которые устанавливаются между элементами физической системы независимо от субстратного состава последних, то в данном случае мы элиминируем субъективно-феноменальное содержание психических переживаний, что противоречит феноменистической предпосылке данного исследования.

К тому же функция, которую реализует физическая система, сама по себе не обладает никакими функциями, поскольку в противном случае она становится носителем функций, в результате чего субстанционализируется и соотносится с физическим носителем уже не как функция, а как субстанция, что превращает функционализм в субстанциальный дуализм. Единственная функция, которую реализует функция счета, – это сама функция счета, и о какой-то иной функции, присущей функции счета, спрашивать не приходится. Поэтому сохранение материалистических позиций в рамках понимания ментального опыта как функции

нейронных сетей головного мозга, не допускает наличия функций у самого сознания, что противоречит его онтологической сущности, ибо сознание, переживаемое изнутри, само по себе исполняет каузальные роли, обусловленные его значимостью в жизни человека.

Согласно *бихевиоризму*, ментальные феномены редуцируются к поведению внешнего или внутреннего характера (например, к мимике, движению глаз, положению тела, изменению кровяного давления, гормональному сдвигу, изменению в электрической активности мозга и т.д.). В зависимости от типа поведенческих форм, к которым совершается редукция, бихевиоризм можно классифицировать на 1) логический бихевиоризм (который отождествляет ментальные феномены с поведенческими диспозициями, т.е. предрасположенностями к определенному рода поведенческим реакциям), 2) психологический бихевиоризм (который отождествляет ментальные феномены с совокупностью условно-рефлекторных взаимосвязей) и 3) эмпирический бихевиоризм (который отождествляет ментальные феномены с действием нейронных сетей).

Представитель *логического бихевиоризма* Г. Райл полагает, что ментальные причины как таковые не существуют, а существуют лишь физические причины одного класса, которые порождают физические следствия другого класса. В каузальном отношении неправильно говорить, что человек обрадовался, потому что понял, что опасность миновала, подобно тому, как неправильно говорить, что стеклянный стакан разбился, потому что обладает свойством хрупкости, ибо хрупкость стеклянного стакана является не свойством, которое можно определить вне каузальных связей с окружающими объектами, а предрасположенностью к ответной реакции на внешнее воздействие. Таким образом, разделение на классы физических и ментальных событий носит условный характер, поскольку ментальные события, в конечном счете, являются физическими.

Утверждение, касающееся ментальных состояний, имеет смысл только в том случае, если оно содержит диспозиционное описание, ибо в противном случае мы не можем осуществить интерсубъективную проверку. Если кто-то говорит, что ему больно, то для того, чтобы определить, истинно данное высказывание или

ложно, необходимо перевести его на поведенческий язык. При этом лингвистический перевод феномена боли на уровень болевого поведения вовсе не означает, что в действительности существует субъективно-феноменальное содержание ощущения боли, которое мы можем транслировать лишь тогда, когда выражаем его в поведенческих терминах. Переживаемая боль не является чем-то большим, нежели то, что мы можем сказать о ней, используя поведенческий язык. Она не просто манифестируется поведенческими диспозициями, а отождествляется с их упорядоченной совокупностью как в отношении психического бытия, так и в отношении феноменальной сущности.

Таким образом, в рамках логического бихевиоризма разделение на физическое и ментальное бытие становится результатом неправильного употреблением языка. Г. Райл замечает, что чтение книги состоит не из двух разных процессов – физического и ментального, как это может показаться на первый взгляд, а из одного единственного – поведенческого, который описывается по-разному – в физических и ментальных терминах. Несмотря на то, что ментальная репрезентация по сущности и смыслу отличается от физической, бытие ментального сущего, будучи, в конечном счете, существованием совокупности сложно организованных движений тела, тождественно бытию физического сущего, и, следовательно, переживаний самих по себе (как чего-то такого, что обладает уникальной онтологией) не существует, а существует лишь набор поведенческих диспозиций, что, очевидным образом, противоречит феноменилистической предпосылке данного исследования.

Согласно теории *психологического бихевиоризма*, которой придерживаются Д. Уотсон, Б. Скиннер и Э. Толмен, ментальные феномены представляют собой уже не способы описания поведенческих реакций, как это характерно для логического бихевиоризма, а сложно организованные совокупности условно-рефлекторных взаимосвязей. В частности, процесс смыслообразования имеет стимул-реактивный характер, благодаря чему слова обладают значением лишь постольку, поскольку вызывают реакцию, сходную с той реакцией, которую вызывают референты. Ментальная активность характеризуется наличием между

стимулом и реакцией имманентных детерминант, в качестве которых могут выступать, например, приспособительные акты (как это полагает Д. Уотсон), когнитивные карты (как это полагает Э. Толмен) или паттерны оперантного научения (как это полагает Б. Скиннер). Строго говоря, в психологическом бихевиоризме сознания как такового вообще не существует, поскольку то, что мы называем внутренней субъективной жизнью сознающего существа, в действительности тождественно объективно наблюдаемым комплексам поведенческих реакций.

В рамках *эмпирического бихевиоризма*, разрабатываемого С. Пристом, сознание – это ментальная активность мозга, которая не представляет собой ничего иного, кроме того, что мы можем обнаружить в действии нейронных сетей объективно-научными средствами. Тождество физического и ментального отслеживается эмпирическим путем в результате сопоставления активности нейронных сетей и поведенческих реакций, которые раскрывают феноменальную сущность психических переживаний. Внеэмпирического вопроса о взаимодействии сознания и мозга не существует подобно тому, как в отношении движущегося автобуса не существует проблемы взаимодействия автобуса и его механического движения. В итоге С. Прист элиминирует субъективные переживания, утверждая, что они «суть качественные феноменологические результаты количественных физиологических чувственных импульсов и неврологической активности (подобно тому, как фотография может, помимо всего прочего, быть продуктом огромного количества малых точек)»²².

Действительно, зададимся вопросом: что есть действие по сущности и каков его онтологический статус? Возьмем газ, который, нагреваясь, расширяется в сосуде и толкает поршень. Расширение газа и перемещение поршня можно назвать действием газа. Однако, когда мы говорим о действии газа, то подразумеваем, что газ находится в состоянии действия, и реально существует лишь действующий газ, тогда как действие как таковое является описанием того, что именно с газом происходит. Приписывая действию физической системы нечто большее, нежели то, что содержит в себе действующая система, т.е. добавляя к совокупности про-

²² Прист С. Теории сознания. М., 2000. С. 202.

исходящих с ней физических процессов еще некоторое феноменальное содержание, качественно несводимое к физическому уровню бытия, мы тем самым нарушаем принцип каузальной замкнутости физического мира, ибо всякое действие, совершаемое физической системой, имеет последствия, реализуемые на физическом уровне бытия.

Таким образом, редуктивные теории сознания не соответствуют феноменалистической предпосылке, ибо элиминируют само субъективно переживаемое содержание ментальных феноменов. Между редуцируемым сознанием и редуцирующими сущностями физического порядка существует неустранимый дескриптивный и онтологический разрыв. *Дескриптивный разрыв* заключается в том, что какие бы сложные и длинные предложения физикалистского характера (в физических, логико-вычислительных или поведенческих терминах) мы ни выстраивали, нам все равно не удастся выразить собственно то, что мы переживаем в своей внутренней ментальной жизни. Сколько бы мы ни описывали на физикалистском языке переживание красного цвета, мы никогда не поймем, каково это – видеть красный цвет, пока сами не увидим что-либо красное. Описание боли как возбуждения определенного участка нейронной цепи в головном мозге человека также не дает представления о том, каково это – переживать боль в ее внутреннем феноменальном содержании. Поскольку же описание ментального переживания боли невозможно свести к описанию его физической подложки, то и само по себе переживание боли не находит адекватного места в редуктивных теориях сознания.

Онтологический разрыв сводится к тому, что никакие физические факты и законы не позволяют априорно (дедуктивно) имплицировать факты ментального порядка. По этому поводу Д. Левин в своей статье «On leaving out what it is like» замечает: «Явление объяснено, если редуцирующие факты делают его эпистемологически необходимым, если мы можем видеть, почему при наличии фактов, на которые ссылается редукция, вещи должны быть именно такими, какими они нам кажутся на поверхности»²³. Поскольку же мы не понимаем (и в принципе понять не можем, не имея соответствующего опыта), почему при наличии нейронных

²³ Consciousness: Psychological and Philosophical Essays. Oxford, 1993. P. 129.

фактов случаются также и соответствующие им ментальные факты именно в той форме, в какой они переживаются, то редуктивная точка зрения на природу сознания оказывается ложной.

Из описания физических событий невозможно логически вывести события ментального порядка даже при условии, что такое описание будет абсолютно полным. Поскольку же редукция сложной системы к простым элементам с необходимостью предполагает логическую выводимость высокоуровневых событий из низкоуровневого описания, как это происходит в ситуации, когда из законов, управляющих движением микрочастиц, мы получаем представление о свойствах макроскопических объектов, то отсюда можно сделать вывод, что сознание не сводится к физическим процессам, а это, в свою очередь, указывает на ложность материалистического монизма. Как только мы объективируем ментальные феномены, отождествляя их свойства со свойствами физического характера, так сразу же они теряют субъективно-феноменальное содержание и перестают быть собственно ментальными феноменами, в результате чего не остается ни образов, ни эмоцией, ни желаний, ни мыслей, ни идей.

Поэтому материалистический монизм есть *элиминативизм*, утверждающий, что ментальные свойства вообще не существуют, аналогично тому, как, по меткому замечанию Д. Деннета, не существует никаких фокусов, ибо всякий фокус, на самом деле, не является таковым, а представляет собой вполне объяснимое и закономерное явление. Будучи честным и последовательным физикалистом (материалистическим монистом сильного редуктивного типа), Д. Деннет заявляет, что в физическом мире может существовать только физическое сущее, и, следовательно, ментальное сущее имеет физическую основу и физическую сущность. Значит, делает вывод Д. Деннет, ментальных феноменов не существует, они — лишь фикции человеческого языка, ибо «психика, которая получается, когда к ней добавляется язык, настолько отличается от психики, которая была бы без добавления языка, что было бы ошибкой называть и ту и другую психикой»²⁴. Своей радикальной критикой сознания Д. Деннет выступает против концепции картези-

²⁴ Деннет Д. Виды психики. М., 2004. С. 24.

анского театра, согласно которой внутри мозга сидит субъективный зритель и наблюдает ментальное шоу в виде психических переживаний. Субъективного Я как идеального единства внутренней психической жизни не существует, поскольку сами по себе физические системы, пребывая в постоянном становлении и изменении, никаких идеальных единств содержать не могут, и поэтому правильно говорить не о едином субъективном Я человека, а о множестве ментальных набросков, которые объединяются памятью в иллюзию потока сознания.

Согласно С. Присту (который в результате своих размышлений также приходит к выводу, что сознания не существует, а существуют лишь различные виды опыта) достоинства элиминативизма сводятся к 1) *эмпирической экономии*, благодаря которой для описания и объяснения ментальных фактов не требуется дополнительной объективно ненаблюдаемой сущности, 2) *теоретической экономии*, благодаря которой можно объяснить эфемерность сознания, его неуловимую природу и невыразимость соответствующего понятия, и 3) *экспликативной экономии*, благодаря которой необходимость обоснования бытия сознания ложится на противников элиминативизма, тогда как сторонники этой теории не нуждаются ни в каком обосновании, ибо в данном случае обосновываемый феномен не обладает объективно фиксируемым существованием.

Таким образом, материалистический монизм, ведущий при последовательном развитии к элиминативизму, уравнивает человека с бессознательным зомби, который в действительности не имеет ментальных переживаний, а лишь говорит о том, что они свойственны ему, и приписывает их другим субъектам, которые демонстрируют схожее поведение. Однако такой вывод противоречит здравому смыслу и непосредственному опыту, который с эвиденциальной достоверностью свидетельствует о том, что мы имеем чувственное восприятие, переживаем эмоции, видим сны и, закрыв глаза, может себе представить то, что физически отсутствует, т.е., иными словами, противоречит феноменалистической предпосылке данного исследования.

Дуалистический материализм, или *материалистический дуализм*, утверждает, что во Вселенной существуют процессы и явления, которые в своей бы-

тийной основе имеют нефизическую (ментальную) природу и обуславливаются нефизическими (ментальными) причинами, и поэтому при определенных условиях физические события сопровождаются нефизическими (ментальными), которые и по бытию, и по сущности сохраняют нередуцируемый характер. Таким образом, можно говорить о психофизических событиях, которые обладают нетождественными свойствами психического и физического порядка, что соответствует *теории тождества событий*, развиваемой в работах Д. Дэвидсона, Я. Кима, Р. Сперри, Д. Чалмерса и представителей диалектического материализма. Переживание боли в отношении того, как оно существует, нельзя отождествить с существованием сопровождающих ее нейрофизиологических процессов. Бытие ментального образа солнца не тождественно бытию физических процессов, сопровождающих восприятие солнца, хотя последнее происходит тогда и только тогда, когда происходят соответствующие ему события нейронного порядка. Феноменологию переживания красного цвета нельзя свести к феноменологии нейронных процессов, которые сопровождают данное переживание, поскольку никакие описания последних не раскрывают по сущности феноменальное содержание того, что именно переживается в ментальном переживании красного цвета. Наблюдая в головном мозге события физического порядка, можно с необходимостью умозаключить о наличии соответствующих им ментальных переживаний, но вместе с тем никакое знание сущности объективно-физических событий не раскрывает внутренней феноменологии субъективно-ментального опыта. Поэтому в рамках материалистического дуализма развиваются нередуктивные теории сознания.

Материалистический дуализм позволяет преодолеть аргумент знания, предложенный Ф. Джексоном с целью опровержения редуктивного материализма, который утверждает, что бытийная основа окружающего мира, в конечном счете, имеет материально-физическую основу, т.е. любые события, происходящие во Вселенной, могут быть редуцированы к набору событий физического характера. Поэтому знание всех физических фактов об окружающем мире исчерпывает всю совокупность фактов вообще. В частности, знание всех физических фактов, лежащих в онтологической основе ментальных фактов, дает исчерпывающее знание

последних. Если же это утверждение оказывается ложным, а истинным оказывается противоположное утверждение, согласно которому знание всех физических фактов, лежащих в онтологической основе ментальных фактов, не дает исчерпывающее знание последних, то тогда мы должны признать неполноту редуктивно-материалистической картины мира и, как следствие, ложность философской концепции редуктивного материализма.

Одним из первых, кто обратил на это внимание, был Ф. Джексон, который придумал свой антиматериалистический аргумент знания в виде следующего мысленного эксперимента. Представим себе, что существует девушка Мэри, которая знает совершенно все о нейронных механизмах, протекающих в головном мозге человека. При этом за всю свою жизнь она была окружена лишь черно-белыми предметами и никогда не видела ничего цветного. Соответственно возникает вопрос: узнает ли воображаемая Мэри нечто новое, чего она не знала ранее, имея представление обо всех возможных процессах нейронного характера, если в действительности увидит цветной предмет? Ф. Джексон отвечает на него положительно, делая вывод, что знание нейронной основы ментальных событий еще с необходимостью не дает нам и априорного знания о самих этих ментальных событиях в их собственном феноменальном содержании. В частности, знание всей нейрофизиологии и биохимии красного цвета еще не дает нам представления о том, каково это – переживать красный цвет.

Аргумент знания с участием воображаемой Мэри (в несколько измененном виде) можно разложить на следующие логические составляющие: 1) если мы знаем все о физических событиях, которые случаются на нейронном уровне в головном мозге человека, но никогда не видели цветных предметов и поэтому не знаем, каково это – видеть тот или иной цвет, отличный от белого и черного, то 2) увидев, что-то цветное, получим новое знание, несмотря на то, что имеем представление обо всех нейронных процессах, сопровождающих восприятие цветов, и с учетом того, что 3) в соответствии с редуктивно-материалистической точкой зрения знание всех физических событий исчерпывает и вообще все возможное знание об окружающем мире, ибо в онтологической основе любых явлений с необ-

ходимостью лежат события физического порядка, мы приходим к выводу, что 4) редуктивный материализм ложен.

Защитники редуктивного материализма пытаются подорвать первые три утверждения, чтобы сделать несостоятельным конечный вывод. Во-первых, они утверждают, что Мэри, зная нейронную основу феноменального опыта, знает одновременно и сам феноменальный опыт. Например, Д. Деннет, возражая против аргумента Ф. Джексона, апеллирует к тому, что ничего ментального как такового в действительности не существует, а существует лишь нейронное, зная которое, мы автоматически знаем и само ментальное ровно настолько, насколько оно вообще может быть узнано сознающим субъектом. Во время ментального восприятия не появляется ничего дополнительного, чего не было бы при понимании его нейронной основы. Однако интуитивно ясно, что это неверно, поскольку знание нейронного кода еще не дает и знания того, что именно при этом кодируется, ибо в противном случае мы имеем дело с переводом одного кода в другой код по правилам, имманентным совокупности событий, частью которых является и сам переводимый код. Но тогда ментальное по сущности ничем не отличается от физического, а субъективное – от объективного, что логически опять-таки приводит нас к концепции элиминативизма, так как, с одной стороны, ментальные события по своим бытийным характеристикам не совпадают с физическими, а, с другой стороны, онтология ментального оказывается тождественной онтологии физического.

Кроме этого, практический опыт принципиально отличается от теоретического знания в рамках ментального бытия, прежде всего, тем, что на практике появляется феноменальное содержание психического опыта, которое не тождественно теоретическим конструктам, описывающим нейронную активность мозга. Следовательно, воображаемая Мэри, увидев цветной предмет, получит новый опыт несмотря на то, что при этом она не узнает ничего нового относительно нейронных событий. Зная физическую основу, например, красного цвета, Мэри может вообразить его только в том случае, если у нее должным образом заработает представление, но само по себе это внешнее знание не дает ей ментального пе-

реживания изнутри, которое соответствует красному цвету, ибо нейронная основа красного не есть само это красное уже потому, что она не включает в себе ничего феноменально красного, воспринимаемого на ментальном уровне бытия. Следовательно, редуктивный материализм ложен.

Во-вторых, сторонники редуктивного материализма полагают, что Мэри знает все о физических событиях лишь на теоретическом уровне, т.е. на уровне их абстрактно-символического описания, что никак не позволяет ей иметь и соответствующий феноменальный опыт, дающий знание о том, каково это – находиться внутри состояния, описываемого извне. Это означает, что либо никакого феноменального опыта вообще не существует, и тогда мы оказываемся на позициях элиминативизма, либо феноменальный опыт детерминируется нейронной основой головного мозга не априорно, а апостериорно, что и не позволяет Мэри, зная одну лишь нейронную основу, одновременно знать и сам феноменальный опыт. Однако если мы хотим остаться в рамках редуктивного материализма, то должны признать, что во втором случае феноменальный опыт является сложным онтологическим феноменом, состоящим из нейронных процессов, подобно тому, как идеальный газ является сложной физической структурой, состоящей из взаимодействующих материальных частиц. И аналогично тому, как бытие идеального газа априорно (дедуктивно) выводится из бытия составляющих его материальных частиц при условии, что мы знаем все соответствующие законы, следует также согласиться и с тем необходимым обстоятельством, что бытие ментальных переживаний априорно (дедуктивно) выводится из бытия нейронных процессов. А это, в свою очередь, делает вышеописанное возражение сторонников редуктивного материализма неудовлетворительным.

Наконец, в-третьих, сторонники редуктивного материализма утверждают, что если их точка зрения истинна, то это еще вовсе не означает, что знание всех физических событий должно исчерпывать и вообще все возможное знание об окружающем мире, ибо одно и то же событие может репрезентироваться по-разному, в результате чего умножаются не сами события, а способы их репрезентации. В частности, сам Ф. Джексон, будучи автором антиматериалистического

аргумента знания, в последствии изменил свое мнение и перешел на сторону физикализма репрезентационалистского типа, полагая, что одно и то же событие может репрезентироваться по-разному, т.е. умножаются не сами события, а способы их психической репрезентации, в результате чего, во-первых, физические события на онтологическом уровне исчерпывают все возможные события вообще, и, во-вторых, ментальная репрезентация этих событий дает новое знание, которое, тем не менее, априорно (дедуктивно) не выводится из их физической основы. Однако это возражение теряет доказательную силу, если мы обратим внимание на то, что и сами репрезентативные акты, наряду с репрезентируемыми событиями, также являются специфическими событиями, которые происходят в окружающем мире. Мэри, действительно, может репрезентировать одни и те же нейронные процессы, протекающие в ее головном мозге, посредством физического или ментального описания, но при этом оба репрезентативных акта, в свою очередь, также будут специфическими событиями, которые происходят в физическом мире. Если мы скажем, что они отличаются от репрезентируемых нейронных процессов, то вступим в противоречие с редуктивным материализмом, который утверждает, что в своей онтологической основе все ментальные процессы тождественны физическим. Если же мы станем утверждать, что они, напротив, представляют собой разновидность репрезентируемых нейронных процессов, протекающих в головном мозге Мэри, то вступим в противоречие с изначальной предпосылкой данных рассуждений, которая заключается в том, что знание физических событий не исчерпывает все возможное знание об окружающем мире.

Материалистический дуализм (т.е. материализм нередуктивного типа) также подрывает третью логическую составляющую аргумента знания, отрицая истинность тезиса, согласно которому знание всех физических событий и законов физического бытия исчерпывает все возможное знание об окружающем мире, поскольку согласно данной концепции ментальные события не редуцируются к физическим ни по бытию, ни по сущности, что и не позволяет Мэри знать, каково это – видеть цветную вещь, при условии, что она никогда ее не видела, но знает совершенно все о физических процессах, сопровождающих цветное восприятие.

Нередуктивный материализм признает онтологический и дескриптивный разрыв между ментальными и физическими событиями, который обуславливается существованием внутреннего и внешнего знания, и поэтому он не сталкивается с проблемами, которые характерны для материализма редуктивного типа при анализе аргумента Джексона.

Далее следует заметить, что онтологический дуализм может быть двух видов 1) дуализм субстанций и 2) дуализм свойств. Под *субстанцией* понимается бытийная основа окружающего мира, которая подчиняется принципу *causa sui*, т.е. не требует никакой внешней причины для объяснения ее бытия. Поэтому дуализм субстанций (например, в его декартовском варианте, согласно которому бытийная основа окружающего мира состоит из двух непреходящих и самодостаточных субстанций – материальной, протяженной, и духовной, мыслящей) не совместим с материалистической точкой зрения, утверждающей в качестве бытийной основы окружающего мира одну единственную материальную субстанцию, благодаря которой изменяющиеся параметры рассматриваемых явлений, в конечном счете, обретают свой устойчивый онтологический фундамент. Строго говоря, дуализм субстанций влечет за собой дуализм свойств, поскольку нетождественные субстанции обладают нетождественными свойствами. Однако обратное утверждение неверно: дуализм свойств не влечет за собой дуализм субстанций, поскольку одна и та же субстанция может обладать разными свойствами. При этом не возникает логического противоречия, ибо неправильно говорить, что одна и та же субстанция обладает и свойством А, и свойством не-А (например, свойством топичности и свойством атопичности), а правильно говорить, что некоторые проявления субстанции обладают свойством А, а другие ее проявления не обладают свойством А (например, физическое сущее локализуемо в астрономическом пространстве и обладает физической энергией, а ментальное сущее не локализуемо в астрономическом пространстве и не обладает физической энергией).

Таким образом, материалистический дуализм представляет собой *дуализм свойств*, в соответствии с которым материальные процессы могут обладать двумя разными, не тождественными по сущности, классами свойств – физическими и

ментальными. В отношении атрибутивности или неатрибутивности ментальных свойств, присущих материальным системам, дуалистический материализм может быть классифицирован на 1) первичный дуализм свойств и 2) вторичный дуализм свойств.

Первичный дуализм свойств утверждает, что материи изначально присущи физические и нефизические свойства. Благодаря нефизическим свойствам, атрибутивно присущим материи, на высшем уровне организации материальных систем возникают феноменальные качества субъективно-ментальных переживаний. К такого рода теориям относится, например, панпротопсихизм Д. Чалмерса, который совершает синтез функционализма и дуализма свойств, что позволяет объяснить поведение человека, с одной стороны, в отношении каузальной роли, которую это поведение выполняет, а, с другой стороны, в отношении ментального содержания, которое этим поведением выражается. Мозг человека реализует определенную функцию, в результате чего возникает ментальное состояние, которое в своей внутренней феноменологии не редуцируется к состоянию функционального характера. В данном случае мы имеем дело с натуралистическим дуализмом (т.е. дуализмом материалистического типа), ибо ментальное сущее противостоит физическому, но в то же самое время не утверждается в качестве самостоятельной субстанции.

Подобного рода теории сталкиваются с опасностью, которая заключается в том, что при последовательном развитии они могут превратиться в панпсихизм, одушевляющий материальную природу в ее онтологической основе. Одним из наиболее видных представителей панпсихизма является Б. Спиноза, согласно которому единая мировая субстанция обладает двумя неотъемлемыми качествами – протяженностью (что делает ее материальной) и мышлением (что делает ее духовной). Таким образом, всем материальным объектам присуще сознание. По мнению Б. Спинозы, чем сложнее физическое тело, т.е. чем большее количество степеней свободы оно имеет и чем большее количество движений может совершить, тем сложнее и принадлежащая ему душа, которая соответственно обладает

большей способностью осознавать и мыслить, нежели душа, связанная с менее сложным и упорядоченным телом.

Современные философские концепции сознания, разрабатываемые в рамках первичного дуализма свойств, утверждают, что материи атрибутивно присущи *протоментальные* свойства, которые, будучи примитивной и неразвитой формой бытия ментальных свойств, присущих человеческому сознанию, позволяют говорить о внутреннем субъективно-феноменальном содержании любых физических объектов. Поэтому вопрос, связанный с тем, каково это – находиться в том или ином феноменальном состоянии, касается не только существ, обладающих высшей нервной системой, но и простых физических вещей, как это характерно для натуралистического дуализма Д. Чалмерса. Последний заявляет, что даже у термостата имеются информационные состояния (ведущие к охлаждению, нагреванию или бездействию), которые обладают внутренней феноменологией, в результате чего мы вполне «могли бы задаться вопросом: каков характер этих феноменальных состояний? Иначе говоря, каково это – быть термостатом?»²⁵.

В философии Б. Рассела тоже прослеживаются аналогичные идеи, согласно которым исследование окружающего мира открывает его внешнюю сторону, обусловленную тем, каким образом один объект воздействует на другой объект и, в частности, на наши исследовательские средства. Например, физические характеристики элементарных частиц в экспериментальной ситуации определяются их воздействием на регистрирующие приборы. Мы можем сказать, что элементарная частица обладает такой-то массой, таким-то зарядом, таким-то спином, такой-то энергией или таким-то импульсом, т.е. можем сказать, что внешним образом рассматриваемая частица так-то и так-то взаимодействует с окружающей средой, но при этом мы ничего не можем сказать о том, чем она является внутренним образом, т.е. чем она, собственно говоря, является вне всех этих физических взаимодействий. Но если мы все-таки допускаем, что бытие элементарных частиц имеет как внешнюю, так и внутреннюю сторону, то наилучшим кандидатом на их внутреннее бытие следует признать феноменальную составляющую, поскольку на ос-

²⁵ Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М., 2013. С. 366.

новании нашего непосредственного опыта мы убеждаемся, что психические переживания, обладающие феноменальным содержанием, представляют собой внутреннюю сторону физического поведения, обусловленного нашим взаимодействием с окружающими объектами. Поэтому логично предположить, что у всякого сущего в окружающем мире наличествует две стороны бытия, одна из которых внешняя, физическая, а другая внутренняя, психическая (точнее протопсихическая, которая еще только может стать психической на определенном уровне организации материальных систем).

Такую точку зрения следует отличать от нейтрального монизма, разделяемого Р. Авенариусом, У. Джеймсом, Д. Дьюи и Э. Махом. Согласно *нейтральному монизму* окружающая реальность, данная нам в чувственном восприятии, есть нечто физическое с одной стороны и нечто ментальное с другой. Например, цвет как физическое явление определяется частотой электромагнитной волны, а как психическое сводится к визуальному переживанию. При этом элементами окружающего мира становятся не вещи, а ощущения, которые в себе самих имеют нейтральную природу, а вне себя распадаются на физическую и психическую компоненты. Таким образом, нейтральный монизм претендует на снятие конфликта между материализмом и идеализмом, будучи теорией, которая рассматривает онтологическую основу окружающего мира как нечто нейтральное, т.е. не материальное и не духовное. По этому поводу Э. Мах пишет: «Нет пропасти между физическим и психическим, нет ничего внутреннего и внешнего, нет ощущения, которому соответствовала бы внешняя отличная от этого ощущения вещь. Существуют только одного рода элементы, из которых слагается то, что считается внутренним и внешним, которые бывают внутренними или внешними только в зависимости от той или другой временной точки зрения»²⁶. Как замечают Э. Мах и Р. Авенариус, представление, будучи единством многообразия ощущений, само по себе не есть ощущение, которое является основой всякого объективного опыта, а, значит, сознание как единство многообразия представлений не может быть редуцировано к функциям материальной системы (т.е. к функциям нейронных сетей

²⁶ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 2005. С. 59.

головного мозга мозга). Р. Авенариус прямо заявляет, что «мозг не есть ни место-пребывание, ни седалище, ни производитель, ни орудие или орган, ни носитель или субстрат и т.д. мышления»²⁷.

Сознание, как его понимают сторонники нейтрального монизма, выступает в качестве необходимого условия разделения нейтральной сущности на физическую и ментальную сферы бытия. Таким образом, сознание не редуцируется к материальным процессам, но коррелирует с ними, т.е. оно, с одной стороны, не есть какая-то самостоятельная субстанция, а, с другой стороны, не может быть объяснено одними лишь законами физического бытия. В итоге нейтральный монизм вырождается в субъективный идеализм (несмотря на то, что изначально его главная цель заключалась в устранении всякого метафизического содержания из научных теорий), что подтверждается следующими словами Э. Маха: «Для нас материя не есть первое данное. Такими первичными данными являются, скорее, элементы (которые в известном определенном смысле являются ощущениями)»²⁸.

Возвращаясь к панпсихизму или его более мягкой форме – панпротопсихизму, следует заметить, что он связан с рядом противоречий, которые ставят под сомнение истинность данной теории. Если мы полагаем, что сознание в той или иной форме присуще материи как таковой, то оно должно быть присуще ей на всех ее онтологических уровнях. Но тогда сознанием в той или иной степени обладают и субатомные частицы, и сам атом, состоящий из этих субатомных частиц, и молекула, в которую входит этот атом, и предмет, частью которого является эта молекула, и совокупность предметов, с которыми этот предмет взаимодействует, и, в конечном счете, вся физическая Вселенная целиком, состоящая из отдельных частей, каждая из которых в той или иной степени обладает сознанием. В результате мы приходим к абсурдной ситуации, в которой одна и та же вещь обладает очень большим количеством централизованных сознаний. Например, человек обладает сознанием, и его рука обладает сознанием, и его нога, и его нос, и вообще каждая клеточка его тела тоже обладает сознанием, и так продолжается до беско-

²⁷ Авенариус Р. *Философия как мышление о мире* согласно принципу наименьшей меры сил. М., 2007. С. 43.

²⁸ Мах Э. *Анализ ощущений и отношение физического к психическому*. М., 2005. С. 67.

нечности как в сторону уменьшения масштаба окружающего мира, так и в сторону его увеличения.

С целью сохранения внутренней непротиворечивости панпсихической точки зрения можно отказаться от центрированности сознания, признав его полевой характер и утверждая, что оно растворено в материи как некая ментальная добавка к процессам физического порядка. При этом онтологические центры субъективного опыта рождаются уже в самом первичном поле нецентрированного сознания как его вторичные ментальные структуры. Чем сложнее материальное тело, тем сложнее образующаяся вокруг него ментальная конструкция, которая, в конечном счете, формирует ментальный центр самосознания. Однако непонятно, что представляет собой полевое сознание, ведь субъективный опыт, будучи именно субъективным, привязывается к определенному субъективному центру, и если мы его децентрируем, то он уже из сознательного превращается в бессознательный и тем самым теряет ментальные свойства.

Панпсихизм (утверждающий, что онтологическое начало мира является и материальным, и духовным) и нейтральный монизм (утверждающий, что онтологическое начало мира не является ни материальным, ни духовным) можно отнести к монодуалистическим теориям сознания, или *монодуализму*, где корень «моно» указывает на единственность первичной субстанции (единственность онтологического начала), а корень «дуал» – на наличие несовместимых качеств, которые присущи окружающему миру. При этом монодуализм, в отличие от дуализма свойств, признает наличие двух видов событий, которые не имеют между собой ничего общего, тогда как дуализм свойств признает наличие двух видов событий, которые имеют между собой общие моменты, интегрирующие их в единое онтологическое целое.

Вторичный дуализм свойств в отличие от первичного утверждает, что материи изначально присущи лишь физические свойства, тогда как ментальные возникают из физических в процессе эволюции материальных систем. Протоментальные качества в своей бытийной основе имеют физическую природу и представляют собой разновидность физических характеристик. Таким образом, отсле-

живая эволюционные корни ментального опыта во всем разнообразии физических свойств, атрибутивно присущих материи, можно выделить особое фундаментальное свойство, обладающее протоментальным статусом.

Вторичный дуализм свойств есть *эмерджентизм*, согласно которому ментальные переживания тождественны эмерджентным свойствам, присущим головному мозгу в целом, а не отдельным его структурным элементам, подобно тому, как свойство текучести воды присуще совокупности молекул H_2O , но не каждой из них в отдельности. Эмерджентные свойства физических систем, как замечает Д. Серл, зависят от реализующего их материального субстрата, и поэтому в отличие от функционализма одни и те же эмерджентные свойства (в частности, одни и те же ментальные переживания) не могут быть реализованы на разнородных (т.е. собранных из неидентичного материала) физических носителях. Ментальные события по сущности не тождественны физическим, но случаются лишь тогда, когда физическая система проявляет соответствующие им эмерджентные свойства. Интенциональные состояния сознания можно свести к функциональным состояниям мозга, но феноменальные состояния уже не подвергаются такой редукции и зависят от субстратного состава носителя, что, в частности, соответствует аргументу китайской комнаты Д. Серла и противоречит концепции сильного искусственного интеллекта.

Следует подчеркнуть, что согласно эмерджентистской точке зрения бытие сознания объясняется не просто через эмерджентные свойства нейронных сетей головного мозга, а именно через их нефизические (ментальные) эмерджентные свойства, поскольку если мы оставим за эмерджентными свойствами материальных систем собственно физический статус, то тем самым редуцируем сущность ментальных событий к сущности событий физического порядка и окажемся в пределах теории тождества свойств. Однако эмерджентное свойство материальной системы априорно (дедуктивно) выводится из совокупности свойств, которые присущи ее отдельным элементам, и, следовательно, мы приходим к панпсихизму, ибо ментальные свойства оказываются присущими не только материальной системе в целом, но и ее отдельным элементам. Например, текучесть воды как

физическое эмерджентное свойство совокупности молекул H_2O сводится к сумме физических свойств, которыми эти молекулы обладают в отдельности, ибо, зная их наряду с основными законами физики, можно вывести закономерности, которым подчиняется текущая вода как сложно организованная физическая система. Ведь то, что мы называем текучестью воды, по сущности представляет собой электромагнитное взаимодействие большого количества субатомных частиц. Аналогично, если мы определяем сознание как физическое эмерджентное свойство нейронных сетей, то это означает, что, в конечном счете, его ментальная сущность сводится к физической сущности событий, которые происходят в отдельных нейронах головного мозга. Кроме этого, всякое свойство физической системы, по сути, имеет эмерджентный характер, поскольку отдельные элементы, обладая внутренней структурой (которая в научной картине мира на сегодняшний день обнаруживается вплоть до лептонов и кварков), также представляют собой физические системы, которым присущи эмерджентные свойства, и поэтому эмерджентность как таковая не позволяет ни в онтологическом, ни в эпистемологическом отношении развести физическое и ментальное бытие. Следовательно, чтобы не потерять феноменальное содержание психических переживаний и не отклониться в сторону панпсихизма, мы должны, во-первых, согласиться с ментальным (нефизическим) характером эмерджентных свойств, к которым сводится сознание, и, во-вторых, признать физический (не ментальный) характер свойств отдельных нейронов, составляющих сложно устроенную систему головного мозга.

Однако у физических явлений могут быть только физические свойства, ибо в противном случае физическое сущее как таковое утрачивает свою сущность и перестает быть собственно физическим. И если мы говорим о ментальных свойствах физического сущего, то либо редуцируем ментальное к физическому (определяя ментальные свойства как разновидности физических свойств) и тем самым встаем на позиции теории тождества свойств, либо в самой материи предполагаем наличие протоментальной компоненты, что сдвигает нас в сторону первичного дуализма свойств. Поэтому, чтобы сохранить позиции эмерджентизма, мы долж-

ны объяснить, каким образом физическая система может обретать нефизические свойства, без апелляции к теориям физикалистского и панпсихического типа.

С этой задачей справляется *диалектический материализм*, согласно которому ментальные события надстраиваются над физическими за счет того, что при определенных условиях количество переходит в качество. Учение диалектического материализма основывается на теории отражения как атрибутивного свойства материи, по поводу чего В.И. Ленин в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» пишет: «...логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...»²⁹. В процессе становления окружающего мира отражение усложняется и эволюционирует, постепенно достигая своей высшей формы – мышления и сознания человека. При этом отражение как таковое изначально не содержит в себе ничего психического, будучи способностью каждого объекта и явления материальной природы отвечать тем или иным образом на воздействие другого объекта или явления материальной природы, за счет чего в измененном и трансформированном виде воспроизводятся характеристики и черты отражаемого сущего средствами отражающей системы. Отражение бытийно укореняется в физическом взаимодействии, поскольку, как замечает Н.П. Антонов в своей книге «Происхождение и сущность сознания», «взаимодействие тел и явлений природы есть та основа, на которой возникает способность всей материи к отражению»³⁰. Благодаря диалектическому закону перехода количественных характеристик в качественные, на определенном этапе структурной и функциональной организации материальных систем количественные характеристики физического (в том числе нейрофизиологического, биохимического и биоэлектрического) взаимодействия материальных элементов переходят в новое эмерджентное качество ментальности подобно тому, как при достижении определенной температуры жидкость трансформируется в качественно новое газовое состояние.

²⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1968. С. 91.

³⁰ Антонов Н.П. Происхождение и сущность сознания. Иваново, 1959. С. 9.

Однако в силу полноты физической картины мира (т.е. достаточности физических законов для описания событий физического порядка) количественное изменение физических величин ни при каких условиях не может породить принципиально новое нефизическое качество. Вода может превратиться в пар или замерзнуть в лед, а металл может стать сверхпроводящим при температуре, близкой к абсолютному нулю, но все эти качественные изменения по-прежнему описываются количественными параметрами, присущими физической системе. И если мы поднимаемся на более высокий уровень организации материальных структур (например, на уровень химии или биологии), то все равно в его бытийной основе лежат физические закономерности, не допускающие появления у физических систем нефизических характеристик, которые не сводятся к характеристикам физического порядка. В противном случае мы должны допустить наличие психофизических законов, которые устанавливают соответствие между физическими и нефизическими (ментальными) событиями и указывают на существование физических явлений, не объяснимых с помощью физической науки, поскольку там, где физическое порождает ментальное и ментальное влияет на физическое, законы физики в отношении физических систем, взаимодействующих с ментальным сущим, оказываются бессильными. Признание же психофизических законов, а вместе с ними и неполноты физики (как это происходит в панпротопсихизме Д. Чалмерса), уводит нас в сторону первичного дуализма свойств. Однако варианты диалектического материализма, которые основываются на атрибутивистской концепции информации и, тем самым, не противоречат первичному дуализму свойств (например, в работах А.Д. Урсула), успешно справляются с проблемой генезиса нефизических качеств в процессе усложнения физических систем.

Таким образом, монистический материализм не удовлетворяет феноменалистической предпосылке, поскольку отрицает уникальную онтологию сознания и элиминирует его субъективно-феноменальный состав. Вторичный дуализм свойств не удовлетворяет каузалистической предпосылке, ибо нарушает полноту физики, а вместе с ней и закон сохранения физической энергии. Поэтому в рамках диссертационного исследования философская теория сознания выстраивается на

принципах *первичного дуализма свойств* с учетом опасности перехода к концепциям панпсихического типа.

Здесь следует заметить, что, вообще говоря, отождествление сознания со свойством или качеством нейронных сетей головного мозга приводит к абсурдной ситуации, когда ментальные феномены, будучи свойствами тела, сами по себе обладают рядом свойств. У свойства не может быть никаких свойств, ибо оно само является свойством, как и у красного цвета не может быть никакого цвета, ибо он сам является цветом. Если некое сущее является носителем свойств, то оно не может быть одновременно и свойством некоего другого сущего, ибо свойство, будучи признаком и характеристикой конкретного (единичного) сущего, само по себе есть нечто абстрактное (всеобщее), что, вообще говоря, может быть присуще и другому конкретному (единичному) сущему. Если же мы говорим о свойстве сущего, то оно не может быть одновременно и носителем свойств, ибо в противном случае свойство гипостазируется, и мы переходим с позиций материализма на позиции идеализма платоновского типа. Поэтому эмерджентизм, утверждающий, что сознание – это эмерджентное свойство нейронных сетей головного мозга, либо гипостазирует эмерджентные свойства, теряя материалистические позиции, либо оставляет за ними статус ментальных свойств, а не носителей ментальных свойств, в результате чего сознание утрачивает свои внутренние феноменальные качества, ибо, будучи свойством, уже не может обладать никакими другими свойствами. Таким образом, когда мы говорим о дуализме свойств, следует понимать, что существует два вида бытия (два вида сущего) – ментальное и физическое, и они обладают не сводимыми друг к другу наборами свойств, но неправильно говорить, что ментальное сущее является свойством физического сущего, ибо тогда ментальное сущее как именно конкретное (единичное) субъективно переживаемое бытие исчезает, и мы приходим к концепции элиминативизма.

§ 3. Психофизическая проблема и пути ее решения в рамках материалистической онтологии

Помимо классификации философских теорий сознания в отношении его сущности и бытийного статуса, построим их классификацию в отношении характера взаимодействия ментального и физического сущего, что определяется способом решения *психофизической проблемы*. Как осуществляется взаимодействие между субъективно существующим нефизическим (ментальным) сознанием и объективно существующим физическим телом? Как физическое тело воздействует на нефизическое (ментальное) сознание и воздействует ли вообще? Как нефизическое (ментальное) сознание воздействует на физическое тело и воздействует ли вообще?

Если мы утверждаем, что ментальное сущее самостоятельно индуцирует физические процессы, то тогда мы отказываемся от принципа каузальной замкнутости физического мира, ибо в этом случае, по крайней мере, у некоторых физических событий оказываются нефизические причины. Если же мы соглашаемся с тем, что ментальное сущее не влияет на физические процессы и что в действительности на одно физическое событие влияет лишь другое физическое событие, которое лежит в бытийной основе рассматриваемого ментального феномена (за счет чего мы должны отказаться от свободы воли и духовной способности человека воздействовать на свою материальную жизнь), то в этом случае сознание либо утрачивает экзистенциальную активность в виде эпифеномена физических процессов, либо отождествляется с последними, что отодвигает нас в сторону редуктивных и элиминативистских концепций, отрицающих бытие субъективно-феноменального содержания психического опыта.

Следует заметить, что в рамках материалистического монизма (редуктивно-материализма) психофизическая проблема снимается и не требует аргументированного решения, поскольку бессмысленно спрашивать о взаимоотношении физической системы с ее физическими характеристиками (свойствами, функциями или действиями). Физическая система обладает свойствами, реализует функ-

ции и совершает действия, которые являются способами ее бытия и поэтому не находятся с ней ни в каких каузальных отношениях. Бессмысленно спрашивать, например, каким образом хрупкость стекла действует на стекло, а последнее действует на собственную хрупкость, или каким образом полет птицы действует на птицу, а птица действует на собственный полет. Однако снятие психофизической проблемы в данном случае достается большой ценой, поскольку мы либо 1) теряем ментальные переживания, отождествляя их с феноменами, которые не имеют уникальной онтологии и не обладают уникальной сущностью, что противоречит феноменалистической предпосылке данного исследования, либо 2) гипостазируем свойства, отождествляя их с феноменами, которые имеют уникальную онтологию и обладают уникальной сущностью, что отбрасывает нас в сторону идеалистических теорий сознания. Поэтому психофизическая проблема остается актуальной лишь в рамках материалистического дуализма (нередуктивного материализма).

Сложность и нетривиальность психофизической проблемы обусловливается тем, что ментальное сущее в отличие от физического 1) не обладает физической энергией и 2) не локализуется в физическом пространстве. Если ментальное сущее обладает физической энергией, то оно может выступать в качестве действующей причины физических событий, что нарушает принцип каузальной замкнутости физического мира или делает ментальное сущее разновидностью физического и тем самым противоречит феноменалистической предпосылке данного исследования. Вопрос о пространственных координатах ментального сущего лишен смысла, в то время как аналогичный вопрос относительно физического сущего уместен и имеет смысл. Например, можно спросить, где именно находится шариковая ручка, но бессмысленно спрашивать о том, где именно находится визуальный образ шариковой ручки, ибо он нигде не находится, т.е. не имеет объективно-физической пространственной локализации. Можно говорить о пространственной локализации физических событий, которые сопровождают визуальное восприятие шариковой ручки, и указать определенные области мозга, где эти события случаются и происходят, но если в силу феноменалистической предпосылки мы не отождествляем их с событиями ментального порядка, то последние не поддаются

объективно-физической пространственной локализации. С другой стороны, можно говорить об особом виртуальном пространстве, в котором задается структура сосуществования чувственных образов (например, о виртуальном пространстве сновидения), или об особом интеллигибельном пространстве, в котором задается структура сосуществования понятий и идей (например, об интеллигибельном пространстве обобщенных координат), но ни одно из них не локализуется в пространстве, где случаются и происходят физические события. Поэтому остается непонятным, каким образом осуществляется взаимодействие физического сущего, которое обладает энергией и локализуется в физическом пространстве, с ментальным сущим, которое не обладает энергией и не локализуется в физическом пространстве.

В плане решения психофизической проблемы философские теории сознания могут быть: 1) детерминистскими и 2) индетерминистскими. *Детерминистские теории* сознания, которые утверждают, что ментальное и физическое сущее находятся в состоянии каузального взаимодействия, разделяются на 1) интеракционизм и 2) эпифеноменализм.

Согласно *интеракционизму* ментальные события (мысли, убеждения, чувства, эмоции, аффекты, желания, представления и т.д.) могут выступать в качестве действующей причины физических событий, а физические события (как внешние, имеющие отношение к окружающему миру, так и внутренние, имеющие отношение к телу человека) могут выступать в качестве действующей причины ментальных событий. Представителями интеракционизма являются К. Поппер, У. Хескер и Д. Экклз. К разновидностям интеракционизма относится информационная теория Д.И. Дубровского, основанная на идее информационной причинности, и интерналистский интеракционизм В.В. Васильева, согласно которому ментальные феномены порождаются нелокальным взаимодействием мозга с окружающим миром, что, с одной стороны, обеспечивает каузальную действенность сознания, а, с другой стороны, сохраняет его приватный характер и внутреннее феноменальное содержание.

Допуская двухстороннее взаимодействие ментального и физического существа, интеракционизм нарушает принцип каузальной замкнутости физического мира, ибо у физических событий появляются нефизические (ментальные) причины. Здесь мы можем либо отказаться от закона сохранения физической энергии, как это делают субстанциальные дуалисты (например, С. Гроф, Р. Декарт и Р. Свинберн), либо попытаться объяснить каузальные отношения между физическим и ментальным сущим с помощью кратковременных флуктуаций, которые в макроскопических масштабах времени не нарушают каузальную замкнутость физического мира.

Второй вариант характерен для мыслителей, использующих онтологию квантовой реальности в построении теории сознания (такой подход раскрывается в работах Р. Пенроуза, Х. Степпа, С. Хамероффа и Д. Чалмерса). Они пытаются удержаться в рамках материалистического мировоззрения и сохранить каузальную замкнутость физического мира, обращаясь к принципу неопределенности Гейзенберга, утверждающему, что чем более точно мы измеряем одну из двух канонически сопряженных величин (координату и импульс, время и энергию), которые, выражаясь математическим языком, описываются некоммутирующими операторами, тем менее точной становится другая канонически сопряженная величина. Причем такое положение дел обуславливается не недостатком знания о флуктуациях квантовой системы в результате проводимого измерения (т.е. в результате взаимодействия измерительного прибора с измеряемым объектом), а самой природой квантового бытия. Другими словами, принцип неопределенности Гейзенберга, согласно которому у микрообъектов существует неопределенность энергии, позволяющая им как бы заимствовать физическую энергию из ниоткуда, а затем отдавать ее в никуда, носит не гносеологический, а онтологический характер.

На этом квантовом свойстве материи основывается туннельный эффект, благодаря которому элементарная частица может преодолевать потенциальный барьер, больший по величине, нежели энергия самой этой элементарной частицы. В рамках временного интервала, превышающего временной интервал, который

элементарная частица затрачивает на преодоление потенциального барьера, закон сохранения физической энергии выполняется, поскольку ее энергия до и после преодоления потенциального барьера остается неизменной, но, тем не менее, внутри этого малого промежутка времени частица откуда-то заимствует определенное количество энергии, чтобы преодоление потенциального барьера стало энергетически допустимым. Опираясь на онтологию квантовой реальности, можно предположить, что ментальная активность мозга имеет квантовый характер и сознание представляет собой дискретно-мерцающий феномен, который за очень малые промежутки времени в согласии с принципом неопределенности Гейзенберга то заимствует энергию у нейрофизиологических процессов в головном мозге человека, то возвращает ее назад, а также происходит обратный процесс заимствования и отдачи энергии со стороны феноменов физического порядка. Феноменальное содержание психики дискретно мерцает, существуя в течение малого промежутка времени, который допускает неопределенность физической энергии, расходуемой на производство соответствующих материальных процессов. На уровне нейронной активности мозга генерируются и тут же исчезают процессы, соответствующие феноменальному содержанию психики и влияющие на поведение живого организма в целом, подобно тому, как в физическом вакууме рождаются и тут же аннигилируют виртуальные частицы без нарушения закона сохранения физической энергии. Таким образом, все наши мысли, эмоции и желания, одним словом, все события осознаваемой психической жизни, оказываются виртуальными феноменами в том смысле, в каком современные физики говорят о виртуальных частицах, рождающихся из вакуума и исчезающих за время, неопределенность которого обуславливается неопределенностью энергии рождающихся и исчезающих частиц. Подобно тому, как физический вакуум «кипит» виртуальными частицами, человеческий мозг «мерцает» ментальными феноменами, и каждое такое дискретное мерцание в отдельности не приводит к нарушению закона сохранения энергии, ибо отведенное ему время настолько мало, что перекрывает неопределенность энергии, затрачиваемой на ментальную активность сознания.

В итоге квантово-мерцательное бытие сознания позволяет объяснить, каким образом без нарушения принципа каузальной замкнутости физического мира физическое существо влияет на ментальное, а ментальное существо влияет на физическое. Кроме этого становится понятным, почему субъективная сфера бытия является объективно недоступной для внешних наблюдателей, которые могут лишь косвенно, опираясь на собственный опыт, судить о переживаниях другого субъекта, ибо попасть внутрь мерцающего сознания из внешней системы отсчета с физической точки зрения невозможно по той же самой причине, по какой невозможно поймать частицу, участвующую в туннельном эффекте, когда она проскакивает под потенциальным барьером.

Однако подобные интеракционистские попытки сохранить за ментальными феноменами особый онтологический статус, позволяющий им взаимодействовать с нейронными структурами мозга, имеют значительный недостаток, который обуславливается тем, что все равно остается непонятым (пусть даже мы и используем принцип неопределенности Гейзенберга, позволяющий избежать явного отказа от закона сохранения физической энергии), каким образом нечто физическое (существующее в физическом пространстве и обладающее физической энергией) может превращаться в нечто нефизическое (не существующее в физическом пространстве и не обладающее физической энергией), и, наоборот, каким образом нечто нефизическое (не существующее в физическом пространстве и не обладающее физической энергией) может превращаться в нечто физическое (существующее в физическом пространстве и обладающее физической энергией), ибо для такого превращения необходимо особое промежуточное звено, обладающее одновременно и физическими качествами (топического и энергийного характера), и нефизическими качествами (атопического и анэнергийного характера), т.е., другими словами, такое промежуточное звено должно быть материальной идеей или идеальной материей (что характерно, например, для философии Платона, который вводит в свою онтологическую систему мира интеллигибельное пространство как промежуточное звено между миром идей и миром вещей), что заключает в себе логическое противоречие. В дуалистической философии Р. Декарта, которую

можно назвать субстанциальным интеракционизмом, энергообмен между физическим телом и нефизической душой реализуется посредством шишковидной железы, которая, однако, представляет собой телесно-физический орган, и поэтому остается непонятным, каким образом на физическом уровне бытия она может воспринимать действие сущего, не локализуемого в физическом пространстве и не обладающего физической энергией, а также оказывать на него обратное энергетическое влияние.

Согласно *эпифеноменализму* физические события детерминируют события ментального порядка, но последние не оказывают обратного влияния на физические события. Ментальное онтологически отличается от физического, но зависит от него каузально. Мысли и переживания не двигают телом, но детерминируются нейронными процессами, которые выступают в качестве причин телесных движений.

Исторически эпифеноменализм восходит к философии Х. Вольфа, который, опираясь на теорию предустановленной гармонии Г. Лейбница, полагал, что психические переживания не оказывают влияние на физическое тело. Можно также упомянуть работы Т. Гексли, в которых он сравнивал ментальные переживания со свистком паровоза. К современным разновидностям эпифеноменализма можно отнести теорию психоневрального детерминизма, развиваемую Т. Хондрихом. В своей книге «Трудная проблема сознания» В.В. Васильев обнаруживает, что Д. Серл – скрытый эпифеноменалист³¹. Перспективы эпифеноменализма рассматриваются в работах Ф. Джексона. Борясь с эпифеноменализмом и доказывая его несостоятельность, Д. Чалмерс приходит к выводу, что «в конечном счете мы можем решиться на какую-то дозу эпифеноменализма»³², поскольку эпифеноменализм «может быть контринтуитивным, но он не очевидно ложен, так что если основательная аргументация ведет нас к нему, мы должны принять его»³³.

Слабая сторона эпифеноменализма заключается в том, что он, во-первых, так же, как и интеракционизм, не согласуется с принципом каузальной замкнуто-

³¹ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М., 2009. С. 83.

³² Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М., 2013. С. 194.

³³ Там же, с. 204.

сти физического мира, ибо у физических событий появляются нефизические (ментальные) следствия, и, во-вторых, отрицает ментальную каузацию, рассматривая сознание в качестве «номологического бездельника». Многие современные философы (например, В.В. Васильев, Д. Деннет, К. Поппер, Д. Сمارт, Х. Фейгель, Д. Чалмерс) рассматривают принцип каузальной замкнутости физического мира только в отношении того, что у физических событий не может быть нефизических причин, и поэтому эпифеноменализм признается ими как философская теория, не нарушающая полноту физики, но вместе с тем они критикуют его, отрицая каузальную неэффективность сознания. В частности, Д. Деннет полагает, что эпифеноменализм логически приводит к солипсизму, поскольку психические переживания отрываются от материальной основы и онтологически замыкаются в себе, не оказывая никакого влияния на физический мир. Будучи сторонником интеракционизма, К. Поппер критикует эпифеноменализм за его неспособность объяснить каузальную действенность мира информации. По этому поводу, подрывая физикалистские тенденции, он пишет: «Эпифеноменализм разделяет с параллелизмом убеждение в том, что мир физики завершен – или, в других словах, что в принципе все, что может быть объяснено, может быть объяснено в физических терминах»³⁴.

Если мы признаём полноту физики и полагаем, что всякое физическое событие может быть объяснено в рамках физической онтологии без привлечения каких-то нефизических сущностей, то в этом случае мы не можем допустить непосредственное влияние ментальных феноменов на физические процессы при условии, что первые не редуцируются ко вторым. Правильно говорить не о том, что ментальное сущее влияет на физическое сущее или одно ментальное сущее влияет на другое ментальное сущее, а о том, что одно физическое сущее, которое лежит в бытийной основе ментального сущего, влияет на другое физическое сущее, которое либо сопровождается ментальным сущим, либо не сопровождается никакими эффектами сознания. Опираясь на работы И.М. Сеченова и И.П. Павлова, В.В. Орлов в своей статье «Проблема идеального» показывает, что психиче-

³⁴ Поппер К. Знание и психофизическая проблема. М., 2008. С. 168.

ское и физическое – это «два уровня, высший и низший, деятельности материального мозга»³⁵. При этом, как и в теории психоневрального детерминизма Т. Хондриха, физическое (имеющее отношение к нейронной деятельности мозга) всегда лежит в основе психического (ментального) подобно тому, как в основе поведения макроскопического тела всегда лежит поведение составляющих его элементарных частиц. Следовательно, основа взаимодействия между психическим и физическим заключается в «неразрывной связи психических явлений и соответствующих им “нервных эквивалентов”, “нервных моделей”, “индивидуальных физиологических комплексов”»³⁶. Но тогда влияние ментального на физическое и физического на ментальное сводится в своей бытийной основе к влиянию одного физического на другое физическое, и сознание оказывается лишенным ментальной каузации довеском к нейрофизиологическим процессам, протекающим в головном мозге человека. При этом остается непонятно, зачем вообще этот довесок нужен, если сам по себе он не оказывает никакого влияния на поведение человека и последнее вполне могло бы протекать лишь в силу определенных нейрофизиологических причин без какого бы то ни было участия сознания. Мы оказываемся в парадоксальной ситуации, когда действуем в соответствии с нашими желаниями вовсе не потому, что действительно хотим этого, а потому что к этому побуждают нас нейронные процессы, лежащие в основе ментального опыта и осознаваемые нами в виде психических переживаний.

Индетерминистские теории сознания, согласно которым ментальное и физическое сущее не находятся в состоянии каузального взаимодействия, разделяются на 1) параллелизм и 2) коррелятивизм.

Параллелизм утверждает, что ни ментальное сущее не влияет на физическое, ни физическое сущее не влияет на ментальное, а ментальные и физические события протекают параллельно, будучи сонастроенными в силу некоей предустановленной гармонии. Например, А. Гейлинкс полагает, что ментальные и физические события идут параллельным ходом подобно двум сонастроенным и невзаи-

³⁵ Философия сознания: классика и современность. М., 2007. С. 160.

³⁶ Там же, с. 164.

модействующим часам. Согласно окказионализму Н. Мальбранша, связующим звеном между телом и сознанием является Бог, который вмешивается в две параллельно протекающие каузальные цепи (физическую и ментальную) как истинная причина любого психофизического действия. Событие, которое мы принимаем за действующую причину, есть лишь видимый повод, или «оказия», для божественного вмешательства в параллельный ход ментальных и физических процессов. Конечно, подобные теории, которые основываются на идее предустановленной гармонии и которые И. Кант очень метко назвал подушкой для ленивого разума, нельзя рассматривать всерьез, поскольку они, по сути, ничего не объясняют, а откровенно капитулирует перед проблемой, связанной с тем, каким образом происходит каузальное взаимодействие между ментальным и физическим сущим.

Согласно *коррелятивизму* ментальное сущее находится с физическим сущим не в причинно-следственных отношениях, а в отношениях корреляции, т.е. сознание – это не следствие, а коррелят нейронных процессов, протекающих в головном мозге человека. Как замечает В.В. Васильев, «коррелят – это феномен, реально отличный от другого феномена и сопровождающий его. Иными словами, коррелят, в отличие от следствия, нельзя логически вывести из того, коррелятом чего он является»³⁷. Если мы говорим, что группа ментальных событий X коррелирует с группой физических событий Y , то это означает, что во всех случаях, когда имеет место Y , с необходимостью имеет место X , но при этом X нельзя априорно (дедуктивно) вывести из Y , зная все начальные условия и законы, которым подчиняется Y . Иными словами, X и Y случаются одновременно и представляют собой целостный феномен, который существует лишь постольку, поскольку существуют X и Y , и сущность которого определяется сущностями X и Y . Можно говорить о взаимодействии X_1 и X_2 или Y_1 и Y_2 , но нельзя говорить о взаимодействии X_1 и Y_1 или X_2 и Y_2 . Если мы знаем корреляцию между X и Y , которая устанавливается эмпирическим путем, и если она носит однозначный характер, то можно восстановить по цепочке событий $X_1^1, X_1^2, \dots, X_1^n$ цепочку корреля-

³⁷ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М., 2009. С. 68.

лирующих событий $Y_1^1, Y_1^2, \dots, Y_1^n$ и, наоборот, по цепочке событий $Y_1^1, Y_1^2, \dots, Y_1^n$ цепочку коррелирующих событий $X_1^1, X_1^2, \dots, X_1^n$, а также по взаимодействию между цепочками событий $X_1^1, X_1^2, \dots, X_1^n$ и $X_2^1, X_2^2, \dots, X_2^n$ – взаимодействие между цепочками событий $Y_1^1, Y_1^2, \dots, Y_1^n$ и $Y_2^1, Y_2^2, \dots, Y_2^n$ и, наоборот, по взаимодействию между цепочками событий $Y_1^1, Y_1^2, \dots, Y_1^n$ и $Y_2^1, Y_2^2, \dots, Y_2^n$ – взаимодействие между цепочками событий $X_1^1, X_1^2, \dots, X_1^n$ и $X_2^1, X_2^2, \dots, X_2^n$.

Исходя из феноменалистической и каузалистической предпосылок, которые лежат в основе диссертационного исследования, а также принципа онтологической несепарабельности, который основывается на второй предпосылке, мы приходим к выводу, что сознание есть *коррелят* нейронных (физических) процессов, т.е. оно 1) существует тогда и только тогда, когда происходят соответствующие процессы нейронного порядка (в силу принципа онтологической несепарабельности), но 2) не редуцируется к этим процессам по сущности (в силу феноменалистической предпосылки) и 3) не находится с ними в каузальных отношениях (в силу каузалистической предпосылки). Но тогда сознание, как и в случае эпифеноменализма, оказывается «номологическим бездельником», не влияющим на события физического порядка. Эту трудность можно преодолеть, если допустить, что сознание, будучи коррелятом нейронных процессов, протекающих в головном мозге человека, никак не встраивается в причинно-следственные цепи физических событий (что соответствует каузалистической предпосылке), но одновременно влияет на то, какое именно физическое событие произойдет (что уже соответствует требованию не быть «номологическим бездельником»). Иными словами, если некое нефизическое сущее не встраивается в причинно-следственные цепи физических событий, то это еще не значит, что оно в отношении к ним не обладает каузальной силой. Как это становится возможным, мы увидим в главе, посвященной квантово-информационной основе психики, а сейчас подчеркнем, что сознание в качестве коррелята 1) детерминируется процессами нейронного (физического) порядка и 2) не встраивается в причинно-следственные цепи физических событий (что позволяет сохранить полноту физики, ибо для объяснения телесно-

физических событий оказывается достаточно законов и принципов физической науки), но 3) может выступать в качестве действующей причины, которая обуславливает тот факт, что случается именно это физическое событие, а не другое. Последний пункт назовем экзистенциальным требованием и на основании вышесказанного будем считать его необходимым условием построения философской теории сознания.

Сознанию присуща внутренняя детерминированность, которая обуславливается каузальными связями между психическими переживаниями, собранными в единое психическое целое. Можно утверждать, что сознательная жизнь человека управляется процессами бессознательного характера, но нельзя сомневаться в том, что имманентно самому сознанию наблюдается активность, обусловленная ментальным опытом. Действуя осознанно, мы исходим на ментальном уровне бытия из непосредственно данных переживаний, ничего не зная о процессах бессознательного характера, которые сопровождают нашу сознательную активность. Следовательно, сознание в своем внутреннем содержании, которое не редуцируется к событиям физического порядка, подчиняется принципу аутодетерминизма, т.е. обладает спонтанностью (самопроизвольностью), не сводимой к причинности нейронных процессов, протекающих в головном мозге человека.

Таким образом, *экзистенциальное требование* заключается в том, что философская теория сознания, несмотря на принцип каузальной замкнутости физических событий, должна сохранять свободу человеческого бытия, т.е. онтологическую активность сознания и его способность к спонтанным действиям, которые во всей своей полноте не детерминируются физическими факторами. В противном случае сознание, будучи «номологическим бездельником», существует в окружающем мире, но при этом ни на что не влияет, сопутствуя, как тень, процессам физического порядка. В эволюционном плане также остается непонятным, почему сознание возникло, если оно, будучи пассивным, не участвует в выживаемости высших организмов и их адаптации к изменяющимся условиям среды обитания. Отказ от спонтанности (аутодетерминированности) сознания, а, значит, и от свободы человека, приводит к онтологическому и логическому противоречию.

Онтологическое противоречие, фиксируемое в рамках экзистенциального требования, сводится к тому, что если мы признаём, что наше сознание в действительности ни на что не влияет и любое наше действие, в конечном счете, детерминируется событиями бессознательного характера, то с необходимостью приходим к парадоксу А. Элитцура, согласно которому любые суждения о ментальном опыте и соответствующие ему психические переживания не зависят от самой его внутренней феноменологии (т.е. от субъективно переживаемых феноменов сознания). На первый взгляд, может показаться, что тут нет никакого противоречия, если предположить, что ментальные переживания генерируются физическими процессами, протекающими в головном мозге человека, и поэтому любые высказывания, касающиеся субъективно-феноменального опыта, в действительности обуславливаются не этим субъективно-феноменальным опытом, а физическими процессами, которые лежат в его бытийной основе. Человек, погруженный в бессознательный транс, или робот, имитирующий поведение человека, может высказываться о своей внутренней жизни, не имея при этом никаких ментальных (осознаваемых) переживаний. Однако когда мы имеем дело с субъектами, обладающими сознанием, и утверждаем, что их высказывания о ментальных переживаниях не зависят от сущности и бытия самих этих ментальных переживаний (т.е. от их уникальной онтологии, отсутствие которой противоречит феноменалистической предпосылке), то это означает, что переживаемое в ментальном переживании (т.е. в данном случае референт осмысленного высказывания) онтологически не зависит от сущности и бытия самого субъективно переживаемого феномена, т.е., другими словами, мы имеем осознаваемые переживания, в которых феноменально ничего не переживается, что уже приводит к явному онтологическому противоречию.

Логическое противоречие, фиксируемое в рамках экзистенциального требования, заключается в том, что если свободы воли не существует и все наши действия обуславливаются исключительно причинами физического (бессознательного) характера, то мы оказываемся бессознательным зомби. Не обладающий свободой человек тождественен бессознательному зомби, поскольку он лишь говорит о

том, что может осуществлять свободный выбор, тогда как в действительности всякое его поведение полностью определяется физическими (бессознательными) процессами.

На первый взгляд, может показаться, что в данных рассуждениях смешиваются феноменальный и каузальный уровни бытия сознания. Ведь можно допустить, что сознание не обладает внешней ментальной каузацией (т.е. не воздействует на каузально замкнутые процессы физического порядка), но при этом имеет внутреннюю сущность, которая не редуцируется к сущности физических событий. Однако в силу рассмотренного выше парадокса Элитцура мы должны признать, что сознание обладает внутренней ментальной каузацией, т.е. один ментальный феномен может быть причиной другого ментального феномена, поскольку иначе мы имеем осознанные переживания, в которых феноменально ничего не переживается. И если мы станем утверждать, что внутренняя ментальная каузация полностью обуславливается причинно-следственными отношениями между феноменами физического порядка, то это означает, что в действительности никакой внутренней ментальной каузации не существует и любое наше высказывание о внутренней субъективно-ментальной жизни не зависит от самой этой внутренней субъективно-ментальной жизни. Например, я говорю, что испытываю эмоцию радости, но при этом мое высказывание никак не зависит от самой эмоции радости, а, следовательно, ее просто не существует как именно некоего феноменального содержания сознания, поскольку на ментальном уровне бытия я говорю, что радуюсь, именно потому, что радуюсь, но не наоборот: причина того, что я радуюсь, не сводится к высказыванию о том, что я радуюсь. Таким образом, отсутствие внешней ментальной каузации (которая укореняется в несводимости внутренней ментальной каузации к процессам физического порядка) элиминирует внутреннее субъективно-феноменальное содержание психических переживаний, т.е. приводит к бытию бессознательных зомби. Если мы не соглашаемся с концепцией психофизического параллелизма, но одновременно отрицаем существование свободы, то сознание оказывается бессознательным феноменом психики (ибо за любым актом сознания скрываются бессознательные силы, исчерпывающие его каузальное

действие), и в итоге мы получаем самопротиворечивое понятие бессознательного сознания.

Для согласования философской теории сознания с экзистенциальным требованием достаточно признать, что свобода воли существует как диспозиция, т.е. предрасположенность к свободному действию, которая, вообще говоря, может оставаться и нереализованной, если сознающий субъект будет руководствоваться не ассимилированными (осознаваемыми и понимаемыми), а интроецированными (не осознаваемыми и не понимаемыми) установками, мотивами и потребностями. Одновременное признание экзистенциального требования и коррелятивности ментальных переживаний приводит к противоречию, которое заключается в том, что сознание, с одной стороны, не оказывает влияния на процессы физического порядка, поскольку их причинно-следственная обусловленность укладывается в рамки каузальной замкнутости физического мира, но, с другой стороны, обладает свободой, т.е. онтологической активностью, не редуцируемой к процессам физического порядка в силу уникальной приватно-субъективной онтологии ментальных феноменов. Поэтому философская теория сознания должна справляться с данной проблемой, показывая, каким образом сознание, не редуцируемое к физическим (нейрофизиологическим, биохимическим и биоэлектрическим) процессам, протекающими в головном мозге человека, может оказывать причинное действие на материальные системы без нарушения принципа каузальной замкнутости физических событий.

Выводы к главе 2

Во второй главе диссертационного исследования 1) сознание рассматривается как сущность, понимаемая с позиции материализма, 2) аргументируется необходимость двух фундаментальных предпосылок (феноменалистической и каузалистической) философской теории сознания, 3) выстраивается классификация логически возможных материалистических онтологий ментального сущего, 4) накладываются ограничения на принципы материалистической онтологии, кото-

рые позволяют объяснить бытие сознания как субъективно-ментальной целостности в объективно-физическом мире с учетом двух фундаментальных предпосылок (феноменалистической и каузалистической), 5) намечаются пути решения психофизической проблемы в рамках материалистической философии.

На основании полученных результатов можно сделать следующие существенные выводы:

1. Уникальная онтология и феноменология ментального сущего базируется на эвиденциальном опыте сознающего субъекта.
2. Принцип каузальной замкнутости физических событий основывается на полноте физики и нерушимости закона сохранения физической энергии.
3. Редуктивный материализм (сильного и слабого типа) теряет уникальную феноменологию ментального сущего, а нередуктивный материализм в форме вторичного дуализма свойств не согласуется с принципом каузальной замкнутости физических событий, и только нередуктивный материализм в форме первичного дуализма свойств сохраняет уникальную феноменологию ментального сущего и согласуется с принципом каузальной замкнутости физических событий.
4. В плане решения психофизической проблемы интеракционизм и эпифеноменализм не согласуются с принципом каузальной замкнутости физических событий, а параллелизм является эвристически пустой концепцией, не дающей никаких конструктивных объяснений бытия нефизического сознания в физическом мире, и только коррелятивизм оставляет возможность ментальной каузации без нарушения полноты физической науки.
5. Отрицание каузальной эффективности ментальных феноменов приводит к парадоксальной ситуации, в которой любые суждения о ментальном опыте и соответствующие ему психические переживания не зависят от его собственного психического контента, откуда логически следует отрицание уникальной феноменологии ментального сущего.
6. Сознание представляет собой коррелят нейронных (физических) процессов, т.е. оно существует тогда и только тогда, когда происходят соответствующие процессы нейронного порядка (в силу принципа онтологической несепара-

бельности), но не редуцируется к этим процессам по сущности (в силу феноменалистической предпосылки) и не находится с ними в каузальных отношениях (в силу каузалистической предпосылки), но сохраняет возможность ментальной каузации за счет квантово-информационной специфики бытия.

ГЛАВА 3. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КВАНТОВО-ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ СОЗНАНИЯ

§ 1. Энергия и информация как две составляющие материального бытия

Атрибутивной формой бытия материального сущего является время. Материальное сущее возникает, изменяется и разрушается, тогда как духовное (нематериальное) сущее пребывает вне времени и само по себе не подвергается количественным и качественным трансформациям. Духовные сущности (например, Бог, Космический Разум или платоновские идеи) существуют вечно и поэтому не возникают и не уничтожаются, а, значит, не претерпевают никаких изменений, поскольку в противном случае моменту времени, когда реализуется переход духовной сущности из состояния A_i в состояние A_{i+1} , предшествует бесконечная длительность прошлого и вместе с ней бесконечное количество минувших событий, что противоречит самому понятию бесконечности, которая не является считаемым числом и не может быть исчерпана ни в каком моменте времени. Вопрос о том, существует ли в действительности сущее духовного (нематериального) порядка, выходит за рамки диссертационного исследования, и здесь оно противопоставляется материальному сущему только в качестве его логической противоположности.

Бытие физического сущего, во-первых, пребывает в физическом времени (т.е. обладает темпоральностью), во-вторых, пребывает в физическом пространстве (т.е. обладает топичностью), в-третьих, совершает работу в физическом пространстве и времени (т.е. обладает энергией) и, в-четвертых, подчиняется физическим законам (т.е. описывается уравнениями физики). Как уже подчеркивалось выше, понятие материального имеет больший объем, нежели понятие физического, ибо всякое физическое событие является материальным, но не всякое материальное событие является физическим благодаря существованию особого рода материальных событий, которые, в отличие от событий физического порядка, не локализируются в физическом пространстве, не обладают физической энергией и опи-

сываются законами, не сводимыми к законам физического бытия. Будем называть нефизическую материальную сферу сущего *информационной*.

В силу принципа онтологической несепарабельности информационное (материальное нефизическое) сущее ни при каких условиях не может существовать в отрыве от физического сущего, и, значит, информационное (материальное нефизическое) событие происходит тогда и только тогда, когда происходит соответствующее ему материальное физическое событие. *Информация* – это сведения (данные) материально-нефизического характера, существующие на материально-физическом носителе в виде репрезентативного кода и коррелирующие с процессами физического порядка. Информационные данные возникают, хранятся и уничтожаются в результате изменений физического носителя, и поэтому они существуют во времени, но пространственная локализация им не присуща, поскольку они не тождественны физическому носителю, а соотносятся с ним как с кодирующей структурой. В пространстве находится физический носитель информационных данных, например, книга или жесткий диск компьютера, но сами по себе информационные данные не сводятся ни к распределению чернил на бумаге, ни к распределению заряда в полупроводниках микросхемы. Информация существует в определенное время, но не в определенном месте, ибо в определенном месте можно обнаружить лишь физическую систему, которая кодирует информацию, но не сами информационные данные как таковые. Кроме этого информация не обладает энергией, поскольку в силу принципа каузальной замкнутости физического мира любое энергоемкое действие совершает физическое сущее, но не информационное. Можно кинуть в стену носитель информационных данных и передать ей импульс и энергию, но нельзя кинуть в стену сами информационные данные, чтобы добиться энергетического эффекта. В физическом пространстве-времени действует всегда физический носитель информационных данных, а не сами информационные данные как таковые, поскольку в противном случае у некоторых физических событий появляются нефизические (информационные) причины. Иными словами, для объяснения какого-то физического события достаточно апелляции к другим физическим событиям и законам физического бытия без необходимости

включения в их причинно-следственные цепи особых событий нефизического (информационного) порядка.

Информация образует вместе с энергией единое материальное целое, которое имеет энергоинформационную природу. Поэтому можно говорить об *энергоинформационном принципе*, который заключается в том, что всякая передача информации сопровождается передачей энергии, и всякая передача энергии сопровождается передачей информации. Нет информации без энергии, и нет энергии без информации. Всякое материальное событие представляет собой энергоинформационное целое, имеющее две стороны бытия – физическую и информационную. При этом информационное сущее, в отличие физического, не локализуется в пространстве, не обладает энергией и описывается законами, не сводимыми к законам физического бытия, но, как и физическое сущее, локализуется во времени. Поэтому две стороны материального бытия – физическая и информационная – объединяются в единое материальное целое общим атрибутивным качеством темпоральности.

Энергоинформационный принцип в рамках коррелятивизма позволяет справиться с антиматериалистическим аргументом мыслимости зомби, который можно разложить на следующие логические компоненты: 1) существование зомби (т.е. существ, физически тождественных людям, но не имеющих субъективно переживаемой внутренней жизни) мыслимо, поскольку оно не противоречит законам физической науки, и более того 2) физическая наука может объяснить лишь существование зомби, но никак не существ, обладающих субъективно переживаемой внутренней жизнью, которая не редуцируется к процессам физического порядка, а поскольку 3) существа, обладающие сознанием, очевидным образом существуют, то в силу того, что 4) истинность материализма предполагает возможность объяснения любых явлений, происходящих во Вселенной, на основе физических законов, которым подчиняется взаимодействие материальных частиц и полей, то мы должны признать, что 5) материализм ложен. В данном случае коррелятивизм, опирающийся на энергоинформационный принцип, подрывает четвертую логическую составляющую аргумента мыслимости зомби, отрицая тезис, согласно кото-

рому все явления, происходящие во Вселенной, можно объяснить на основе физических законов, которым подчиняется взаимодействие материальных частиц и полей, ибо информационные события априорно не выводятся из событий физического порядка и особенности их бытия устанавливаются апостериорно в результате отслеживания коррелятивных отношений между внешним и внутренним знанием. Строго говоря, бессознательные зомби существовать не могут, поскольку воспроизведение физической конституции в силу энергоинформационного принципа с необходимостью повлечет за собой и воспроизведение информационных состояний, коррелирующих с воспроизводимой физической системой.

В ряде философских концепций, использующих информационный подход к пониманию феномена сознания, утверждается, что физические (нейрофизиологические, биохимические и биоэлектрические) процессы кодируют феноменальное содержание психических переживаний. Однако кодирующая структура не тождественна кодируемой сущности, ибо в противном случае код перестает быть собственно кодом, указывающим на нечто от себя отличное, и поэтому ментальное сущее не тождественно физическому, которое связано с ним отношениями кодовой зависимости. Но если физические события являются кодом, посредством которого ментальные события кодируются в нейронных сетях головного мозга, и одновременно ментальные и физические события не совпадают по сущности, то это означает, что они идут в онтологической сцепке как две стороны единого материального процесса. Причем одна из этих сторон, физическая, обладает способностью к энергетическому действию, а другая, ментальная, данной способностью не обладает и просто следует, как тень, за первой, будучи ее онтологическим коррелятом.

Совокупность информационных данных, существующих на физическом носителе в виде информационного кода, в силу пассивной (анэнергийной) природы играет не конститутивную (определяющую), а констативную (репрезентирующую) роль, т.е. она не конституирует (задает, продуцирует, генерирует, детерминирует) основные параметры и свойства окружающего мира (например, значение фундаментальных констант, число пространственных измерений или законы фи-

зических взаимодействий), а лишь констатирует (фиксирует, свидетельствует, выражает, отражает) их энергетическую реализацию в виде материальных процессов, что исключает субстанциальный дуализм декартовского типа или платоновский идеализм, допускающий автономное бытие идеальных (информационных) сущностей.

Таким образом, информация противопоставляется энергии онтологически и феноменологически (т.е. по бытию и по сущности) как несводимый к ней элемент окружающего мира. По этому поводу Н. Винер очень метко замечает: «Информация – это не материя и не энергия, информация – это информация»³⁸. Правда, здесь Винер понимает материю чисто физически, отождествляя ее с энергией, и поэтому противопоставляет материю и информацию, тогда как в нашей теоретической модели энергия не исчерпывает все материальное бытие, но является его неотъемлемой компонентой.

Чтобы развести понятия энергии и информации в отношении их онтологического статуса введем два уровня бытия сущего: 1) эндофеноменальный и 2) экзофеноменальный. На *эндофеноменальном уровне бытия* сущее обладает внутренней феноменологией, т.е. имеет качества, которые не проявляются и не манифестируются вне рассматриваемого сущего в его физическом взаимодействии с другим сущим. Никакие манипуляции с окружающим сущим не позволяют с необходимостью заключить по производимым эффектам о наличии эндофеноменальных качеств у рассматриваемого сущего. В этом смысле субъективный опыт переживающего субъекта представляет собой эндофеномен, поскольку никакие внешние поведенческие реакции или нейронные процессы, протекающие в головном мозге, не позволяют с необходимостью сделать вывод о наличии внутренней субъективной жизни, если при этом сам исследователь не обладает соответствующими эндофеноменальными качествами, т.е. не переживает их изнутри, что дает ему возможность умозаключить по аналогии о коррелятивной связи между организацией физического тела и наличием ментальных феноменов.

³⁸ Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1983. С. 34.

На *экзофеноменальном уровне бытия* материальное сущее обладает внешней феноменологией, т.е. имеет качества, которые проявляются и манифестируются вне рассматриваемого сущего в его физическом взаимодействии с другим материальным сущим. Манипуляции с окружающим миром позволяют с необходимостью заключить по производимым эффектам о наличии экзофеноменальных качеств у рассматриваемого сущего. Например, электрический заряд элементарных частиц относится к экзофеноменальным качествам, поскольку о его наличии у какой-то элементарной частицы можно с необходимостью заключить, наблюдая вблизи нее поведение других элементарных частиц, которые также обладают электрическим зарядом. Однако сколько бы мы ни вглядывались в поведение человека и не исследовали его методами объективных наук, мы не сможем с необходимостью обнаружить на экзофеноменальном уровне бытия ничего другого, кроме сложно организованных энергетических процессов, протекающих в физическом теле и познаваемых извне.

В соответствии с данной классификацией физическое сущее есть экзофеномен, который представляет собой нечто определенное лишь постольку, поскольку манифестируется во взаимодействии с другим сущим, а информационное сущее есть эндофеномен, сущностная определенность которого не сводится к взаимодействию физического носителя с другим физическим сущим. Элементарная частица есть именно то, что она есть на физическом уровне бытия, лишь постольку, поскольку она взаимодействует с другими элементарными частицами и вне физического взаимодействия говорить о ней как о существующей материальной сущности бессмысленно. Например, масса тела определяется лишь во взаимодействии с ускоряющими акселераторами, а заряд частицы – в электромагнитном взаимодействии с другими заряженными частицами. Плотность энергии электромагнитного поля рассчитывается путем интегрирования потенциальной энергии взаимодействия между всеми распределенными в пространстве зарядами, и соответственно, если существует только один точечный заряд, то создаваемое им электромагнитное поле энергией не обладает, поскольку он не участвует ни в каком электромагнитном взаимодействии. Согласно современным научным представле-

ниям электромагнитное взаимодействие между зарядами осуществляется за счет обмена виртуальными фотонами (в отличие от реальных фотонов, обеспечивающих передачу энергии и импульса в электромагнитной волне), и, значит, бессмысленно говорить об электромагнитном поле точечного заряда, вокруг которого не происходит никакого обмена виртуальными фотонами. Иными словами, у точечного заряда, не взаимодействующего с другими зарядами, электромагнитное поле отсутствует, а вместе с ним отсутствует и сам электрический заряд. Таким образом, физическая величина не просто манифестируется через физическое взаимодействие, а именно существует тогда и только тогда, когда физическое взаимодействие происходит, подобно тому, как бессмысленно говорить о движении тела в абсолютной пустоте (т.е. вне энергоинформационного взаимодействия с другими движущимися телами).

Схожей точки зрения придерживается Б. Рассел, который понимает материю как систему отношений между физическими объектами. Вместе с тем физическая (внешняя) сторона материи, определяемая взаимодействием физических объектов, оказывается не самодостаточной, ибо если то, что вступает в каузальные отношения, сводится к системе этих отношений и не включает в себе никакой онтологической подложки, то мы получаем математическую абстракцию (как это происходит, например, в идеальном геометрическом пространстве, где каждая точка представляет собой по сущности систему отношений с другими пространственными точками) и теряем физическую реальность. Чтобы сохранить последнюю, мы должны признать существование нефизической (внутренней) стороны материи, которая наполняет содержанием взаимодействующие элементы и не позволяет им вырождаться в систему субстанциально пустых абстрактных отношений. Эту внутреннюю сторону материального бытия мы и называем информационными данными, которые в силу энергоинформационного принципа сопровождают любое физическое событие.

Информационные данные как таковые не тождественны свойствам физического носителя (которые определяются конфигурацией составляющих элементов и их количественными параметрами), и в этом смысле можно говорить об *эндо-*

феноменальном содержании информации, не сводимом к феноменологии физического сущего (т.е. к его сущностным экзофеноменальным характеристикам). В таком же направлении мыслит и Д. Чалмерс, утверждая, что «информация (или, по крайней мере, некоторая информация) обладает двумя базисными аспектами – физическим аспектом и феноменальным аспектом. Это положение имеет статус фундаментального принципа, который может лежать в основе объяснения происхождения субъективного опыта из физического процесса»³⁹.

Энергоинформационные события имеют два основных структурных уровня: 1) кодирующее и 2) кодируемое. *Кодирующее* (код) есть носитель информации, который коррелятивно связан с информационными данными. *Кодируемое* есть информация, которая в качестве информационного коррелята связана с кодирующим носителем. Корреляционная связь между кодирующим носителем и кодируемым содержанием имеет гетерогенный характер, поскольку они принадлежат разным онтологическим уровням (соответственно кодирующий носитель принадлежит экзофеноменальному уровню бытия, а кодируемое содержание – эндофеноменальному уровню бытия). В силу энергоинформационного принципа всякое физическое сущее является информационным кодом, а всякая информация кодируется физическим сущим, и поэтому пространство информационных данных бесконечно богаче и разнообразнее пространства физических объектов, поскольку последние распадаются на большое количество составляющих структур, каждой из которых соответствуют свои информационные данные. В рамках физической системы одновременно сосуществует множество информационных слоев, связанных отношениями корреляции с ее физическими подсистемами. Таким образом, можно говорить об *информационной суперпозиции*, которая заключается в том, что все информационные корреляции, присущие физической системе, существуют одновременно, пока существуют соответствующие им кодирующие структуры.

В современной философии можно выделить два основных подхода к пониманию генетического статуса информации – атрибутивный и функциональный.

³⁹ Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М., 2013. С. 217.

Согласно *атрибутивному подходу* (которого придерживаются Б.В. Ахлибинский, Ю.Ф. Абрамов, Л.Б. Баженов, К.Е. Морозов, Л.А. Петрушенко, А.Д. Урсул, Н.М. Чуринов и др.), информация является атрибутом материального бытия и присуща всем физическим системам. Например, А.Д. Урсул, понимая информацию как отраженное разнообразие, подчеркивает, что «информация выступает как всеобщее свойство материи, ведь и разнообразие, и отражение – это атрибуты материи, т.е. неотъемлемые свойства неживой, живой природы и общества»⁴⁰. В соответствии с *функциональным подходом* (которого придерживаются В.В. Вержбицкий, Г.Г. Вдовиченко, Д.И. Дубровский, Н.И. Жуков, А.М. Коршунов, Г.И. Царегородцев и др.), информация является модусом материального бытия и возникает лишь на определенном уровне структурной и функциональной организации физических систем. Функционально-информационный уровень характерен для биологических, социальных, а также искусственно созданных технических систем, которые обладают свойством самоуправления, но не присущ простым физическим системам естественного происхождения.

Функциональный подход не позволяет объяснить возникновение эндофеноменального содержания информационных состояний (в частности, психических феноменов), поскольку физические системы могут порождать лишь кодовые зависимости, которые определяются взаимодействием физических элементов и изначально не заключают в себе никакого феноменального содержания. Чтобы сохранить феноменистический принцип, не потеряв феноменальное содержание информационных данных, и материалистический принцип, не допустив существование нематериальных (духовных) сил, определяющих бытие материального сущего, необходимо остановиться на атрибутивном подходе, в соответствии с которым информация изначально присуща материи вообще. Такая точка зрения согласуется с энергоинформационным принципом, утверждающим, что всякое материальное сущее имеет экзофеноменальную (физическую) и эндофеноменальную (информационную) стороны бытия. Самостоятельно эндофеномены существовать не могут, поскольку иначе информация субстанционализируется в отры-

⁴⁰ Урсул А.Д. Информация и мышление. М., 1970. С. 18.

ве от своего физического носителя. Экзофеномены тоже не могут существовать самостоятельно, поскольку в противном случае все физическое сущее становится лишь системой отношений без онтологической подпорки, которая через общее качество темпоральности обеспечивает взаимодействие в физическом пространстве-времени. Таким образом, физическое пространство-время (а вместе с ним и взаимодействие физических объектов) определяется внепространственными информационными данными, что соответствует реляционной концепции пространства-времени, которая на сегодняшний день в силу развития квантово-механических представлений доминирует в научной картине мира, ибо правильно говорить не о том, что физические объекты взаимодействуют, пребывая в физическом пространстве-времени, а о том, что физическое пространство-время само по себе конституируется взаимодействием физических объектов. Другими словами, информация обеспечивает существование физического сущего в качестве кодирующей структуры независимо от системы отношений с другим физическим сущим (что проявляется в чистых квантовых состояниях, описываемых волновой функцией, в отличие от смешанных квантовых состояний, описываемых матрицей плотности). Таким образом, информацию следует понимать атрибутивно как неотъемлемую компоненту материального бытия, которая в своем эндофеноменальном (информативном) содержании коррелирует с экзофеноменальным состоянием физического носителя. И если физическое сущее оказывается вне системы отношений с другим физическим сущим, то оно все равно сохраняет свое существование в качестве кода, коррелирующего с информационными данными о его материальном бытии с качественно и количественно определенной экзофеноменальной сущностью в рамках возможного взаимодействия с другим физическим сущим. Соответственно в рассмотренном выше примере точечный заряд, не взаимодействующий с другими зарядами, создает вокруг себя электромагнитное поле на уровне возможного (потенциального) бытия.

Информация подходит на роль онтологической основы сознания, и соответственно ментальные феномены можно рассматривать как модусы информационного бытия, поскольку бытие информации не противоречит двум главным пред-

посылкам (феноменалистической и каузалистической), на которые опирается диссертационное исследование при построении философской теории сознания. Во-первых, бытие информации удовлетворяет феноменалистической предпосылке, так как информация по своему феноменальному содержанию не отождествляется со структурами и свойствами физического носителя. Нефизическая природа информации легко обнаруживается по ее феноменальным свойствам, которые, очевидным образом, отличаются от свойств физических объектов, ибо в сравнении с последними она не обладает ни массой, ни весом, ни импульсом, ни зарядом, ни температурой, ни пространственными размерами. Поэтому если мы понимаем сознание как форму информационного бытия, то оно не редуцируется к физическим (нейрофизиологическим, биохимическим и биоэлектрическим) процессам, протекающим в головном мозге человека, сохраняя уникальную онтологию ментальных переживаний, что соответствует феноменалистической предпосылке данного исследования. Таким образом, единый материальный процесс, связанный с активностью нейронных сетей головного мозга, имеет две онтологические компоненты – экзофеноменальную (физическую) и эндофеноменальную (информационную), каждой из которых свойственна своя уникальная онтология. Схожей точки зрения придерживаются Р. Пенроуз, Б. Рассел и Д. Чалмерс. Согласно последнему, субъективно-ментальные феномены – это информационные данные, заключенные в объективно-физические паттерны мозга, т.е., другими словами, «опыт есть информация изнутри, физика – извне»⁴¹. Д.И. Дубровский также использует информационную модель для объяснения бытия сознания в физическом мире и подчеркивает, что субъективный опыт «может интерпретироваться в качестве информации о том или ином явлении действительности»⁴². Понимание физического и психического бытия как двух сторон одного и того же материального целого характерно и для онтологических представлений известного физика, родоначальника квантовой механики, В. Паули, который пишет: «Было бы лучше всего, если бы

⁴¹ Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М., 2013. С. 381.

⁴² Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М., 2007. С. 147.

физику и психику можно было понимать как дополнительные аспекты одной и той же реальности»⁴³.

Во-вторых, бытие информации удовлетворяет каузалистической предпосылке, так как информация, имея нефизическое бытие, коррелирует с физическими процессами, но при этом сама по себе не оказывает воздействия на последние, ибо в качестве их причин всегда выступают другие физические процессы, и нет никакой необходимости встраивать в причинно-следственные цепи физических событий информационные (нефизические) сущности и соответственно добавлять в физические уравнения информационные (нефизические) величины (если мы сохраняем за информацией содержание феноменальных данных, а не сводим ее к физической характеристике упорядоченных систем с уменьшенной энтропией, как это происходит в статистической теории информации К. Шеннона). Таким образом, информация, будучи коррелятом физических процессов, лежит в онтологической основе сознания, за счет чего ментальный уровень бытия не нарушает принципа каузальной замкнутости физического мира.

Помимо принципа онтологической несепарабельности, информационное бытие подчиняется еще двум основным принципам: 1) принципу инвариантности и 2) принципу супервентности.

Принцип инвариантности сводится к тому, что одни и те же информационные данные могут существовать на разных материальных носителях, ибо разные физические объекты могут обладать одинаковыми свойствами, которые выражаются в соответствующих информационных данных. Например, всякая элементарная частица несет в себе информацию о своем заряде, спине и массе. Поскольку же разным элементарным частицам могут быть присущи одинаковые заряды, спины и массы, то, следовательно, разные физические объекты, выступающие в качестве информационного кода, могут кодировать одни и те же информационные данные (например, одно и то же термодинамическое состояние газа может быть обусловлено разным физическим состоянием молекул). Д.И. Дубровский, который также придерживается принципа онтологической несепарабельности и

⁴³ Цит. по: Менский М.Б. Сознание и квантовая механика. Фрязино, 2011. С. 104.

принципа инвариантности, замечает, что информация «инвариантна по отношению к физическим свойствам своего носителя, т.е. одна и та же информация может кодироваться по-разному, иметь разные кодовые воплощения»⁴⁴. Данное положение дел касается и более высоких уровней информационного бытия в отличие от уровня, связанного со свойствами экзофеноменального характера, которые проявляются во взаимодействии физических объектов. Например, одна и та же генетическая информация хранится во множестве молекул ДНК, присутствующих в клетках живого организма, и одна и та же фотография может быть записана на разные компьютерные носители.

Из принципа инвариантности и принципа онтологической несепарабельности вытекает *принцип супервентности*, согласно которому информационные данные коррелятивно связаны с физическими процессами в рамках единого материального (энергоинформационного) сущего. При этом любые изменения на информационном уровне бытия с необходимостью сопровождаются соответствующими изменениями на физическом уровне бытия, но не всякие изменения на физическом уровне бытия с необходимостью сопровождаются соответствующими изменениями на информационном уровне бытия. Информация супервентна на физическом носителе в том смысле, что присутствие различий в информационных данных невозможно при отсутствии различий в физических свойствах носителя подобно тому, как присутствие различий в компьютерной программе невозможно при отсутствии различий на физическом уровне бытия в аппаратной конфигурации компьютера. Обычно под супервентностью понимается производность информационных данных физическими процессами, что означает, что первые порождаются вторыми благодаря наличию каузальной взаимосвязи, но в рамках диссертационного исследования отношения между ними имеют не каузальный, а коррелятивный характер, и поэтому супервентность следует понимать как коррелятивную обусловленность информационных данных физическими процессами. Определенное физическое состояние материального сущего однозначно коррелирует с какими-то информационными данными, но вместе с тем одни и те же ин-

⁴⁴ Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М., 2007. С. 147.

формационные данные могут коррелировать с разными состояниями физического носителя. Поскольку же состояние физической системы зависит от ее взаимодействия с внешней средой, то два физически тождественных субъекта будут иметь нетождественный ментальный опыт в разной окружающей обстановке, и в одинаковой окружающей обстановке два физически нетождественных субъекта могут иметь тождественный ментальный опыт, что, как было показано выше, соответствует концепции экстерналистского квалитативизма.

Изначальная трактовка супервентности сознания принадлежит Д. Дэвидсону, который, пытаясь совместить детерминизм физического бытия и свободу ментального бытия, приходит к выводу, что ментальные свойства детерминируются физическими свойствами, но при этом не редуцируются к последним и не выводятся из них априорно. Поэтому физика не может раскрыть сущность психологических явлений, но, тем не менее, бытие последних отождествляется с бытием нейронных сетей головного мозга. Такую точку зрения Д. Дэвидсон называет аномальным монизмом, который «похож на материализм, поскольку предполагает, что все события являются физическими, но отвергает тезис, обычно считающийся существенным для материализма, что ментальным феноменам могут быть даны чисто физические объяснения»⁴⁵. Согласно защищаемой здесь теоретической модели, ментальные феномены не только по бытию, но и по сущности не тождественны физическим явлениям, и поэтому супервентность сознания сводится к тому, что оно имеет вторичный характер и генерируется процессами материального порядка в рамках корреляции между ментальными и физическими событиями.

Если мы предполагаем, что одни и те же физические процессы могут коррелировать с разными ментальными феноменами, то это означает, что одному и тому же физическому (нейрофизиологическому, биохимическому и биоэлектрическому) коду могут соответствовать разные кодируемые переживания. Однако в силу того, что информационные данные играют не конститутивную (определяю-

⁴⁵ Юлина Н.С. Физикализм: дивергентные векторы исследования сознания // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 158.

щую), а констативную (репрезентирующую) роль, т.е. они не конституируют (задают, продуцируют, генерируют, детерминируют) основные параметры и свойства окружающего мира, а лишь констатируют (фиксируют, свидетельствуют, выражают, отражают) их энергетическую реализацию в виде физических процессов, они должны констатировать одно и то же феноменальное содержание при равенстве физических компонент материального целого, и, следовательно, рассматриваемое предположение является ложным. Утверждение, что один и тот же мозг, находящийся в определенном состоянии (структурном и функциональном), может генерировать разный ментальный опыт настолько же не вписывается в физическую картину мира, насколько в нее не вписывается утверждение, что один и тот же компьютер, находящийся в определенном состоянии (структурном и функциональном), может совершать разные логические вычисления.

Если же мы предполагаем, что одни и те же физические процессы коррелируют с одними и теми же ментальными феноменами, то тогда два субъекта с тождественными телами, пребывающими в тождественных условиях, должны вести себя одинаково, что свидетельствует о тождественности их ментального опыта. Но ментальный опыт двух субъектов не может быть тождественным даже в том случае, если их физические носители будут во всех отношениях тождественны, ибо в ментальном опыте присутствует момент самосознания, который не поддается копированию в силу того, что самосознание – это всегда личное и уникальное (приватное) самосознание, предполагающее самоощущение себя самого именно здесь и сейчас и именно в этом физическом теле, а не в каком-либо другом. Если же мы допускаем, что в двух разных телах, пусть даже и тождественных, может пребывать идентичное самосознание, то тогда мы лишаем его собственно ментальной природы и редуцируем к чему-то физическому, что уже развивает нашу мысль в рамках элиминативистской теории, которая противоречит феноменалистической предпосылке. Данное противоречие, как было показано выше, снимается благодаря тому, что во Вселенной не существует двух абсолютно тождественных тел, физическое состояние которых имеет нелокальный характер и зависит от взаимодействия не только с окружающими объектами, но и со всей Вселенной в

целом (что в рамках физического описания мира соответствует теории дальнего действия, логически вытекающей из реляционной концепции пространства-времени).

Таким образом, физическое состояние головного мозга однозначно коррелирует с ментальным опытом, но ментальный опыт, со своей стороны, может коррелировать с разными физическими состояниями головного мозга (за счет чего два физически тождественных субъекта будут иметь нетождественный ментальный опыт в разной окружающей обстановке, поскольку одни и те же физические структуры в силу ее физического влияния будут коррелировать с разным ментальным опытом, и в одинаковой окружающей обстановке два физически нетождественных субъекта могут иметь тождественный ментальный опыт, поскольку в силу супервентности сознания и инвариантности информационных данных разные физические структуры могут коррелировать с одним и тем же ментальным опытом). Благодаря супервентности сознания и принципу инвариантности, который также распространяется на ментальные феномены, если понимать их в качестве модусов информационного бытия, один и тот же психический опыт может переживаться разными субъектами или одним и тем же субъектом в разное время, что, в частности, обеспечивает единство переживающего субъекта и единство переживаемого мира в репрезентативном опыте разных переживающих субъектов, не объяснимое с позиций физикализма, который отождествляет ментальные свойства со свойствами физических систем.

§ 2. Принципы квантовой онтологии

Квантово-информационная теория сознания заимствует из онтологии квантовой реальности три основных принципа: 1) принцип суперпозиции, 2) принцип декогеренции и 3) принцип целостности. *Принцип суперпозиции* заключается в том, что бытие квантового объекта носит потенциальный характер и представляет собой распределение возможностей находиться в том или ином состоянии; причем такое положение дел обуславливается не недостатком информации о значении параметров, определяющих бытие рассматриваемого объекта (как это проис-

ходит, например, в статистической термодинамике), а самой его сущностной природой. Бытие квантового мира имеет несубстанциальный характер, поскольку не обладает определенными классическими свойствами до акта эмпирического измерения. Поэтому в современной квантово-механической картине мира наблюдается тенденция сдвига в понимании материи от декартовской субстанции к аристотелевской возможности (*dynamis* и *potentia*). При этом неопределенность квантовых явлений, о чем свидетельствует экспериментально подтвержденное нарушение неравенств Белла, носит не гносеологический, а онтологический характер, т.е. обуславливается не недостатком информации о начальных условиях эксперимента, а самим устройством окружающего мира, что не позволяет говорить о неполноте квантовой теории и существовании скрытых параметров в связи с принципом неопределенности Гейзенберга.

Принцип декогеренции сводится к тому, что в результате наблюдения за поведением квантовой системы, т.е. ее взаимодействия с какими-то другими физическими системами окружающего мира, происходит разрушение пакета возможных состояний и остается одно единственное состояние, тогда как все остальные бесследно исчезают. Можно сказать, что в процессе декогеренции (запутывания с окружающей средой и коллапса суперпозиции возможных состояний) квантовый объект становится классическим, т.е. начинает проявлять непротиворечащие друг другу в рамках формальной логики физические свойства.

В соответствии с *принципом целостности* две взаимодействующие квантовые системы с точки зрения внешнего наблюдателя переходят в квантово-запутанное состояние, определяемое матрицей плотности, в которую входят суперпозиции состояний обеих взаимодействующих систем, до того момента времени, пока одна из них не подвергается наблюдению, т.е. не вступает в новое взаимодействие, приводящее к декогеренции (коллапсу суперпозиции возможных состояний). Иными словами, замкнутая в себе материальная система является единым (несепарабельным) целым, которое разделяется на составные части лишь в результате взаимодействия с окружающими объектами, и свойства этих частей в

момент декогеренции определяются материальным целым независимо от их пространственного расположения.

Чтобы разобраться в этих принципах с философской точки зрения, разведем вслед за Аристотелем понятия действительного (реального) и возможного (потенциального) бытия материальных систем. *Действительное бытие* (или бытие-в-действительности) определяется существованием в данном месте и данное время какого-то материального события, наличие которого не вступает в противоречие с наличием иного материального события, происходящего в том же самом месте и то же самое время. *Возможное бытие* (или бытие-в-возможности) определяется существованием в данном месте и данное время какого-то материального события, наличие которого вступает в противоречие с наличием иного материального события, происходящего в том же самом месте и то же самое время. Если материальный объект существует в действительности, то он обладает непротиворечащими друг другу свойствами. Если же материальный объект существует в возможности, то он обладает противоречащими друг другу свойствами (например, может находиться в нескольких местах одновременно), что допускается именно потому, что эти свойства существуют потенциально, а не реально.

Используя терминологию Д. Бома, можно сказать, что потенциальное бытие – это *имплицативный уровень реальности*, т.е. уровень свернутых в себе онтологических возможностей, а действительное бытие – это *эмплицативный уровень реальности*, т.е. уровень, на котором одна из онтологических возможностей становится действительностью. Выстраивая онтологию физического мира, Д. Бом в своей статье «A New Theory of the Relationship of Mind and Matter» полагает, что «порядок мира как структуры вещей, которые в основе своей внешне по отношению друг к другу, получается вторичным и возникает из более глубокого скрытого порядка»⁴⁶. Скрытый порядок при определенных условиях развертывается в явный порядок подобно тому, как потенциальное бытие при определенных условиях актуализуется в виде действительного бытия.

⁴⁶ Journal of the American Society for Physical Research. Vol. 80. 1986. № 2. P. 23.

Согласно квантовой онтологии, материальная система до ее наблюдения (т.е. до ее взаимодействия с другими материальными системами) находится в суперпозиции возможных состояний, описываемых волновой функцией, тогда как после наблюдения (т.е. после ее взаимодействия с другими материальными системами) происходит декогеренция (коллапс волновой функции), в результате чего одно из возможных состояний реализуется (становится действительным), а все остальные бесследно исчезают. Центральной идеей здесь является аристотелевское разделение на бытие-в-возможности и бытие-в-действительности, поскольку, как заявляет Аристотель в своей работе «Метафизика», «в возможности одно и то же может быть вместе обеими противоположностями, но в действительности нет»⁴⁷. К использованию этой идеи для построения квантовой онтологии прибегали многие мыслители. Например, В. Гейзенберг замечает, что «Математические законы квантовой теории вполне можно считать количественной формулировкой аристотелевского понятия “динамис” или “потенция”»⁴⁸. Известный советский физик В.А. Фок для объяснения зависимости физического состояния квантовой системы от способа ее экспериментального измерения вводит понятия «потенциальной возможности» и «осуществившегося». В книге «Интерпретации квантовой механики» А.Ю. Севальников также подчеркивает, что анализ философских оснований квантово-механической картины мира возвращает нас от декартовского понимания материи как субстанции к аристотелевскому пониманию материи как возможности.

Сущее существует в возможности постольку, поскольку оно не взаимодействует с другим сущим и остается замкнутым в себе. *Сущее существует в действительности* постольку, поскольку оно взаимодействует с другим сущим и не остается замкнутым в себе. Замкнутое в себе сущее, которое существует в возможности, не делимо на отдельные элементы и существует как единое (несепарабельное) материальное целое. В процессе *декогеренции*, которая обуславливается взаимодействием с другим сущим, рассматриваемое сущее переходит из

⁴⁷ Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Том 1. М., 1976. С. 135.

⁴⁸ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 223.

возможного бытия в действительное, за счет чего обретает внутреннюю структуру и распадается на составные элементы. Если происходит обратный процесс *реко-ренции*, обусловленный разрывом каузальных связей рассматриваемого сущего с другим сущим, то оно переходит из действительного бытия в возможное, за счет чего обретает целостность и утрачивает внутреннюю структуру, позволяющую сепарировать его на отдельные части.

Математически переход из квантового (неопределенного) состояния в классическое (определенное) выражается коллапсом волновой функции, когда в действительности реализуется только одно состояние из множества возможных состояний исследуемой материальной системы. И тут возникает два закономерных вопроса: во-первых, что именно является необходимым и достаточным условием коллапса волновой функции, и, во-вторых, какой именно физический процесс соответствует математической операции коллапса?

Возьмем квантовую систему, находящуюся в суперпозиции возможных состояний. Если такая система вступит во взаимодействие с другой системой, то обе системы перейдут в запутанное состояние, которое будет представлять собой произведение двух квантовых суперпозиций (что математически описывается уже не вектором состояния, а матрицей плотности). Если теперь мы совершим измерение над одной квантовой системой, то произойдет коллапс волновой функции, описывающей обе системы как единое онтологическое целое. Но тут опять-таки возникает вопрос: чем, по сути, измерение, приводящее к коллапсу волновой функции, отличается от взаимодействия систем, которое к коллапсу не приводит?

Действительно, в процессе измерения, т.е. в процессе взаимодействия измеряемого объекта с измерительным прибором, обе системы сами по себе переходят в запутанное состояние без коллапса волновой функции. И лишь с появлением наблюдателя, фиксирующего показания измерительного прибора, наблюдаемая система переходит из квантового состояния в классическое. Но если далее мы рассмотрим и сам мозг наблюдателя в качестве физической системы, взаимодействующей с измерительным прибором, то опять-таки никакого коллапса волновой функции не наблюдается, а теперь уже три физические системы – измеряемый

объект, измерительный прибор и мозг наблюдателя – переходят в квантово-запутанное состояние. Таким образом, получается, что именно присутствие нефизического сознания наблюдающего субъекта разрушает суперпозицию состояний и выделяет одно конкретное значение, которому до акта осознанного наблюдения приписывается какая-то вероятность.

Отсюда следует вывод, что по своей онтологической природе сознание выступает в качестве причины коллапса волновой функции. Однако в этом случае мы должны признать (если, конечно, не являемся сторонниками панпсихизма, согласно которому ментальная компонента бытия атрибутивно растворяется в материи как таковой), что любая материальная система, не наблюдаемая сознанием, находится в суперпозиции состояний, которые запутываются с возможными состояниями другой системы, вступающей с первой в физическое взаимодействие. Значит, до возникновения наблюдающего сознания Вселенная в целом представляла собой единый квантовый объект, элементы которого пребывали в запутанном состоянии. И лишь на определенном этапе биологической эволюции, когда материальные системы достигли высокого уровня структурной и функциональной организации и тем самым породили феномен сознания, впервые произошел коллапс волновой функции Вселенной, в результате чего ее элементы распутались и возникли события классического типа.

Однако ряд экспериментов опровергает такую радикальную точку зрения. В частности, эксперимент, проведенный группой ученых из Венского университета (Л. Хаскермюллером, К. Хорнбергером, Б. Брезгером и А. Цайлингером) и описанный в их совместной статье «Decoherence of matter waves by thermal emission of radiation»⁴⁹, показывает, что интерференционная картина, возникающая в результате рассеяния пучка фуллеренов (молекул, содержащих 70 атомов углерода) на дифракционной решетке, зависит от контролируемого нагрева летящих в пучке молекул посредством лазерного луча (с ростом температуры интерференционная картина ослабевает, а затем и исчезает полностью). Это означает, что коллапс волновой функции (переход из квантово-запутанного состояния в классическое)

⁴⁹ Nature. 2004. V. 427. № 6976. P. 711-714.

может осуществляться и без участия наблюдающего сознания, а лишь в процессе обмена информацией между исследуемой системой и окружающей средой. Такой информационный обмен в рамках рассматриваемого эксперимента происходит за счет лазерного нагрева и, как следствие, испускания молекулами фуллерена квантов света, длина волны которых несет в себе информацию о вероятности того, на какой именно из щелей дифракционной решетки произошло рассеяние той или иной молекулы. При определенной длине волны (которая соответствует определенной степени разогрева пучка фуллеренов) данной информации оказывается достаточно, чтобы точно локализовать выбранный пучок в пределах какой-то дифракционной щели, после чего интерференционная картина исчезает (т.е. пучки начинают вести себя уже не как дебройлевские волны, а как частицы, двигающиеся по заданным траекториям).

Таким образом, коллапс волновой функции обуславливается не наблюдающим сознанием как таковым, что привело бы нас к субъективно-идеалистической картине мира, в рамках которой объективная определенность Вселенной оказывается невозможной без ее субъективной репрезентации, а естественным наличием или искусственным продуцированием в условиях экспериментальной ситуации необходимого количества информации, которое обеспечивает переход из возможного бытия в действительное за счет перераспределения вероятностей, связанных с тем или иным состоянием физической системы.

Сущее, существующее в модусе возможного (непроявленного) бытия, имеет целостную (несепарабельную) структуру, поскольку информации, обусловленной взаимодействием сущего с «наблюдающей» системой отсчета, оказывается недостаточно, чтобы произошел переход от возможного (непроявленного) бытия к действительному (проявленному). Замкнутый в себе целостный объект, существующий в возможности, не имеет внутренней структуры, но находится в суперпозиции потенциальных состояний, представляющих собой готовность, предрасположенность к действию, т.е. онтологическую диспозицию, которая при заданных условиях и с заданной вероятностью может развернуться в проявленное (действительное) взаимодействие с окружающими объектами. Неправильно говорить,

что потенциальные действия, определяемые суперпозицией возможных состояний, существуют одновременно в едином квантовом мире или во множестве классических миров, но правильно говорить, что существует онтологическая диспозиция, т.е. предрасположенность к совершению потенциальных действий, каждому из которых приписывается какая-то вероятность. При этом вероятность перехода материальной системы в то или иное физическое состояние является математическим способом выражения онтологической диспозиции, которая обуславливается не недостатком информации о скрытых параметрах, а самим непроявленным (имплицативным) бытием рассматриваемой материальной системы.

Сущее, существующее в модусе действительного (проявленного) бытия, имеет дифференцированную (сепарабельную) структуру, поскольку информации, обусловленной взаимодействием сущего с «наблюдающей» системой отсчета, оказывается достаточно, чтобы произошел переход от возможного (непроявленного) бытия к действительному (проявленному). Открытая материальная система, существующая в действительности, имеет внутреннюю структуру и является не предрасположенностью к действию, а самим непосредственным действием. Если бытие такой материальной системы описывается статистическими законами, то это обуславливается не ее непроявленным (имплицативным) бытием, а недостатком информации о присущих ей скрытых параметрах. Поэтому действительное бытие материальной системы, определяющее ее проявленную (эксплицативную) сущность во взаимодействии с другими материальными системами (в частности, с измерительными приборами), описывается законами классической физики, в то время как возможное бытие материальной системы, определяющее ее непроявленную (имплицативную) сущность, описывается законами квантовой физики. Декогеренция потенциальных состояний множества взаимодействующих объектов приводит к тому, что на макроскопическом уровне бытия предсказания классической физики совпадают с предсказаниями квантовой физики.

Бытие-в-возможности, или диспозиционное бытие, будучи предрасположенностью к совокупности потенциальных действий, каждому из которых приписывается определенная вероятность, представляет собой недифференцированное

целое, части которого находятся в квантово-запутанном (импликативном) состоянии. Бытие-в-действительности, или позиционное бытие, будучи реализованным действием, представляет собой совокупность материальных объектов, каждый из которых находится в классическом (экспликативном) состоянии. Таким образом, материальное бытие может быть либо диспозицией, которая имеет несепарабельный характер и не состоит из отдельных элементов, либо позицией, которая имеет сепарабельный характер и состоит из отдельных элементов. Сущее, существующее в возможности, обладает единством, но не имеет взаимодействующих частей, тогда как сущее, существующее в действительности, не обладает единством, но имеет взаимодействующие части.

Коллапсу волновой функции соответствует материальный (энергоинформационный) процесс перехода от возможного (непроявленного) бытия к действительному (проявленному), т.е. от пассивной диспозиции к активной позиции. При этом целостное сущее трансформируется в совокупность взаимодействующих объектов, единство которых существует уже не онтологически, а лингвистически, т.е. является идеальным феноменом языка, а не реальным феноменом окружающего мира. Например, говорить о камне как о едином и целостном сущем можно лишь в отношении его виртуального образа или идеальной идеи, тогда как сам по себе камень в качестве реально существующего объекта онтологическим единством не обладает, а является лишь совокупностью взаимодействующих молекул. Но и последних как целостных объектов тоже не существует, а существуют лишь совокупности взаимодействующих атомов. Если мы хотим избавиться от редукции в бесконечность, которая лишает окружающий мир материальной основы и превращает его в математическую абстракцию или виртуальную иллюзию, имеющую в своей онтологической основе пустоту, то в итоге должны признать, что никаких кирпичиков мироздания, которыми на сегодняшний день в физической теории считаются кварки и лептоны, не существует, поскольку процесс дифференциации материальных объектов представляет собой в действительности не деление материи на изначально присущие ей скрытые структуры, а процесс постепенного разворачивания пребывающих на уровне непроявленного (импликатив-

ного) бытия онтологических возможностей в виде проявленных (экспликативных) сущностей.

В. Гейзенберг в своей книге «Физика и философия», подчеркивая несостоятельность атомизма как философской концепции, претендующей на объяснение бытия окружающего мира и интерпретацию физических уравнений, которым подчиняется движение микроскопических объектов, пишет: «Современное развитие физики повернулось от философии Демокрита к философии Платона. В самом деле, именно в соответствии с убеждениями Платона, если мы будем разделять материю все дальше и дальше, мы, в конечном счете, придем не к мельчайшим частицам, а к математическим объектам... Частицы же в современной физике представляют математические абстракции фундаментальных симметрий»⁵⁰. Д. Бом также критикует атомистическую теорию, согласно которой «первоначальная реальность – в конечном итоге, основной набор независимо существующих элементов – частиц и полей, а свертывание и развертывание – лишь вторичный аспект»⁵¹. Он полагает, что на непроявленном (имплекативном) уровне реальности материальные системы информационно свертываются в бытии составляющих элементов, а последние на проявленном (экспликативном) уровне реальности энергетически развертываются из скрытого порядка, который образует единое онтологическое целое. Таким образом, Д. Бом выдвигает прямо противоположный тезис, который заключается в том, что «движение свертывания и развертывания – в крайней степени первоначальная реальность, а объекты, сущности, формы и так далее, появляющиеся в этом движении, – вторичны»⁵².

Если физические частицы делимы до бесконечности, то в результате бесконечного деления мы получаем нематериальную пустоту, которая превращает окружающий мир в математическую абстракцию или виртуальную иллюзию. Если же физические частицы неделимы до бесконечности, то в результате конечного деления мы получаем материальные элементы, которые не имеют внутренней структуры, т.е. не содержат в себе пустоты, ибо в противном случае они оказыва-

⁵⁰ Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1989. С. 103.

⁵¹ Bohm D. Unfolding Meaning. A Weekend of Dialogue with David Bohm. New York, 1985. P. 22.

⁵² Там же, с. 22.

ются делимыми. Но физическое тело, не имеющее внутренней структуры и не содержащее в себе пустоты, обладает бесконечной плотностью, а, значит, является сингулярностью, которая нарушает все законы физики и не позволяет образовываться никаким упорядоченным системам. Поэтому материю нельзя понимать как вещество, т.е. как субстрат или субстанцию, а следует понимать как то, что не поддается строгой локализации в пространстве и поэтому не образует сингулярного бытия. Такому условию удовлетворяет реляционное понимание материи в качестве системы отношений между материальными телами, которые имеют две стороны бытия – внешнюю (физическую) и внутреннюю (информационную). Пространство и время также должны пониматься как системы отношений (топических и темпоральных) между материальными телами, и если не существует взаимодействующих тел, то не существует пространства и времени.

Пока «наблюдающая» система, частью которой является наблюдатель, не вступает во взаимодействие с наблюдаемой системой, последняя для наблюдателя находится в модусе возможного бытия как целостный, не дифференцированный объект, описываемый суперпозицией потенциальных состояний. После взаимодействия наблюдаемая система становится классической в том смысле, что обретает внутреннюю структуру и определенные физические параметры. При этом «наблюдающая» система может и не включать в себя наблюдателя в качестве сознающего субъекта, поскольку для коллапса волновой функции и перехода наблюдаемой системы из целостного состояния в дифференцированное, достаточно информационных процессов, которые нарушают суперпозицию состояний и приводят к осуществлению единственной возможности бытия наблюдаемой материальной системы. Таким образом, коллапс волновой функции происходит тогда и только тогда, когда информационных данных, упакованных в физических процессах, становится достаточно, чтобы локализовать материальный элемент, который пребывает в квантово-запутанном состоянии с другими элементами, образующими единое онтологическое целое. Причем это относится не только к физическому, но и к информационному уровню бытия, т.е. как физические, так и информационные состояния материальной системы существуют в возможности и

реализуются в действительном модусе бытия, если накапливается достаточное количество информации, не позволяющее всем компонентам суперпозиции находиться одновременно в рамках наличного бытия рассматриваемой материальной системы.

Квантовая онтология применима не только к микроскопическому, но и к макроскопическому уровню бытия материальных систем. Для наглядной иллюстрации обратимся к известному парадоксу Шредингера. Австрийский физик-теоретик Э. Шредингер предложил мысленный эксперимент, который, по его мнению, наносит удар по копенгагенской интерпретации квантовой механики и показывает ее неполноту в отношении правила, задающего четкие критерии наблюдения как необходимого условия коллапса волновой функции, описывающей состояние материальной системы. Суть этого мысленного эксперимента сводится к тому, что если у нас имеется квантовый объект (например, атом, подверженный радиоактивному распаду), который находится в суперпозиции множества возможных состояний, то тогда и связанный с ним макрообъект (например, кот), тоже будет находиться в суперпозиции множества возможных состояний. Представим себе, что при распаде радиоактивного атома запускается машина, убивающая кота. Тогда через определенный промежуток времени кот, пребывающий в закрытом ящике, будет и жив, и мертв одновременно, поскольку по истечении этого промежутка времени атом распадется с вероятностью, отличной от нуля, но не равной единице. Следовательно, в рамках этого мысленного эксперимента кот будет находиться в суперпозиции двух состояний – состояния трупа и состояния живого организма, что и делает его квантовым макрообъектом. Согласно копенгагенской интерпретации квантовой механики (которая на сегодняшний день доминирует в научном сообществе) подобное заявление является ложным, и кот не находится в суперпозиции двух состояний до открытия ящика, поскольку сами по себе макроскопические объекты появляются лишь на уровне декогеренции (нарушения суперпозиции) квантовых состояний рассматриваемой материальной системы.

Однако при более внимательном рассмотрении мысленного эксперимента Шредингера возникает нетривиальная проблема, если мы вместо кота в смертоносный ящик поместим некоего отчаянного испытуемого, способного к осознанному самонаблюдению⁵³. Тогда с точки зрения внешнего наблюдателя, стоящего перед закрытым ящиком, в течение какого-то промежутка времени испытуемый так же, как и несчастный кот Шредингера, будет находиться в суперпозиции двух состояний – состояния трупа и состояния живого организма, но с его собственной точки зрения, если, конечно, он не погибнет в результате распада радиоактивного атома и запуска смертоносной машины, он будет находиться лишь в одном из этих состояний, а именно – в состоянии живого организма. Этот вариант мысленного эксперимента Шредингера можно усложнить, поместив в непроницаемый ящик еще одного сознающего субъекта, который, наблюдая за испытуемым, будет точно знать, умер тот, спустя определенное время, или же остался живым. Тогда для внешнего наблюдателя испытуемый, подключенный к смертельной машине, будет находиться в суперпозиции двух состояний, а для внутреннего наблюдателя, тот же самый испытуемый будет уже классическим объектом, пребывающим во вполне определенном физическом состоянии.

Для иллюстрации парадокса, возникающего в результате зависимости отдельных параметров макроскопических систем от протекающих в них микроскопических процессов, можно обратиться к еще одному усложненному варианту мысленного эксперимента Шредингера, который предложил американский физик и математик венгерского происхождения Ю. Вигнер. Последний ввел в мысленный эксперимент Шредингера друзей экспериментатора, которые могут узнать о состоянии кота после открытия ящика только от самого экспериментатора, и поэтому до получения от него соответствующей информации в их системе отсчета состояние кота все еще будет носить квантово-неопределенный характер. В результате мы приходим к выводу, что коллапс волновой функции как процесс, обусловленный взаимодействием исследуемого объекта с экспериментальной установкой, неотъемлемой частью которой является и наблюдающий экспериментатора-

⁵³ Строго говоря, можно было бы ограничиться и одним котом, если мы признаём у него наличие сознания.

тор, носит локальный характер в рамках выделенной системы отсчета, тогда как в других системах отсчета исследуемый объект может пребывать в суперпозиции квантовых состояний даже с учетом релятивистских эффектов, обеспечивающих неодновременность одного и того же события с разных точек зрения. На основании этих рассуждений Ю. Вигнер заявляет, что до того момента, пока все потенциальные наблюдатели не узнают от экспериментатора о состоянии подопытного кота, последний во множестве систем отсчета остается и живым, и мертвым одновременно.

Можно предположить, что на самом деле физические параметры квантового объекта имеют определенное значение, в то время как суперпозиция возможных состояний возникает лишь на уровне описания физического мира в силу недостатка информации у экспериментатора об исследуемом объекте. Однако такая точка зрения, которой, в частности, придерживался А. Эйнштейн в своем знаменитом споре с Н. Бором, была опровергнута в ряде экспериментов, показавших нарушение неравенств Белла, которые задают рамки для экспериментальных данных, указывающих на наличие скрытых параметров и соответственно на неполноту квантовой теории. Следовательно, до открытия ящика физическое описание радиоактивного атома и подопытного кота со стороны внешнего наблюдателя в виде суперпозиции состояний не является результатом недостатка информации, а представляет собой онтологический факт. В итоге мы приходим к противоречию, ибо с позиции внутреннего наблюдателя радиоактивный атом и подопытный кот существуют в качестве классических объектов, но с позиции внешнего наблюдателя они существуют в качестве квантовых объектов, пребывающих в суперпозиции двух состояний, соответственно атом – как «распавшийся атом» и «нераспавшийся атом», а кот – как «мертвый кот» и «живой кот».

Одним из вариантов разрешения этого противоречия является многомировая теория Эверетта, которая отказывается от коллапса волновой функции и утверждает, что каждое из суперпонируемых состояний осуществляется в отдельном классическом мире. Такая интерпретация квантовой механики, предложенная Х. Эвереттом, весьма привлекательна, поскольку позволяет избавиться от

многих квантовых парадоксов, и, в частности, от парадокса Шредингера благодаря тому, что кот в вышеописанном эксперименте признается живым в одном классическом мире и мертвым – в другом, и уже одновременно живым и мертвым в одном и том же классическом мире не является.

Однако многомировая концепцию Эверетта порождает новые парадоксы, решение которых связано с серьезными трудностями. Действительно, пролиферация (размножение) мира на множество параллельных миров, каждому из которых соответствует одно из возможных состояний, описываемых волновой функцией, указывает на проблему, обусловленную тем, что при этом должна происходить и пролиферация (размножение) наблюдающего субъекта, точнее его материального тела на множество физических дублей, которые продолжают существовать во множестве параллельных вселенных. Отсюда возникает закономерный вопрос: обладают ли сознанием все эти физические дубли или же сознание присуще лишь тем из них, которые принадлежат какой-то одной траектории пролиферирующего мира в многомировом пространстве Эверетта?

Можно предположить, что сознание скользит по строго определенной траектории, тогда как в рамках остальных траекторий физические дубли оказываются лишенными сознания (т.е. бессознательными зомби), но в то же самое время оно имеет связь с этими траекториями на уровне бессознательного Я, за счет чего, в частности, объясняются многие мистические явления, как это показывает в своей книге «Сознание и квантовая механика» М.Б. Менский. Он развивает квантовую концепцию сознания, которая «основана на отождествлении сознания с разделением (классических) альтернатив (эквивалентно: разделением параллельных миров)»⁵⁴. При этом квантовая концепция сознания эвереттовского типа предполагает его расщепление в каждой точке траектории, формирующейся в многомировом пространстве Эверетта, на множество альтернативных вариантов. Иллюстрируя эту точку зрения на примере кота Шредингера, М.В. Менский замечает, что «наблюдатель может видеть живого кота, но тогда он не видит мертвого, и наоборот. Обе альтернативы объективно сосуществуют, но (субъективно) разде-

⁵⁴ Менский М.Б. Сознание и квантовая механика. Фрязино, 2011. С. 111.

лены сознанием»⁵⁵. Если же разделение возможных миров исчезает, то все они становятся доступными человеку, и именно благодаря этому в его бытии могут проявиться сверхъестественные способности или психиатрические отклонения от нормального состояния сознания.

Однако такой подход, несмотря на его плюсы, связанные с пониманием онтологической функции сознания в физической картине мира, имеет также и серьезные минусы, обусловленные, прежде всего, тем, что расщепление сознания в эвереттовском пространстве означает либо 1) то, что мы осознаем себя одновременно во множестве параллельных миров, чего, очевидным образом, не происходит, ибо мы воспринимаем и помним единственную жизнь, а не множество ее возможных проявлений, либо 2) то, что сознанием обладает лишь один из параллельно существующих дублей, но в этом случае или окружающие люди оказываются бессознательными зомби, или мы должны признать существование предустановленной гармонии, в силу которой все окружающие люди из множества альтернативных вариантов выбирают именно тот, который выбираем мы сами, либо 3) то, что сама личность непрерывно размножается на множество физических дублей, тогда как такое предположение является недопустимым, ибо в противном случае возникает ситуация дублирования единства самосознания человека, что противоречит самой сущности этого понятия, поскольку единство самосознания не подлежит дублированию в силу его субъективной природы (т.е. в силу того, что оно открывается и существует во внутреннем знании).

Необходимость во множестве параллельных миров отпадает, и мы сохраняем позиции копенгагенского истолкования квантовой механики, если соглашаемся, что всякое определенное физическое и информационное состояние материальной системы существует лишь во взаимодействии с другими материальными системами и вне такого взаимодействия говорить о каком-то определенном физическом и информационном состоянии материальной системы бессмысленно. Поэтому следует признать, что всякая физическая система внутри себя самой является квантовой, а вне себя самой, т.е. во взаимодействии со средствами наблюде-

⁵⁵ Там же, с. 44.

ния и наблюдающим субъектом, – классической. Таким образом, мы допускаем существование двух онтологических уровней реальности – внешнего (экзофеноменального) и внутреннего (эндофеноменального) – по отношению к материальному объекту. Иными словами, материальное сущее существует как физическая система классического типа на экзофеноменальном уровне бытия во взаимодействии с другим материальным сущим и как информационная система квантового типа вне взаимодействия с другим материальным сущим.

В рамках квантово-информационной модели сознания разделение на внешнюю и внутреннюю сторону бытия материальной системы становится изоморфно разделению на объективно-физическое и субъективно-ментальное бытие. Действительно, внешний наблюдатель в расширенном эксперименте Шредингера фиксирует суперпозицию состояний как распределение возможностей того, что происходит в данный момент времени в замкнутой системе, состоящей из внутреннего наблюдателя, кота и радиоактивного атома, тогда как внутренний наблюдатель свидетельствует некое наличное, непосредственно воспринимаемое положение дел в силу определенности состояния радиоактивного атома, фиксируемого косвенным образом по состоянию кота. При этом для обоих наблюдателей можно создать симметричную ситуацию, поместив их в два изолированных ящика с котом и радиоактивным атомом, после чего приведенные выше рассуждения будут иметь место как для одного наблюдателя, так и для другого в отношении наблюдаемой квантовой системы. Аналогично этому субъективно-ментальные феномены раскрываются в своем имманентном содержании непосредственно для внутреннего субъекта, но сами объективируются в виде поведенческих реакций для внешнего субъекта, который может лишь с определенной вероятностью предсказать, что в действительности является содержанием чуждого ему субъективного опыта.

Таким образом, состояние радиоактивного атома становится классическим, когда косвенно через состояние кота открывается внутреннему наблюдателю, но для внешнего наблюдателя сохраняет квантовый характер в виде суперпозиции событий, происходящих внутри наблюдаемой системы. То же самое можно ска-

зять в отношении сознательной и бессознательной психики: состояние бессознательной психики носит квантовый характер, но становится классическим, когда попадает в сферу осознанности внутреннего субъекта, в то время как для внешнего субъекта и сознательная, и бессознательная психика остается предметом догадок и интерпретаций, обусловленных наблюдением объективно проявляемых поведенческих реакций внутреннего субъекта.

Отсюда можно сделать вывод, что существует два типа доступа наблюдателя к наблюдаемому существу – диссоциативный и ассоциативный. *Диссоциативный доступ* предполагает разделенность (диссоциированность) наблюдателя и наблюдаемого существа на физическом уровне бытия. *Ассоциативный доступ* предполагает единство (ассоциированность) наблюдателя и наблюдаемого существа на физическом уровне бытия. Схожую классификацию репрезентативного доступа предлагает В.В. Васильев, решая проблему некогерентности эмерджентизма, связанную с тем, что если мы понимаем сознание как высокоуровневое свойство нейронных процессов и одновременно с этим признаем его уникальную онтологию, не сводимую к онтологии физических событий, то ментальные переживания обретают эпифеноменальный характер, не позволяющий им влиять на поведение человека. Решение, по мнению В.В. Васильева, заключается в том, что «ментальные состояния и нейронные процессы онтологически тождественны, но эпистемологически различны, вследствие того, что люди обладают двойным доступом к этим нейронным процессам – извне и изнутри. Поэтому возникает ощущение двойственной реальности, на деле этой двойственности нет»⁵⁶. Диссоциативный доступ способствует внешнему познанию, т.е. познанию извне, тогда как ассоциативный доступ способствует внутреннему познанию, т.е. познанию изнутри.

Таким образом, можно выделить три типа наблюдателей в зависимости от их онтологического статуса: 1) трансцендентный наблюдатель, 2) имманентный наблюдатель и 3) трансцендентальный наблюдатель. *Трансцендентный наблюдатель* не является частью наблюдаемой системы и не взаимодействует с ней на физическом уровне бытия, т.е. не имеет к ней ни диссоциативного, ни ассоциативно-

⁵⁶ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М., 2009. С. 72.

го доступа (подобно экспериментатору, находящемуся вне ящика, в который помещен кот Шредингера). *Имманентный наблюдатель* является частью наблюдаемой системы и взаимодействует с ней на физическом уровне бытия, т.е. имеет к ней диссоциативный доступ (подобно экспериментатору, находящемуся внутри ящика, в который помещен кот Шредингера). *Трансцендентальный наблюдатель* является всей наблюдаемой системой в целом, т.е. имеет к ней ассоциативный доступ (подобно испытуемому, занимающему место кота в ящике Шредингера).

Материальная система для трансцендентного наблюдателя 1) на экзофеноменальном уровне (как физическая система) имеет непроявленное бытие и пребывает в суперпозиции возможных состояний, 2) на эндофеноменальном уровне (как информационная система) также имеет непроявленное бытие и пребывает в суперпозиции возможных состояний. Материальная система для имманентного наблюдателя 1) на экзофеноменальном уровне (как физическая система) имеет проявленное бытие и пребывает в классическом состоянии, 2) на эндофеноменальном уровне (как информационная система) имеет непроявленное бытие и пребывает в суперпозиции возможных состояний. Материальная система для трансцендентального наблюдателя 1) на экзофеноменальном уровне (как физическая система) имеет проявленное бытие и пребывает в классическом состоянии, 2) на эндофеноменальном уровне (как информационная система) также имеет проявленное бытие и пребывает в классическом состоянии.

Когда я общаюсь с другим субъектом, то выступаю по отношению к нему в качестве имманентного наблюдателя, и поэтому его поведенческие реакции (имеющие экзофеноменальный статус) существуют для меня в классическом виде как проявленные, действительно существующие феномены. При этом его внутренние субъективные переживания (имеющие эндофеноменальный статус) существуют для меня в квантовом виде как непроявленные, потенциально существующие феномены. Если я обращаю внимание на себя самого, то выступаю уже в качестве трансцендентального наблюдателя, и поэтому мои поведенческие реакции (имеющие экзофеноменальный статус) существуют для меня в классическом виде как проявленные, действительно существующие феномены. При этом мои

внутренние субъективные переживания (имеющие эндофеноменальный статус) также существуют для меня в классическом виде как проявленные, действительно существующие феномены. И подобно тому, как я приписываю другому субъекту по аналогии с самим собой наличие проявленных (существующих в классически-реализованной форме) психических феноменов, образующих сферу сознательного бытия, точно также я приписываю себе самому по аналогии с другими субъектами наличие непроявленных (существующих в суперпозиции возможных состояний) психических феноменов, образующих сферу бессознательного бытия.

§ 3. Информационная причинность

В современной философии сознания развивается теория информационной причинности, суть которой заключается том, что информация «способна служить фактором управления (ибо цель... и каузальный эффект управления в самоорганизующейся системе определяется именно информацией на основе сложившейся кодовой зависимости, а не самими по себе физическими свойствами ее носителя, поскольку они могут быть разными)»⁵⁷. Однако с понятием информационной причинности связана проблема, обусловленная тем, что если мы не допускаем редукцию информационного воздействия к воздействию физического порядка, то тогда нарушается каузальная замкнутость физического мира, поскольку в причинно-следственные цепи физических событий встраиваются нефизические (информационные) данные. В частности, признавая несводимость информационных причин к причинам физического порядка, мы приходим к выводу, что никакое знание о физическом устройстве живой клетки не позволяет априорно (дедуктивно) вывести механизмы синтеза белка, и для полного объяснения их необходимо добавить еще и знание информационных данных, не редуцируемых к физическому устройству и функционированию отдельных структурных подсистем клетки. Таким образом, мы смещаемся в сторону креационистской теории или теории разумного дизайна, согласно которым информация привносится в материю извне с

⁵⁷ Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М., 2007. С. 149.

трансцендентного уровня бытия. Поэтому последовательное развитие теории информационной причинности приводит к субстанциализации информационных данных, ибо информация в качестве действующей причины уподобляется платоновским идеям, которые организуют бытие материальных систем и влияние которых не может быть сведено к действующим причинам физического типа.

Информационная причинность означает, что кодовые зависимости нельзя свести к каузальным отношениям между физическими объектами, бытие которых подчиняется физическим законам, но тогда формирование кодовых зависимостей в информационных системах должно объясняться не физическими, а сверхфизическими причинами. Получается, что взаимосвязь между кодируемой информацией и кодирующим объектом (например, привязка аминокислот к азотистым основаниям в информационном коде ДНК) обуславливается не закономерным ходом эволюционного развития материальных систем и не случайно-историческими процессами, а некими сверхфизическими силами, действие которых уже не поддается объяснению в рамках современной науки, поскольку в противном случае сколько бы мы ни уменьшали энтропию (т.е. ни увеличивали структурную сложность) материальных систем, все равно их поведение не выйдет за пределы физической феноменологии (т.е. ни при каких условиях не проявит информационные свойства, не сводимые к физическому уровню бытия).

Если же мы допускаем редукцию информационного воздействия к воздействию физических систем, то тогда информационная причинность как таковая становится формой физической причинности, и говорить о каузальном эффекте информационного порядка в самоорганизующихся системах уже не приходится. Например, анализ информационных процессов, которые сопровождают внутриклеточный синтез белка, показывает, что в действительности все они обуславливаются химическими и электромагнитными законами, знания которых достаточно, чтобы априорно (дедуктивно) вывести из физического устройства клетки механизмы формирования цепочек аминокислот в результате взаимодействия рибосомы и реплицированного участка молекулы ДНК. В итоге мы приходим к выводу, что информационной причинности как таковой не существует, а существует

лишь удобный и компактный способ описания большой совокупности физических процессов.

Американский нейропсихолог Р. Сперри, критикуя редукционизм, выделяет восходящую и нисходящую причинность не только в отношении разных уровней бытия с несводимыми характеристиками, но и одного и того же онтологического уровня, в рамках которого сложные системы могут быть представлены в виде совокупности взаимодействующих элементов. Таким образом, биологические свойства нельзя редуцировать к химическим, а химические свойства нельзя редуцировать к физическим. Однако если мы соглашаемся с этой точкой зрения, то приходим к нарушению принципа каузальной замкнутости физического мира, ибо как биологические, так и химические системы в своей бытийной основе являются сложно организованной совокупностью взаимодействующих физических элементов (элементарных частиц), и если мы придерживаемся двунаправленной концепции причинности Р. Сперри, то должны признать, что само поведение физических элементов во всем его разнообразии не может быть объяснено одними лишь физическими законами, а это, в свою очередь, противоречит каузалистической предпосылке диссертационного исследования и, в конечном счете, приводит к отрицанию закона сохранения физической энергии. Однако закон сохранения физической энергии не нарушается ни в химических, ни в биологических системах, что опровергает двунаправленную концепцию причинности Р. Сперри и позволяет ввести *принцип онтологической целостности материального мира*, согласно которому закономерности высокоуровневых явлений дедуктивно выводятся из закономерностей соответствующих им процессов низкоуровневого порядка в рамках одного и того же вида бытия рассматриваемой материальной системы. На основании приведенной выше классификации видов бытия сущего можно сказать, что все подвиды реального бытия (например, химическое и биологическое бытие) редуцируются к своему фундаментальному уровню (физическому), тогда как психическое (виртуальное и интеллигибельное) бытие к физическому уровню не редуцируется.

Рассмотрим, например, колесо, которое катится с горы. Согласно двуправленной концепции причинности Р. Сперри, движение колеса определяется не только физическим взаимодействием частиц, из которого оно состоит, но и его формой, позволяющей двигаться с минимальной силой трения. При этом форма колеса является высокоуровневым (эмерджентным) свойством как результат системного взаимодействия частиц, определяемого свойствами низкоуровневого порядка. Однако форма колеса полностью задается физическим взаимодействием составляющих элементов и как эмерджентное свойство может быть дедуктивно выведено из низкоуровневых свойств без потери каких-то существенных характеристик.

Таким образом, сохраняя материалистические позиции, мы должны признать, что несмотря на то, что одни и те же информационные данные могут быть реализованы на разных материальных носителях, в конечном счете, каузальная активность присуща именно физическим структурам, а не идеальному содержанию информации. Информационная причинность существует лишь на уровне феноменологического описания самоорганизующихся систем, в то время как на уровне фундаментальной онтологии каузальная сила информационных данных сводится к каузальной силе физических процессов. Информация обладает содержательностью, но не действительностью, ибо действует всегда физическая система, и характер ее действий, а также конфигурация составляющих элементов определяет содержание информационных данных. Правильно говорить не о том, что информация, будучи идеальной сущностью (если понимать под ней содержание данных, а не просто меру упорядоченности материальных структур, т.е. не просто физическую величину, равную, согласно известной формуле К. Шеннона, разности между максимально возможным значением энтропии и тем ее значением, которое присуще рассматриваемой системе в конкретный момент времени), влияет на физические системы, а о том, что физические системы коррелируют с информационными данными, содержание которых позволяет делать прогнозы относительно их физического поведения. Сравним, например, звезду и живую клетку. Обе они представляют собой физические системы, но живая клетка имеет намного более

тонкое и сложное устройство, нежели звезда. Несмотря на это, поведение живой клетки подчиняется тем же самым физическим законам, что и поведение звезды, поскольку, в конечном счете, обе они состоят из одинаковых субатомных частиц. Поэтому правильно говорить не о том, что поведение живой клетки обуславливается наряду с физическими причинами еще и причинами информационного порядка, а о том, что живая клетка, имея более тонкое и сложное устройство, нежели звезда, коррелирует с более содержательной информацией, обнаруживаемой в генетическом коде ДНК.

Но если не существует информационной причинности, то не существует и ментальной причинности, ибо ментальные феномены представляют собой форму бытия информации, и тогда сознание превращается в «номологического бездельника», что противоречит рассмотренному выше экзистенциальному требованию. Чтобы справиться этим противоречием, прежде всего, заметим, что детерминизм в отношении строгости выстраиваемого прогноза может быть лапласовским или больцмановским. *Лапласовский детерминизм* предполагает строгую причинную обусловленность событий физического порядка и физических параметров, описывающих состояние материальной системы. *Больцмановский детерминизм* предполагает строгую причинную обусловленность вероятностного распределения событий физического порядка и физических параметров, описывающих состояние материальной системы. Лапласовский детерминизм присущ классической физике, тогда как больцмановский детерминизм появляется в неклассической (квантовой) физике. Причем статистические законы, действующие в классической физике (например, в термодинамике), в действительности означают не больцмановский характер детерминизма, а наличие скрытых параметров, апелляция к которым превращает статистические (вероятностные) законы в нестатистические (строгие). Но вероятностные законы квантовой механики носят не гносеологический, а онтологический характер, и поэтому их нельзя превратить в строгие законы лапласовского типа никакой апелляцией к скрытым параметрам.

В силу энергоинформационного принципа всякая передача информации сопровождается передачей энергии, и всякая передача энергии сопровождается пе-

редачей информации, т.е. информация и энергия образуют единое материальное целое. Значит, информационное событие X_2 следует за информационным событием X_1 лишь постольку, поскольку за физическим событием Y_1 , которое ассоциируется в единое материальное (энергоинформационное) целое с информационным событием X_1 , следует физическое событие Y_2 , которое ассоциируется в единое материальное (энергоинформационное) целое с информационным событием X_2 . Поэтому правильно говорить не о причинно-следственной взаимосвязи между двумя последовательными событиями информационного порядка X_1 и X_2 , а об их ассоциативной взаимосвязи, которая обуславливается причинно-следственными отношениями между физическими событиями Y_1 и Y_2 , коррелирующими с X_1 и X_2 .

В силу принципа супервентности корреляция между информационными и физическими событиями в рамках единого материального (энергоинформационного) целого имеет неоднозначный характер, поскольку одно и то же информационное событие может коррелировать с разными событиями физического порядка, тогда как одно и то же физическое событие может коррелировать только с одним событием информационного порядка, что, как мы видели, на ментальном уровне бытия обеспечивает единство переживающего субъекта (который сохраняет тождество в разных физических состояниях) и возможность интерсубъективного понимания (которое позволяет двум физически различным субъектам находиться в одном интенциональном состоянии). Следовательно, зная корреляцию между физическими и информационными событиями, мы можем по первым предсказывать вторые в рамках лапласовского детерминизма и по вторым предсказывать первые в рамках больцмановского детерминизма, если знаем вероятность образования физических структур, соответствующих данному информационному состоянию. С учетом физического состояния субъекта мы можем делать строгие выводы относительно его ментального состояния, тогда как с учетом ментального состояния субъекта мы можем делать лишь вероятностные выводы относительно его физического состояния.

Пусть за информационным событием X_1 следует информационное событие X_2 , и в рамках единого материального (энергоинформационного) целого совокупность физических событий $Y_1^1, Y_1^2, \dots, Y_1^{N_1}$ образует множество возможных коррелятов информационного события X_1 , а совокупность физических событий $Y_2^1, Y_2^2, \dots, Y_2^{N_2}$ – множество возможных коррелятов информационного события X_2 . Тогда на физическом уровне бытия каждый элемент из множества физических событий $Y_1^1, Y_1^2, \dots, Y_1^{N_1}$ является потенциальной причиной (с определенной вероятностью) каждого элемента из множества физических событий $Y_2^1, Y_2^2, \dots, Y_2^{N_2}$ (рис. 2). В итоге мы приходим к бoльцмановскому детерминизму, откуда вытекает, что информационные корреляты физических событий имеют квантово-онтологический характер, т.е. существуют в рамках квантовой онтологии, но не классической.

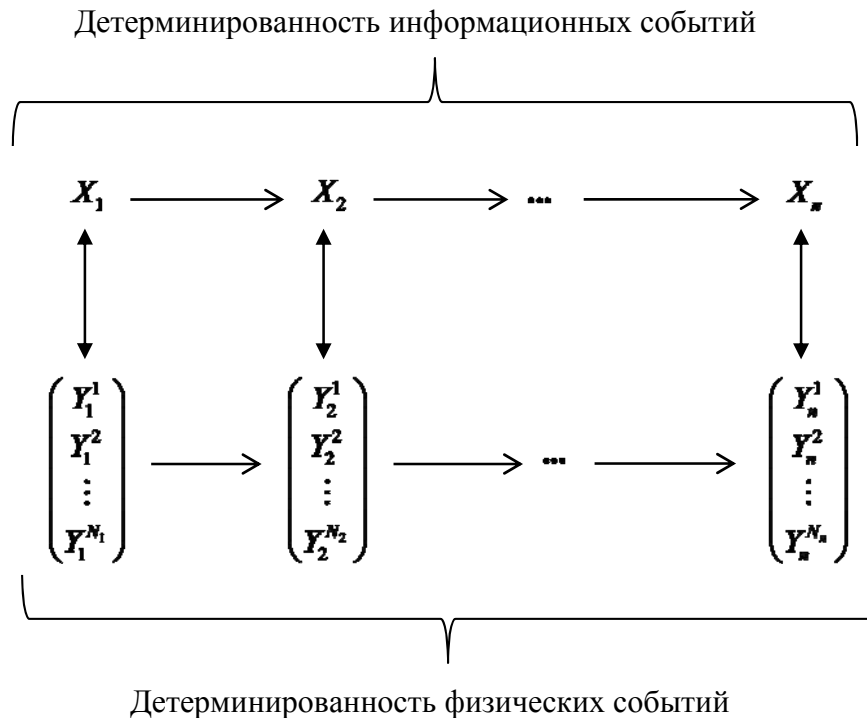

Рис. 2. Корреляция между детерминированными последовательностями информационных и физических событий

Причинно-следственная цепочка информационных событий $X_1 \rightarrow X_2 \rightarrow \dots \rightarrow X_n$, будучи строго определенной, подчиняется лапласовскому детерминизму, в то время как коррелирующая с ней цепочка физических событий $Y_1^1, Y_1^2, \dots, Y_1^{N_1} \rightarrow Y_2^1, Y_2^2, \dots, Y_2^{N_2} \rightarrow \dots \rightarrow Y_n^1, Y_n^2, \dots, Y_n^{N_n}$, будучи вероятностно определенной, подчиняется больцмановскому детерминизму. Поэтому классический мир — это чисто информационный мир, где каждый объект представляет собой чувственно воспринимаемый образ, за которым скрывается суперпозиция возможных физических событий. Иными словами, мир сам по себе есть совокупность суперпонируемых возможностей, одна из которых реализуется в виде чувственно воспринимаемой реальности. Со всяким информационным событием X_i коррелирует суперпозиция физических событий $Y_i^1, Y_i^2, \dots, Y_i^{N_i}$, после коллапса которой (в виде единственного физического события Y_i^j) часть информации, упакованной в X_i , теряется, и мы переходим от квантового мира к классическому.

С каждым физическим событием Y_i^j коррелирует информационное событие X_i^j , частью которого является информационное событие X_i , т.е. $X_i \subseteq X_i^j$. Поэтому информационное событие X_i^j можно представить в виде суммы $X_i^j = X_i + \tilde{X}_i^j$, где \tilde{X}_i^j — информационное событие, принадлежащее X_i^j , но не принадлежащее X_i . Реализация дополнительной информации (в виде определенного физического события), принадлежащей информационному событию \tilde{X}_i^j , приводит к коллапсу совокупности суперпонируемых событий $Y_i^1, Y_i^2, \dots, Y_i^{N_i}$, в результате чего реализуется физическое событие Y_i^j . На ментальном уровне бытия это означает, что в зависимости от интерпретации чувственных данных, которая осуществляет коллапс суперпозиции возможных физических событий, мы получаем разные картины мира (точнее разные наблюдаемые миры) Y^1 и Y^2 , не совместимые в одной и той же линейной последовательности событий физического порядка, за счет дополнительных информационных данных \tilde{X}^1 и \tilde{X}^2 . Однако разные наблюдаемые миры Y^1 и Y^2 имеют пересекающуюся область Y благодаря существованию общего информационного пространства X , которое определяется соотношениями

$X^1 = X + \tilde{X}^1$ и $X^2 = X + \tilde{X}^2$, где X^1 – информация, коррелирующая с наблюдаемым миром Y^1 , а X^2 – информация, коррелирующая с наблюдаемым миром Y^2 , в отсутствии дополнительных информационных данных \tilde{X}^1 и \tilde{X}^2 . Иными словами, при $\tilde{X}^1 = \emptyset$ и $\tilde{X}^2 = \emptyset$ имеем равенство: $Y = Y^1 = Y^2$. Поэтому субъекты, принадлежащие одной и той же физической реальности, могут существовать в разных мирах не только символически (репрезентативно), но и онтологически (бытийно), т.е. действовать, исходя из разных принципов, описывающих устройство окружающей реальности, и добиваться практически значимых результатов. Например, картины мира ученого и шамана кардинально различаются, но это не мешает им обоим, опираясь на разные законы бытия, обусловленные разными информационными данными, которые интерпретируются субъектом, совершать действия, приводящие в их картине мира к ожидаемым и прогнозируемым результатам. Причем последние могут быть зафиксированы как первым, так и вторым в общей для них разделяемой реальности, обусловленной едиными информационными данными, которые коррелируют с разными физическими событиями. Западный врач прописывает больному лекарство, которое в рамках его картины мира стимулирует в теле больного химические и нейрофизиологические реакции, приводящие к выздоровлению. В отличие от этого, шаман, опираясь на иную картину мира, отыскивает с помощью духов, которые ему служат, потерянную душу больного и возвращает ее в физическое тело, после чего также наступает выздоровление. При этом факт выздоровления больного фиксируется в общей разделяемой реальности и западным врачом, и шаманом, тогда как события, способствующие этому, для них обоих принадлежат разным мирам, которые формируются в результате энергоинформационных процессов развертывания скрытого (имплицитного) порядка бытия в совокупность чувственно воспринимаемых объектов. Иными словами, дополнительные информационные данные, которые конституируют ментальный опыт западного врача и шамана, приводят к формированию разных чувственно воспринимаемых миров, но в ситуации, когда роль этих данных несущественна, как первый, так и второй воспринимают одну и ту же классическую реальность. Таким образом, ментальный опыт представляет собой квантовый эффект нело-

кального взаимодействия мозга со всем окружающим миром, в результате чего реализуется одна из онтологических возможностей скрытого (импликативного) порядка бытия.

Схожей точки зрения на природу ментального опыта придерживается В.В. Васильев, который полагает, что ментальные феномены порождаются нелокальным взаимодействием мозга с окружающим миром, что, с одной стороны, обеспечивает каузальную действенность сознания, а, с другой стороны, сохраняет его приватный характер. Однако позиция В.В. Васильева, которую он сам обозначает как интерналистский интеракционизм (в отличие от экстерналистского интеракционизма, который признает взаимно-однозначное соответствие между физическим состоянием мозга и переживаемым ментальным опытом), в конечном счете, приходит к теории панпротопсихического типа, ибо «приватные ментальные состояния являются необходимыми онтологическими условиями реализации нелокальной физической причинности»⁵⁸. Ведь нелокальная физическая причинность наблюдается на всех уровнях физического бытия, в том числе и на уровне взаимодействия элементарных частиц, и, следовательно, уже элементарным частицам, пребывающим в квантово-запутанном состоянии, должны быть присущи какие-то ментальные состояния.

Далее возникает закономерный вопрос: что именно задает вероятность того или иного события в рамках бoльцмановского детерминизма и существуют ли причины, объясняющие, почему в действительности реализуется одна из суперпонируемых возможностей, в то время как другие суперпонируемые возможности бесследно исчезают? Чтобы ответить на поставленный вопрос, выделим два типа причинности – продольную и поперечную. *Продольная причинность* обуславливает линейную последовательность физических событий, когда прошлое физическое событие выступает в качестве причины, а будущее – в качестве следствия по отношению к физическому событию, происходящему в настоящий момент времени. *Поперечная причинность* обуславливает выбор единственного варианта из набора суперпонируемых возможностей, когда квантовый мир пе-

⁵⁸ Васильев В.В. Сознание и вещи. Очерк феноменалистической онтологии. М., 2014. С. 139.

реходит в классический и теряется часть информации о предшествующем состоянии физической системы.

Продольная причинность (лапласовского или больцмановского типа) имеет физический характер и описывается уравнениями физической науки. В отличие от этого поперечная причинность не имеет физического характера и не описывается уравнениями физической науки, поскольку если произошло квантовое событие Y_i^j (которому соответствует вероятность p_i^j) из набора суперпонируемых возможностей $Y_i^1, Y_i^2, \dots, Y_i^{N_i}$ (причем вероятность p_i^j может принимать наименьшее значение), то никакие законы физики не позволяют объяснить, почему произошло именно событие Y_i^j , а не какое-либо другое из набора суперпонируемых возможностей $Y_i^1, Y_i^2, \dots, Y_i^{N_i}$. Следовательно, причина коллапса суперпозиции возможных состояний имеет не физический, а информационный характер, что не допускает существования скрытых параметров, с помощью которых можно было бы свести больцмановский детерминизм к лапласовскому.

Рассмотрим известный эксперимент, в котором одиночными электронами обстреливается экран с двумя щелями. На заднем плане располагается фотопластинка, которая фиксирует места попадания электронов, оказавшихся по другую сторону экрана. Если одна из щелей закрыта, то распределение точек на фотопластинке, фиксирующей места попадания электронов, напоминает распределение макроскопических шариков, которыми обстреливается экран. Если обе щели открыты, то распределение точек на фотопластинке, фиксирующей места попадания электронов, резко меняется и представляет собой уже интерференционную картину. Но самое удивительное происходит тогда, когда мы ставим пролетный детектор, желая узнать, через какую именно щель двигается тот или иной электрон. В этом случае интерференционная картина исчезает, и мы снова получаем распределение точек на фотопластинке, напоминающее распределение макроскопических шариков, которыми обстреливается экран. Данный эксперимент наглядно демонстрирует корпускулярно-волновой дуализм, согласно которому частица проявляет либо корпускулярные, либо волновые свойства в зависимости от усло-

вий физического наблюдения. Получается, что, когда открыты обе щели и отсутствует пролетный детектор, каждый электрон движется через обе щели одновременно, в результате чего интерферируют вероятности попадания электрона в то или иное место фотопластинки. Но если мы активируем пролетный детектор, то каждый электрон начинает вести себя аналогично корпускуле и проходит только через одну из щелей, как и подобает нормальному классическому объекту.

Учитывая энергоинформационный принцип и принцип супервентности, можно сказать, что до акта наблюдения электрон представляет собой информацию, с которой коррелирует множество физических состояний, и поэтому его движение представляет собой движение единого энергоинформационного пакета, который подвергается коллапсу лишь тогда, когда информации, определяемой взаимодействием электрона с другими физическими объектами, оказывается достаточно, чтобы нарушилась корреляция с изначально присущим ему набором суперпонируемых возможностей. В качестве единого энергоинформационного пакета электрон проходит через две щели одновременно и интерферирует сам с собой, демонстрируя поведение волнового характера. Но стоит ему только провзаимодействовать с фотоном, который испускается пролетным детектором, как тут же возникает дополнительная информация, не допускающая сохранения всего набора суперпонируемых возможностей и коррелирующая с физической системой, которая состоит уже не из одного электрона, а из электрона и фотона. В результате электрон переходит из квантового состояния в классическое (после чего информационные данные о его предыдущем наборе суперпонируемых возможностей теряются) и демонстрирует поведение корпускулярного характера.

Если пролетный детектор стоит между экраном и фотопластинкой, то в любом случае электрон в качестве единого энергоинформационного пакета проходит через две щели одновременно (точнее информация о том, через какую именно щель он прошел, бесследно исчезает, а вместе с этим становится бессмысленным вопрос, связанный с конкретной траекторией движения электрона до взаимодействия с фотоном), но за экраном в результате взаимодействия с фотоном происходит коллапс набора суперпонируемых возможностей и реализуется только одна

из них, после чего электрон «материализуется» в классическом виде возле одной из щелей. Почему такая материализация произошла возле одной щели, а не возле другой, определяется уже не физическими, а информационными факторами, которые сводятся к большому массиву информационных данных, коррелирующих с разными подсистемами Вселенной, т.е. к нелокальным энергоинформационным связям электрона со всем окружающим миром.

Именно в этом смысле можно говорить об информационной причинности, которая имеет поперечный характер и определяет реализацию единственного варианта из набора суперпонируемых возможностей, когда в локальном окружении рассматриваемого объекта накапливается достаточное количество информации, чтобы произошла декогеренция и совершился переход из квантового состояния в классическое. Однако ни о какой информационной причинности продольного характера речи идти не может, поскольку последовательное становление физических событий полностью описывается уравнениями физики и не нуждается в дополнительных факторах нефизического (информационного) порядка, что согласуется с принципом каузальной замкнутости физического мира. Кроме этого, поперечная информационная причинность, как это будет показано ниже, позволяет сохранить свободу воли сознающего субъекта в соответствии с экзистенциальным требованием, если допустить, что ментальный опыт представляет собой квантовую активность нейронных сетей головного мозга.

Таким образом, можно провести четкую демаркационную линию между квантово-информационным коррелятивизмом и детерминизмом, а также между квантово-информационным коррелятивизмом и параллелизмом. В случае детерминизма ментальные феномены порождаются нейронными процессами, протекающими в головном мозге человека, и наличие последних с необходимостью влечет за собой наличие первых, тогда как в случае квантово-информационного коррелятивизма такой необходимой связи не существует, и из наличия вторых с необходимостью не следует наличия первых в том смысле, что без нарушения каких-либо физических законов можно представить себе существование бессознательных зомби. Взаимосвязь между энергией и информацией носит не физиче-

ский, а метафизический характер, и определяется не априорно, а апостериорно как факт бытия материального сущего. С другой стороны, параллелизм предполагает отсутствие какой-либо взаимной обусловленности физических и ментальных процессов, протекающих параллельно и не оказывающих друг на друга никакого каузального влияния. В отличие от этого квантово-информационный коррелятивизм предполагает наличие взаимной обусловленности физических и ментальных процессов, поскольку, во-первых, информационные состояния обуславливаются физическими состояниями материального сущего, будучи информацией о его массе, заряде, энергии и т.д., и, во-вторых, физические состояния обуславливаются информационными состояниями материального сущего в силу действия поперечной информационной причинности.

§ 4. Темпоральность как основа онтологического единства физического и ментального бытия

Чтобы развести физические и ментальные события, показав, тем самым, существующий между ними дескриптивный и онтологический разрыв, необходимо рассмотреть их основные атрибутивные характеристики. К атрибутивным характеристикам физического бытия можно отнести 1) вещественность (физические объекты состоят из вещества и обладают рядом физических характеристик, таких, например, как масса, заряд, спин, импульс и энергия), 2) энергетическая активность (физические объекты обмениваются энергией и совершают физическую работу), 3) топичность (физические объекты локализуются в определенной области физического пространства), 4) объективность (физические объекты в качестве экзофеноменов познаются извне как существующие независимо от восприятия и мышления познающего субъекта), 5) онтологическая редуцируемость (физические объекты могут быть представлены без потери сущностных характеристик в виде суммы взаимодействующих элементов), 6) онтологическая несамотождественность (физические объекты не обладают предметным единством в сфере реально-

го бытия, поскольку каждый момент времени их элементы меняют свою конфигурацию и физическое состояние).

К атрибутивным характеристикам ментального бытия можно отнести 1) невещественность (ментальные феномены не состоят из вещества и не обладают физическими характеристиками), 2) энергичная пассивность (ментальные феномены не обмениваются энергией и не совершают физическую работу), 3) атопичность (ментальные феномены не локализируются в физическом пространстве), 4) субъективность (ментальные феномены в качестве эндофеноменов познаются изнутри как существующие имманентно восприятию и мышлению познающего субъекта), 5) онтологическая нередуцируемость (ментальные феномены не могут быть представлены без потери существенных характеристик в виде суммы взаимодействующих элементов), 6) онтологическая самоидентичность (ментальные феномены обладают предметным единством в сфере виртуального и интеллигибельного бытия, благодаря чему мы воспринимаем окружающий мир в его онтологической целостности и познаем общие закономерности в многообразии единичных событий).

Ментальные события обладают самоидентичностью в том смысле, что им присуще внутреннее единство, которое скрепляет в онтологическую целостность совокупность качественных данных, изменяющихся в темпоральном потоке сознания. В отличие от этого физические события не обладают самоидентичностью в том смысле, что им не присуще внутреннее единство, поскольку сами по себе они не образуют онтологическую целостность и постоянно меняются в темпоральном потоке Вселенной. Единство физического объекта принадлежит не ему самому, а чувственному восприятию и интеллектуальному описанию, тогда как сам по себе физический объект не обладает устойчивой эмерджентной целостностью. Поэтому сущность физического мира существует лишь на уровне психической репрезентации и является не онтологическим, а лингвистическим феноменом, ибо, как замечает Б. Рассел, «слово может иметь сущность, но вещь —

не может»⁵⁹. Ментальное сущее в отличие от физического обладает самоидентичностью, и это не только проводит четкую демаркационную линию между его бытием и бытием физических вещей, но еще и делает его существование уникальным в том смысле, что оно сохраняет свое онтологическое единство инвариантно трансформациям психического содержания.

Время, будучи общим свойством физических и ментальных событий, закрывает между ними онтологический и дескриптивный разрыв. Ментальный акт (восприятия, воспоминания, воображения, мышления, желания и т.д.) с необходимостью содержит в себе момент осознания длительности самого этого ментального акта. Если я осознанно рассматриваю вещь, то в моем перцептивном опыте присутствует компонента, которая формирует переживание темпорального потока даже в том случае, если наблюдаемый образ не обладает визуальной динамикой (как это характерно для медитативного созерцания). Причем эта компонента охватывает одновременно и феноменальный, и интенциональный аспекты сознания, поскольку темпоральный поток переживается как смена качественных состояний, собираемых в единое целое интенционально полагаемой предметностью. Изменение во времени, переживаемое ментальным субъектом, предполагает наличие двух необходимых составляющих: во-первых, качественных данных, которые изменяются в поле сознания, но не заключают имманентным образом онтологические связи с предыдущими качественными состояниями, и, во-вторых, интенциональных единств, которые остаются неизменными в поле сознания и позволяют фиксировать переход от одного переживаемого состояния к другому, не теряя онтологической связи между ними. Поскольку существуют неинтенциональные состояния психики, о которых уже говорилось выше, и сознание является неотделимым от переживания потока времени, то некоторые психические акты имеют вырожденную интенциональную структуру, т.е. их интенция актуально присутствует, но остается предметно пустой.

Интенциональность психических актов имеет два основных измерения — продольное и поперечное. *Продольная интенция* направляется на некий психиче-

⁵⁹ Рассел Б. История западной философии. М., 1993. С. 122.

ски схватываемый предмет (например, можно говорить о продольной интенции восприятия, направленной на предметное единство воспринимаемой вещи, или о продольной интенции мышления, направленной на предметное единство осмысливаемого понятия). В рамках *поперечной интенции* фиксируется единство переживающего субъекта как инвариантной структуры, присутствующей в многообразии психических переживаний и противопоставляемой многообразию интендируемой предметности.

В акте психического переживания с необходимостью наличествует, во-первых, собственно то, к чему относится переживаемое в психическом переживании (т.е. предмет психического переживания, интенционально полагаемый в качестве единства феноменального содержания психики), и, во-вторых, собственно тот, кто переживает переживаемое в психическом переживании (т.е. субъект психического переживания, переживающий феноменальные данные, которые собираются в единое целое интенционально полагаемым предметом). При этом переживаемый предмет, который обеспечивает продольное единство психического акта, и переживающий субъект, который обеспечивает поперечное единство психического акта, в качестве онтологических структур могут иметь не только определенный (идентифицируемый на сознательном уровне бытия), но и неопределенный (неидентифицируемый на сознательном уровне бытия) состав (например, в случае невротической тревоги, когда осознаваемый предмет психического переживания не поддается адекватной идентификации, или сновидения, когда адекватной идентификации не поддается сам переживающий субъект).

Таким образом, психический акт имеет двухмерную интенциональную структуру, поскольку направляется, во-первых, на переживаемый предмет, и, во-вторых, на переживающего субъекта. Значит, существует два основных вида интенционального единства психики: 1) продольное интенциональное единство, или предметное единство, которое определяется единством репрезентируемого предмета (в данном случае мы говорим о том, что репрезентируется один и тот же предмет в многообразии актуальных интенций), и 2) поперечное интенциональное единство, или субъектное единство, которое определяется единством репрезенти-

рующего субъекта (в данном случае мы говорим о том, что один и тот же репрезентирующий субъект переживает множество психических актов в отношении разных репрезентируемых предметов).

В определенных ситуациях интенциональная составляющая психического акта (как продольного, так и поперечного типа) вырождается, т.е. не поддается адекватной идентификации на сознательном уровне бытия. При этом следует отличать глубинную вырожденность интенциональной структуры психического акта от поверхностной. В первом случае соответствующая структура интенционального акта не имеет предметной наполненности, тогда как во втором случае она имеет предметную наполненность, но не идентифицируется адекватным образом на сознательном уровне бытия. Например, адекватным образом не идентифицируется предмет психического переживания в ситуации галлюцинирования, когда человек принимает виртуальный образ за реальное бытие, или в случае невротической тревоги, когда переживающий субъект не может точно определить, с чем именно связано его тревожное состояние, и тогда следует говорить о поверхностной вырожденности продольной структуры интенционального акта. Если же человек, находясь в состоянии гипнотического или сомнамбулического транса, неадекватным образом идентифицирует собственную личность, то тогда следует говорить о поверхностной вырожденности поперечной структуры интенционального акта.

К психическим актам с глубинной вырожденностью интенциональной структуры относятся элементарные ощущения, которые сами по себе ничего не говорят о том, что именно ощущается в ощущении (например, само по себе переживание оранжевого цвета ничего не говорят о том, какой именно предмет переживается в качестве оранжевого). Кроме этого можно выделить особый класс медитативных переживаний, в которых исчезает сам переживающий субъект, в результате чего переживаемое переживается, вещи воспринимаются, эмоции чувствуются, а мысли думаются без присутствия субъекта, центрирующего акты переживания. Так, например, «буддизм обращает внимание на иллюзорность “Я”, на то, что на самом деле нет ничего устойчивого, что могло бы быть названо “Я”.

Дзэн-буддизм учит о необходимости избавления от самосознания, показывает, что дает не-самосознательность (му-син)»⁶⁰. Как замечают М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский, сознание само по себе вовсе не предполагает наличие структуры Я, и поэтому можно говорить о поле сознания как о ментальной сфере, которая первична по отношению к дихотомии «субъект – объект». М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский в своей работе «Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке» пишут: «...“Я” не существует как структура сознания, но соответствует определенному состоянию сознания»⁶¹. Однако полная потеря Я лишает сознание поперечного интенционального единства, и тогда сознание как именно свидетельствование внутренней субъективной жизни исчезает. Поэтому правильно говорить не о поле сознания, лишенном онтологического центра, а о вырожденности поперечной интенции, когда субъект, обеспечивающий единство психической жизни, существует как суперпозиция ментальных состояний, оставаясь замкнутой в себе информационной структурой. Суперпозиция ментальных состояний декогерирует в результате межличностного взаимодействия подобно тому, как суперпозиция физических состояний декогерирует в результате взаимодействия физических систем, и поэтому если межличностное взаимодействие не приводит к декогеренции ментальных состояний (т.е. не происходит противопоставления одного субъекта другому субъекту), то рассматриваемый субъект оказывается в психотическом состоянии, не будучи способным отличить реальное положение дел от воображаемого, что объясняет многие психиатрические расстройства личности.

Поперечное интенциональное единство имеет темпоральный характер, поскольку психические акты, которые репрезентируют разные интенционально полагаемые предметы, скрепляются в единое онтологическое целое линейной последовательностью в общем потоке времени. Поэтому сознание неотделимо от переживания времени, в котором существуют предметные данности чувственного и интеллектуального опыта. Если я осознаю психическое состояние, в котором

⁶⁰ Бескова И.А. Эволюция и сознание (когнитивно-символический анализ). М., 2001. С. 91.

⁶¹ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1997. С. 74.

нахожусь, то непременно переживаю длительность самого этого акта осознания как необходимое условие ментального бытия феноменально и интенционально полагаемого сущего. Осознавая психическое состояние, я ощущаю и свое собственное движение во времени или, что, по сути, то же самое, движение времени через мое субъективное сознание. Именно это движение, а точнее его ментальное переживание, и есть сознание как таковое. С прекращением этого движения прекращается и сознание, после чего переживающий субъект погружается в бессознательную сферу бытия. Вместе с тем переживание длительности ментального акта формирует внутреннее психологическое время субъекта, которое не тождественно объективной длительности самого этого ментального акта, но неотделимо от последнего и присутствует в любых ментальных состояниях.

Таким образом, сознание фиксирует настоящий момент времени и движется вместе с ним в темпоральном потоке, сохраняя самоидентичность переживающего субъекта и связанной с ним последовательности ментальных событий. При этом речь идет о внутреннем настоящем моменте времени сознающего субъекта, который может сознавать себя пребывающим «сейчас» в прошлом или будущем, а не в том моменте времени, когда это происходит с внешней, объективно-астрономической точки зрения. В итоге мы приходим к выводу, что сознание, фиксирующее настоящий момент времени, представляет собой систему отсчета, относительно которой происходит дифференциация темпорального потока событий на прошлое, настоящее и будущее.

Отсюда возникает проблема, связанная с тем, каким образом темпоральный поток дифференцируется на прошлое, настоящее и будущее в отсутствии сознающего субъекта, поскольку если такая дифференциация невозможна, то онтологическим основанием не только внутренней, но и внешней темпоральности оказывается ментальная субъективность, что делает сознание необходимым условием бытия Вселенной (по крайней мере, в ее временной развертке) и, как следствие, приводит нас к идеалистическому мировоззрению. В своей работе «Феноменология восприятия» М. Мерло-Понти показывает, что в отсутствии сознания бессмысленно говорить о фиксации событий в настоящем моменте времени, ибо та-

кая фиксация означает, по сути, осознанное созерцание. Поскольку же в отсутствии осознанного созерцания настоящий момент времени теряет свою онтологическую основу, то ее теряют прошлые и будущие моменты времени, в результате чего разрушается структура темпорального потока, в котором происходят события окружающего мира. Таким образом, сознание центрирует темпоральный поток, задавая систему отсчета, необходимую для того, чтобы вообще можно было говорить о течении времени (т.е. о становлении событий), ибо вне осознанного созерцания время останавливается, и все события оказываются существующими одновременно в идеальном метафизическом пространстве, что не соответствует научным представлениям об изменяющейся и эволюционирующей Вселенной. Поэтому без сознающего наблюдателя (созерцателя) темпоральный поток событий (т.е. время как таковое) не существует, ибо «субъективность и является собственно временем, как можно говорить вслед за Гегелем, что время – это бытие духа, или вместе с Гуссерлем рассуждать о самоконституировании времени»⁶².

Еще Аристотель обратил внимание на логическую проблему, связанную с дефиницией понятия времени. Определяя время как считаемое число и учитывая, что число становится считаемым лишь в сознании человека, он пришел к выводу, что бессмысленно говорить о времени вне человеческой души. Действительно, понятие времени определяется через понятие движения как его неотъемлемой меры, поскольку время измеряется движением в виде какого-то периодического процесса, будь то обращение Земли вокруг Солнца или электромагнитные колебания в кварцевом генераторе. Но вместе с тем и понятие движения определяется через понятие времени как опять-таки его неотъемлемой меры, поскольку движение измеряется временем и вне темпорального потока говорить о движении бессмысленно. В итоге мы приходим к логическому кругу, избежать которого удастся только в том случае, если определить время не через движение, а через что-то иное, например, через разные модусы бытия становящегося сущего (в качестве которых метафизика Аристотеля предлагает бытие-в-возможности и бытие-в-действительности).

⁶² Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 309-310.

Материалистическая наука также сталкивается с серьезными трудностями в отношении бытия времени, поскольку в объективно существующей Вселенной временной поток не имеет физического смысла. По этому поводу американский физик П. Девис в своей книге «Пространство и время в современной картине Вселенной» пишет: «Одна из наиболее непостижимых загадок физики состоит в том, что элементарное сознательное восприятие времени – поток, или перемещение момента “теперь”, – не имеет места в физическом описании объективного мира. Обусловлено ли это недостатками самой физики, которая не уделяет достаточного внимания роли сознательного Я во Вселенной, или же течение времени представляет собою иллюзию, совершенно не ясно»⁶³.

Дело в том, что признание объективного движения времени с необходимостью влечет за собой и признание объективного движения момента «теперь». Но момент «теперь» фактически не движется, ибо он всегда есть, по сути, неподвижное настоящее, относительно которого только и происходит разделение на прошлые и будущие события. Следовательно, никакого темпорального потока не существует, а существует лишь поток событий, проходящих из будущего в прошлое через неподвижный момент «теперь» подобно тому, как движение киноплёнки через объектив проектора создает иллюзию изменяющегося мира. Но тогда становление наблюдаемой Вселенной оказывается субъективным феноменом, и вслед за И. Кантом необходимо признать, что время – это трансцендентальная форма внутреннего чувства (т.е. чувства самосознания), а не объективная форма бытия материи. Если же все-таки сохранить за темпоральным потоком способность двигаться, то в этом случае возникает вопрос о его собственной скорости движения, т.е. фактически о существовании иного времени, относительно которого только и можно говорить о движении времени наблюдаемого материального мира. Тогда перед нами открываются два основных варианта понимания скорости изменения темпорального потока. Во-первых, мы можем признать в качестве второго темпорального измерения само внутреннее время феноменального сознания, что тут же сделает нас субъективными идеалистами. Во-вторых, мы можем обра-

⁶³ Девис П. Пространство и время в современной картине Вселенной. М., 1979. С. 20.

таться к теории Д. Данна, признающей существование бесконечного ряда временных потоков, каждый из которых движется относительно другого. Таким образом, остается открытым вопрос о физической природе объективного времени, которому в окружающем мире соответствует субъективное переживание темпорального потока событий. П. Девис в этом отношении честно и прямо заявляет: «Никогда не было физических опытов, которые позволили бы установить течение времени. Если обратиться к объективному миру окружающей действительности, то ход времени пропадает, как ночной призрак»⁶⁴.

Об этом же свидетельствует известное уравнение Уилера-де-Витта, приписывающее Вселенной в целом только такие квантовые состояния, для которых гамильтониан полной энергии равен нулю. Его решение не содержит времени, что указывает на то, что время – это всего лишь математический параметр, который изначально вводится в физические формулы для удобства, а в конечном решении исчезает подобно тому, как в ряде геометрических задач, связанных, например, с измерением длины кривых линий или площади неевклидовых поверхностей, оно также используется в качестве математического параметра на начальных стадиях вычислений, но отсутствует в конечных уравнениях. Фактически это означает, что Вселенная в целом существует вне темпорального потока во всех своих возможных состояниях одновременно, а ее эволюционное становление при смене одного действительного состояния другим происходит в интерсубъективном времени, которое конституируется сознанием наблюдающих субъектов. Эту метафизическую мысль высказали физики-теоретики Д. Пейдж и У. Вуттерс, согласно которым часы, измеряющие время внутри Вселенной, находятся в квантово-запутанном состоянии с окружающим миром в целом, и поэтому имманентный наблюдатель (т.е. пребывающий внутри Вселенной) воспринимает темпоральный поток событий, тогда как трансцендентному наблюдателю (т.е. пребывающему вне Вселенной) кажется, что воспринимаемый объект (Вселенная в целом) не имеет никакой темпоральной динамики в рамках суперпозиции бесконечного (или очень большого) количества одновременно существующих возможных состояний.

⁶⁴ Девис П. Пространство и время в современной картине Вселенной. М., 1979. С. 279.

Таким образом, сознание – это всегда сознание времени, а время – это всегда время сознания, поскольку, с одной стороны, сознание неотделимо от темпоральности осознаваемых событий, а, с другой стороны, понятие времени бессмысленно вне субъективной фиксации момента «теперь». К тому же осознание потока времени предполагает трансцендентную по отношению к нему локализацию сознающего субъекта, ибо восприятие движения системы отсчета становится возможным лишь в сравнении с иной системой отсчета, движущейся относительно первой. Поэтому осознание темпорального потока или движения момента «теперь» возможно только в том случае, если сам сознающий субъект пребывает вне осознаваемого времени. Отсюда следует, что мы должны либо признать, опираясь на теорию Д. Данна, наличие множества темпоральных потоков (как минимум двух), либо согласиться с тем, что сознающий субъект пребывает вне времени вообще, т.е. в вечности.

Чтобы сохранить материалистические позиции, необходимо переосмыслить понятие времени и подорвать утверждение, согласно которому время неотделимо от сознания и понятие времени предполагает понятие субъективности. Объективируя время, часто ссылаются на второй закон термодинамики, согласно которому энтропия замкнутой системы не убывает, за счет чего мы можем фиксировать направленную стрелу темпорального потока. Однако такая точка зрения не выдерживает критики, поскольку она не дает возможности объективно фиксировать момент «теперь» и не позволяет говорить о течении времени вне процесса наблюдения рассматриваемой материальной системы, пребывающей в суперпозиции состояний. К тому же термодинамическая стрела времени обнаруживается лишь в процессах неравновесного характера, тогда как становление систем, находящихся в равновесии, оказывается симметричным относительно временного параметра.

Последние достижения науки позволяют утверждать, что фиксация момента «теперь» в отсутствии сознающего субъекта происходит за счет онтологической определенности прошлого и онтологической неопределенности будущего. Действительно, обратимость времени и зависимость темпорального потока от субъективного созерцания сохраняются только в том случае, если мы стоим на позициях

лапласовского детерминизма, утверждающего, что онтологически определенным является как прошлое, так и будущее (которое при этом может оставаться лишь гносеологически неопределенным в смысле недостатка информации об объективном положении дел), и, следовательно, любой момент времени может быть принят за момент «теперь» без какого-либо противоречия закономерностям материального бытия. Однако ситуация кардинально меняется в рамках больцмановского детерминизма, когда момент «теперь» объективно фиксируется в качестве границы между строго определенным прошлым и вероятностно определенным будущим. Данное положение дел, как замечает В.А. Фок в своей статье «Об интерпретации квантовой механики», укореняется «в вероятностном характере описания, в силу которого необходимо отличать потенциально возможное от осуществившегося, в учете относительности к средствам наблюдения», а также «в новом понимании принципа причинности, согласно которому этот принцип непосредственно относится к вероятностям, т.е. к потенциально возможному, а не к действительно осуществляющимся событиям»⁶⁵. Таким образом, перемещение момента «теперь» становится уже не субъективным феноменом, а объективным процессом реализации возможностей физического бытия.

Обратимыми оказываются причинно-следственные цепи продольного характера, т.е. имеющие отношение к физической стороне бытия материального сущего, тогда как причинно-следственные цепи поперечного характера, т.е. имеющие отношение к информационной стороне бытия материального сущего, обратимостью не обладают. Когда материальное сущее переходит из одного состояния в другое, то часть информации бесследно исчезает, и поэтому обратный переход становится невозможным. Таким образом, движение момента «теперь» обуславливается информационной динамикой материального сущего, а не физической стороной бытия. Поэтому во всех уравнениях физики, куда входит временной параметр, можно поменять знак последнего на противоположный и пустить время вспять без нарушения каких-либо физических законов.

⁶⁵ Успехи физических наук. 1957. Т. LXII, вып. 4. С. 473.

Физические и информационные события образуют единое материальное целое, бытие которого тождественно времени. В результате усложнения материальных систем информационные события становятся событиями ментального порядка. Следовательно, единство объекта и субъекта (физического и ментального), делающее возможным познание окружающего мира, имеет темпоральную природу. Поэтому исследование темпоральной организации физического мира приводит к информационным процессам как необходимому условию объективного потока событий, а исследование темпоральной организации ментального опыта, со своей стороны, приводит к информационным процессам как необходимому условию субъективного переживания времени.

§ 5. Генезис сознания как закономерный этап эволюции информационных систем

В процессе эволюции Вселенной физические системы (бытие которых полностью объясняется физическими законами) преобразуются в биологические (которым, в отличие от физических систем, присуще самоуправление на основе генетической информации), биологические системы преобразуются в психические (которым, в отличие от биологических систем, не обладающих психикой, присуще внутренне переживаемое содержание субъективно-феноменального опыта), и психические системы преобразуются в социальные (которым, в отличие от психических систем, не объединенных в социальные группы, присуще наличие общей разделяемой символической реальности виртуального и интеллигибельного характера). Соответственно можно говорить о четырех видах информации – физической, биологической, психической и социальной.

В плане построения универсальной онтологии мира с соблюдением материалистического принципа возникают трудности при переходе, во-первых, от физического бытия к биологическому, во-вторых, от биологического бытия к психическому, и, в-третьих, от психического бытия к социальному. Первую трудность назовем семантической, вторую – феноменальной, а третью – интерсубъективной.

Если мы стоим на материалистических позициях и полагаем, что физическая материя первична, т.е. во время Большого взрыва существовали только физические частицы и поля, взаимодействующие согласно физическим законам, то мы должны объяснить, каким образом могли возникнуть, во-первых, из неживых систем живые организмы (как становится возможным, что материальные системы генерируют информационные тексты в виде молекул ДНК и РНК), во-вторых, из бесчувственных организмов психические субъекты (как становится возможным, что материальные системы генерируют переживаемый изнутри феноменальный состав психики), и, в-третьих, из психических субъектов социальные группы, которые продуцируют символические пространства культуры, религии, искусства и науки (как становится возможным, что материальные системы генерируют общую разделяемую реальность и наполняют ее единым смысловым содержанием).

Семантическая трудность обуславливается тем, что биологическое бытие возникает из физического в результате формирования информационного кода, посредством которого физическое существо внутри себя самого кодирует свое собственное субстратное и функциональное устройство. Биологические (живые) существа отличаются от физических (неживых) систем заключенной внутри них генетической информацией, которая представляет собой своеобразную инструкцию по сборке, позволяющую живому организму воспроизводить отдельные свои структурные элементы и себя самого в целом. Поэтому проблема возникновения жизни, в первую очередь, обуславливается проблемой образования информационного текста, который нельзя отождествить с упорядоченной физической структурой. По этому поводу Е. Седов и Д. Кузнецов, доказывающие истинность креационизма через наличие в окружающем мире информации, понимаемой как феноменальное содержание, которое не редуцируется к физическому уровню бытия, замечают, что «лингвистический символ или последовательность букв лишь несут в себе тот смысл и ту информацию, которыми наделил буквы источник информации по правилам языковой конвенции... Экзогенная информация вводится в сим-

вол только посредством языковой конвенции»⁶⁶. Если изначально семантической информации (т.е. информации, которая представляет собой содержательно наполненные информационные данные, а не просто меру упорядоченности физических структур) не существует, а затем она появляется в результате усложнения материального мира, то произойти это может лишь в силу нефизических причин, ибо физические причины способны уменьшать энтропию, но неспособны продуцировать тексты, т.е. создавать упорядоченные системы, которые обладают семантической (нефизической) феноменологией, что противоречит материалистическому принципу.

В рамках квантово-информационной модели сознания информация, будучи коррелятом физических процессов, сама по себе обладает значимостью, но не действительностью, ибо действует всегда физическая система, проявляя силы физического порядка. Поэтому на физическом уровне бытия информационный текст, записанный в молекуле ДНК, представляет собой упорядоченную последовательность физических объектов, которая по определенному алгоритму (не имеющему в своей онтологической основе ничего сверхъестественного и полностью определяемому законами физического и химического бытия) переводится в иную упорядоченную последовательность физических объектов (т.е. последовательность нуклеотидов переводится в последовательность аминокислот) посредством дополнительных физических структур (участвующих во внутриклеточном синтезе белка) и реализуется в виде физических и химических процессов (благодаря которым аминокислоты, собранные в белки, выполняют специфические функции в рамках живого организма, и, как следствие, живой организм взаимодействует с другими живыми организмами и физическим окружением в целом). Но тогда получается, что информационный текст, записанный в молекуле ДНК, в действительности текстом не является, поскольку не включает в себе никакой семантической компоненты и полностью сводится к синтаксической последовательности знаков (в качестве которых на физико-химическом уровне бытия выступают нуклеотиды), а мы называем его таковым лишь потому, что это дает нам удобную и

⁶⁶ Седов Е., Кузнецов Д. В начале было слово... СПб., 1994. С. 11.

компактную репрезентацию большого количества физико-химических процессов, протекающих в живой клетке.

Чтобы справиться с этой трудностью, прежде всего, разберемся в том, какого рода информация присуща физическому уровню бытия материи. Согласно энергоинформационному принципу, всякий физический объект включает в себе информацию о своих физических параметрах, таких, как масса, заряд, энергия и импульс⁶⁷. Для трансцендентного наблюдателя параметры физического объекта находятся в суперпозиции возможных значений, что имеет не гносеологический, а онтологический характер. Для имманентного наблюдателя реализуется одна из онтологических возможностей, и на уровне его взаимодействия с физическим объектом последний переходит из квантового состояния в классическое. Исходя из этого, назовем информацию, которая существует на физическом уровне бытия и дополняет энергию до единого материального целого, *операциональной*, поскольку она определяется операциями (алгоритмами), реализуемыми во взаимодействии разных физических объектов. Если материальная система регулярно повторяет какое-то действие, оказываясь в определенных условиях, то такое действие является вычислительным алгоритмом и ему соответствуют информационные данные, задающие каузальную взаимосвязь между «стимулом» и «реакцией» или между событием, которое существует «на входе», и другим событием, которое существует «на выходе» (рис. 3). Информационные процессы операционального типа сопровождают все физические процессы, которые реализуют перевод одного символического ряда «на входе» в другой символический ряд «на выходе». Например, взаимодействие протона и мю-мезона можно представить в виде информационного процесса, в рамках которого «на входе» мы имеем два символа в виде протона и мю-мезона, а «на выходе» – соответственно два символа в виде нейтрона и мюонного нейтрино.

⁶⁷ С учетом специальной теории относительности А. Эйнштейна правильно говорить не об энергии и импульсе отдельно, а о едином четырехмерном векторе энергии-импульса, который инвариантен по отношению к преобразованиям Лоренца.

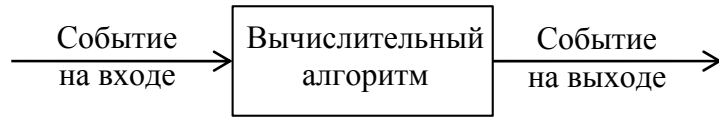

Рис. 3. Структура поведения физической системы, в основе которого лежит операциональная информация

Соответствие между «входом» и «выходом», реализуемое на физическом материале, определяет информацию операционального типа, знание которой позволяет предсказывать поведение материальной системы при заданных начальных условиях. Причем такое предсказание носит лапласовский характер, если мы имеем дело с классическими системами, и больцмановский характер, если мы имеем дело с квантовыми системами. В первом случае доминирует продольная (физическая) причинность, во втором случае существенной становится поперечная (информационная) причинность.

По мере усложнения физических систем усложняется и информационная компонента бытия, в результате чего операциональная информация трансформируется в *функциональную*, определяемую не только алгоритмом перевода физической системы из одного состояния в другое, но еще и данными об особом образцовом состоянии, которое служит ориентиром для комплекса вычислительных операций. Формирование образцового состояния обуславливается поперечной причинностью, когда в сложно устроенной физической системе большая совокупность операциональных данных, которые присущи отдельным элементам, продуцирует новые информационные данные эмерджентного типа, характеризующие всю физическую систему в целом, но не ее отдельные элементы. Таким образом, формирование эмерджентных свойств происходит не только на физическом уровне бытия материи, но и на информационном. Появление эмерджентных информационных качеств знаменует переход информации с операционального уровня на функциональный, который имеет телеологическую (целевую) компоненту бытия в виде особого образцового состояния.

Эмерджентный характер информационных качеств соответствует интенциональному аспекту информации, поскольку представляет собой единство множества информационных данных операционального типа. Будем называть интенциональный аспект функциональной информации первичным смыслом или первичной семантической компонентой информационных данных. Поэтому на уровне функциональной информации появляются информационные тексты, которые отличаются от простых физических структур с уменьшенной энтропией наличием первичного смысла или первичной семантической компоненты, не присущей информации операционального типа. Следует особо подчеркнуть, что первичный смысл существует вне мышления человека (например, в информационном тексте ДНК) и представляет собой эмерджентное единство совокупности информационных данных, коррелирующих с элементами сложно устроенной (упорядоченной) физической системы. Смысловая интенция информационных текстов или отдельных предложений (т.е. материальных структур, эндофеноменальное бытие которых образует эмерджентные целостности) «направляется» на образцовое состояние, управляющее поведением рассматриваемой материальной структуры в ее взаимодействии с другими материальными структурами.

Используя терминологию Р. Пенроуза, можно сказать, что информационные процессы операционального типа имеют нисходящую организацию, которая «построена в соответствии с некоторой прозрачной и хорошо структурированной фиксированной вычислительной процедурой», тогда как информационные процессы функционального типа имеют восходящую организацию, которая характеризуется тем, что «четкие правила выполнения действий и объем данных заранее не определены, однако вместо этого имеется некоторая процедура, определяющая, каким образом система должна “обучаться” и повышать свою эффективность в соответствии с накопленным “опытом”»⁶⁸. Таким образом, восходящая организация алгоритмов, которые регулируют поведение физической системы, предполагает, что после выполнения ряда операций физическая система оценивает эффективность действий, сравнивая наличное состояние с образцовым, в результате

⁶⁸ Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М., 2005. С. 43-44.

чего происходит коррекция поведенческих паттернов, нацеленных на достижение образцового состояния.

Необихевиористы Ю. Галантер, Д. Миллер и К. Прибрам предложили универсальную модель ТОТЕ (Test – Operate – Test – Exit), которая структурирует поведение любой физической системы на функциональном уровне бытия информации (рис. 4). Сначала физическая система производит тестирование, в результате которого наличное состояние сравнивается с образцовым (желаемым). Если обнаруживаются различия, то по заданному алгоритму совершается операция, направленная на их устранение. Затем снова производится тестирование, и если различия не исчезают, то опять выполняется операция, направленная на устранение различий. Такие циклы, состоящие из первичного теста, операции и вторичного теста, продолжают до тех пор, пока наличное состояние физической системы не уравнивается с образцовым (желаемым). После достижения цели происходит остановка или ставится новая цель в виде образцового (желаемого) состояния. В результате совершения ряда безуспешных операций, которые не устраняют различия между наличным и образцовым состоянием, физическая система может использовать иной вычислительный алгоритм, эффективность которого также тестируется по количеству операций, необходимых для достижения соответствия наличного и образцового состояния. Любое целенаправленное действие имеет универсальную структуру ТОТЕ, будь то стремление поймать добычу, посолить суп, забить гвоздь или стать счастливым.

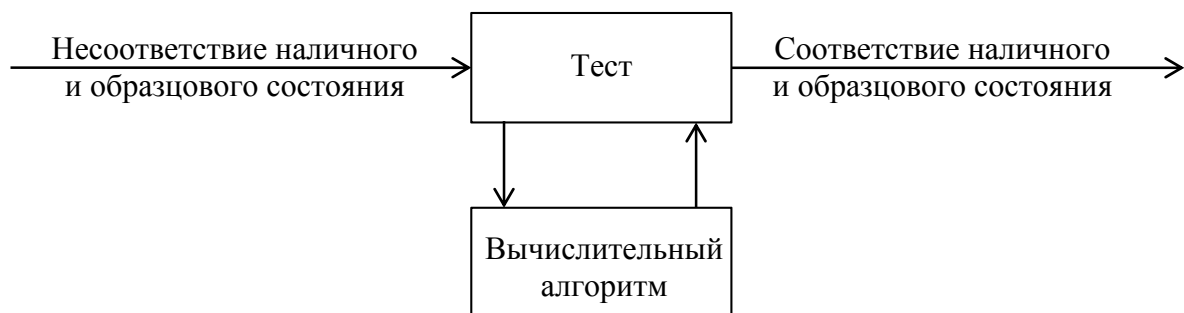

Рис. 4. Структура поведения физической системы, в основе которого лежит функциональная информация

На уровне операциональной информации физическая система содержит информационные данные только о своем наличном состоянии (о том, какая у нее масса, заряд, температура, энтропия и т.д.). В проявленном (классическом) модусе бытия эти данные касаются одного единственного реализованного состояния, тогда как в непроявленном (квантовом) модусе бытия они касаются множества возможных нереализованных состояний. В процессе усложнения физической системы возникают новые эмерджентные данные, которые в проявленном (классическом) модусе бытия представляют собой информацию об особом образцовом состоянии, регулирующем в качестве потенциально существующей цели поведение физической системы. Иными словами, физическая система как эмерджентное целое содержит в себе информационные данные, которые не присущи отдельным элементам и выражают наиболее вероятное состояние в соответствии с поперечной (информационной) причинностью. Если в результате декоренции множества возможных состояний и перехода из непроявленного (квантового) модуса бытия в проявленный (классический) модус бытия на операциональном уровне информации остаются информационные данные только о наличном (реализованном) состоянии физической системы, то на функциональном уровне информации остаются еще и информационные данные об ведущем (нереализованном) состоянии физической системы, которое служит образцом для сравнения с наличным состоянием и руководящей целью в организации взаимодействия с окружающей энергоинформационной средой. Информационные данные о ведущем (образцовом) состоянии, которые имеют эмерджентный характер и формируются в результате действия поперечной причинности в сложно устроенных (и потому несущих в себе большое количество операциональной информации) физических системах, представляют собой информационные тексты (первичные смыслы), кодирующие информацию уже не просто о том, что существует в настоящем, а о том, что может существовать в потенциальном будущем как наиболее вероятный исход событий в рамках поперечной причинности, связанной с информационным бытием рассматриваемой физической системы. Наиболее вероятное будущее может и не реализо-

ваться при условии, что этому будут препятствовать какие-то внешние или внутренние обстоятельства, обусловленные продольной причинностью, но в рамках поперечной причинности вектор информационного действия направлен в сторону ведущего (образцового) состояния.

Совокупность кодов, задающих операциональные данные, подчиняется физической закономерности, устанавливающей взаимосвязь между последовательностью кодов «на входе» и последовательностью кодов «на выходе», тогда как на уровне функциональных данных формируется метакод (первичный смысл), который представляет собой, во-первых, единство совокупности информационных кодов и, во-вторых, единство совокупности энергетических процессов. При этом информационные метакоды (первичные смыслы) кодируют поведение физической системы в целом, которое, тем не менее, может быть редуцировано на физическом уровне бытия к поведению отдельных элементов в силу действия поперечной информационной причинности. Информационные данные эмерджентного типа остаются самотождественными при физическом изменении подсистем, образующих физическую систему, с которой коррелирует рассматриваемая информация. Можно сказать, что метакоды (первичные смыслы) представляют собой эмерджентную организацию совокупности информационных кодов, а совокупность метакодов (первичных смыслов) образует информационный текст, задающий поведение физической системы в целом. На операциональном уровне физическая структура в качестве кода кодирует информацию о параметрах самой этой физической структуры, тогда как на функциональном уровне физическая структура в качестве метакода кодирует информацию о параметрах иной физической структуры, что и позволяет говорить о первичной семантической компоненте информационных данных (например, последовательность нуклеотидов в молекуле ДНК кодирует последовательность аминокислот в молекуле гемоглобина). При этом физическая система в целом, частью которой является структура, выступающая в качестве функционального метакода, ориентирована на ведущее состояние, энергетическая реализация которого представляет собой процесс считывания упакованной в этой структуре функциональной информации (например, живая

клетка считывает информацию, записанную в молекуле ДНК, и реализует ее в виде физико-химических процессов, синтезирующих белок).

Таким образом, семантическая трудность разрешается, и мы можем утверждать, что на определенном уровне энергоинформационной организации материальных систем операциональная информация трансформируется в функциональную за счет действия поперечной (информационной) причинности, которая увеличивает вероятность какого-то одного образцового состояния из всей суперпонируемой совокупности возможных состояний и сохраняет информационные данные об этом образцовом состоянии даже тогда, когда физическая система переходит из непроявленного (квантового) модуса бытия в проявленный (классический). Информационные данные, упаковывающие сведения о ведущем (образцовом) состоянии, представляют собой информационный текст, поскольку они указывают на то, чего в реальности не существует, т.е. на то, что существует как идеальный смысл, влияющий на поведение системы в реальном бытии. Поэтому возникновение информационных текстов, а, значит, и живых организмов, которые отличаются от неживых систем наличием «инструкции», направляющей их поведение в соответствии с информационными (идеально-смысловыми) образцами, носит не случайный, а закономерный характер, обусловленный поперечной (информационной) причинностью. В результате удается разрешить парадокс, связанный с тем, что вероятность случайного возникновения живой клетки из химического «бульона», существовавшего на Земле три с половиной миллиарда лет назад, согласно вычислениям известного британского астронома и космолога Ф. Хойла, равна 10^{-57800} , что меньше вероятности того, что торнадо, пронесшийся над свалкой, случайным образом соберет летающий «Боинг». Жизнь на Земле возникла не случайно, а закономерно в результате действия поперечной причинности в сложно устроенных материальных системах, которые на информационном уровне бытия продуцируют эмерджентную информацию, содержащую в себе данные об идеальном (существующем в возможности) образцовом состоянии и не сводимую к информации, которую можно извлечь из отдельных элементов.

Феноменальная трудность обуславливается тем, что биологические системы, управляемые функциональной информацией, генерируют субъективно переживаемое содержание психики. В рамках философии сознания можно поставить следующий вопрос: каким образом кодовая взаимосвязь между физическими структурами, определяемая физическими законами, может породить ментальные (нефизические) феномены, которые обладают уникальной онтологией и не сводятся по существу к кодирующим структурам? Если мы не нарушаем полноту физической науки и не покушаемся на принцип каузальной замкнутости физического мира, то теряем феноменальное содержание психики и тем самым останавливаемся на позициях элиминативизма, который противоречит феноменистической предпосылке данного исследования. Если же мы полагаем, что кодовые зависимости не сводятся к взаимодействию физических элементов, то, оставаясь в рамках материалистического мировоззрения, сталкиваемся с необходимостью признать, что взаимосвязь между физическими событиями и сопровождающими их событиями ментального порядка либо обуславливается психофизическими законами, либо имеет случайно-исторический характер. В первом варианте, которого придерживается Д. Чалмерс, мы утрачиваем полноту физики, если допускаем действительность психической информации в поведении человека, ибо тогда на физическом уровне бытия появляются события, которые нельзя объяснить, опираясь на одни лишь физические законы. Во втором варианте, которого придерживается Д.И. Дубровскому, нельзя объяснить, почему вообще возникает феноменальное содержание психических переживаний, если не существует никаких законов, которые объясняли бы его возникновение, поскольку кодовые зависимости, характерные для функционального уровня информации и обеспечивающие самоуправление физических систем, не нуждаются ни в каком феноменальном содержании психического типа и могут реализовываться в бессознательных состояниях.

Исследование головного мозга человека в его физическом бытии позволяет обнаружить нейронные (нейрофизиологические, биохимические и биоэлектрические) коды ментальных переживаний, но само их феноменальное содержание при этом не обнаруживается никакими объективно-научными методами. Поскольку

же феноменальное содержание ментального опыта, очевидным образом, существует (ведь никто не будет сомневаться, что он имеет визуальное переживание, когда на что-то смотрит, аудиальное переживание, когда нечто слышит, и тактильное переживание, когда к чему-то прикасается, независимо от того, что, возможно, при этом видимое, слышимое и тактильно ощущаемое не присутствует в реальной действительности), то необходимо признать, что ментальное сущее не тождественно физическому сущему и обладает уникальной онтологией, которую нельзя априорно (дедуктивно) вывести из онтологии физического сущего даже при условии, что когда-нибудь мы будем знать совершенно все законы, которым подчиняется физическое бытие окружающего мира. Такие рассуждения, как было показано выше, в рамках аргумента знания Ф. Джексона наносят сокрушительный удар по редуктивно-материалистическому мировоззрению, согласно которому Вселенная имеет физическую основу и поэтому совокупность физических событий, в конечном итоге, исчерпывает всю совокупность событий вообще.

Психическая информация, в отличие от операциональной и функциональной, не сводится к каузальным отношениям между физическими объектами, и, значит, ее нельзя представить в виде последовательности вычислительных процедур нисходящего или восходящего типа. В отношении биологических организмов, не обладающих психикой, могут быть созданы точные кибернетические копии, что, в частности, подтверждается исследованиями, проводимыми в Институте систем информатики им. А.П. Ершова Сибирского отделения Российской академии наук по созданию цифровой модели круглого червя нематоды. Однако в отношении биологических организмов, обладающих психикой, подобного рода моделирование, в принципе, не может увенчаться успехом, поскольку психическая (субъективно-феноменальная) информация уже не поддается логико-вычислительному моделированию, что указывает на ложность концепции сильного искусственного интеллекта.

Схожей точки зрения придерживается Р. Пенроуз, который доказывает, что понимание, будучи сущностным признаком сознания, является невычислимым феноменом. По этому поводу он пишет: «Мое исследование признано показать,

что одними лишь внешними проявлениями “понимание” отнюдь не ограничивается, в связи с чем я утверждаю, что невозможно построить достоверную компьютерную модель даже внешних проявлений понимания»⁶⁹. Поэтому психическую информацию нельзя свести к информации операционального или функционального типа, ибо возникновение феноменального содержания переживаний не объясняется кодовыми зависимостями между физическими и информационными событиями.

Образцовое состояние, управляющее поведением физической системы, представляет собой информацию о наиболее вероятных свойствах, которыми физическая система может обладать в будущем при благоприятном стечении обстоятельств, однако само это образцовое состояние не является переживаемым изнутри психическим феноменом, относительно которого уместен вопрос: каково это – находиться в данном образцовом состоянии? Операциональная и функциональная информация первична в том смысле, что она содержит информационные данные о физических состояниях системы, тогда как психическая информация вторична в том смысле, что она содержит информационные данные о самих информационных данных, т.е. представляет собой метаинформационный феномен. Феноменальное (неинтенциональное) содержание психического опыта ничего не говорит о внешнем объекте, а лишь упаковывает информацию о том, посредством чего (посредством каких именно квалиа) осуществляется репрезентация интенционально полагаемого сущего. Психический образ есть инобытие репрезентируемого сущего в том смысле, что он воспроизводит отдельные черты и характеристики последнего средствами репрезентирующей системы. При этом интенциональные характеристики психического акта определяются репрезентируемым сущим, а феноменальные характеристики – репрезентирующей системой.

Психический организм в отличие от биологической системы, не обладающей психическим опытом, способен накапливать и обрабатывать информационные данные, поступающие извне, в виде новых информационных данных. Таким образом, в случае ментального опыта «объектом информации и ее преобразова-

⁶⁹ Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М., 2005. С. 79.

ний служат не просто внешние явления и ситуации и не просто внутренние изменения в организме, а уже сама информация о них как таковая (информация об информации)»⁷⁰. Биологические системы психического типа в отличие от биологических систем непсихического типа уже не просто реагируют на внешние раздражители, а создают их репрезентативные модели и оперируют с этими моделями, организуя собственное поведение. Поведение психического существа управляется в дополнение к инстинктам и рефлексам еще и процессами репрезентативного характера, т.е. информационными процессами, связанными с текстуальными последовательностями символов, которые генерируются в результате его активной жизнедеятельности и не сводятся полностью к работе генетического аппарата.

Психическому уровню бытия свойственна вторичная семантическая компонента, которая отличается от первичной тем, что интенционально указывает не на какое-то физическое состояние рассматриваемой материальной системы, а на ее информационное состояние, определяемое информацией операционального или функционального типа. Поэтому на уровне психики формируются вторичные смыслы, предметом которых являются первичные смыслы и которые могут существовать в отрыве от физической предметности (интендируемой в рамках первичной семантической компоненты информационных данных), что, в частности, обнаруживается в виде сновидений и галлюцинаций.

Операциональная информация представляет собой информационные данные о самом физическом носителе, по которым можно косвенно умозаключить о параметрах другого физического носителя. Причем эти данные относятся к наличному состоянию физического носителя в актуальный момент времени. Например, электрон в атоме водорода содержит информацию о своих физических характеристиках, таких, например, как масса, заряд и спин. По характеру поведения электрона можно дедуктивно умозаключить о присутствии иного заряда (протона), который заставляет его определенным образом двигаться в пространстве. Однако сам электрон на информационном уровне бытия не содержит никаких информационных данных о взаимодействующем с ним протоне. Ситуация меняется только в том

⁷⁰ Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М., 2007. С. 153.

случае, если два заряда находятся в квантово-запутанном состоянии, но тогда они оказываются несепарабельными, т.е. представляют собой единый материальный объект.

Функциональная информация, в отличие от операциональной, содержит не только данные об актуальном состоянии своего физического носителя, но также данные о потенциальном состоянии физической системы в целом, частью которой является рассматриваемый физический носитель. Например, ДНК желудка заключает в себе информацию о целостном зрелом дубе. Однако эта информация нуждается в расшифровке с привлечением дополнительных физических систем, без участия которых информативная структура превращается в структуру с уменьшенной энтропией и более уже не несет в себе искомой информации. Упорядоченная физическая структура с уменьшенной энтропией сама по себе не содержит способа расшифровки репрезентативного кода (сама по себе последовательность нуклеотидов в молекуле ДНК не говорит ничего определенного о том, какую именно последовательность аминокислот она кодирует, подобно тому, как сама по себе последовательность букв не говорит ничего определенного о том, какой именно смысл она выражает). Функциональная информация существует лишь во взаимодействии кодирующих и считывающих структур (если перенести молекулу ДНК во вселенную, где отсутствуют живые клетки, а, значит, и физические системы, которые обеспечивают процессы транскрипции и трансляции, осуществляющие расшифровку молекулы ДНК, то она утратит закодированное в ней информационное содержание, подобно тому, как напечатанный текст утратит закодированное в нем информационное содержание, если во Вселенной не останется ни одного человека, способного его прочитать).

Таким образом, функциональная информация, в отличие от операциональной, содержит данные не только об актуальном состоянии физического носителя, но и о ведущем (образцовом) состоянии, которое управляет поведением целостной системы, способной расшифровывать информационные данные. Например, отдельные участки молекулы ДНК в организме человека заключают в себе информацию об устройстве белка трансферрина, цвете глаз или типе нервной систе-

мы. Иными словами, физическая система, поведение которой управляется функциональной информацией (в рамках поперечной причинности), содержит данные о физическом состоянии, в которое она перейдет в будущем при благоприятном стечении обстоятельств (т.е. при условии, что внешняя среда не нарушит ее запрограммированного функционирования).

Операциональная и функциональная информация представляет собой информацию о состояниях физической системы, тогда как психическая информация в отличие от этого представляет собой информацию об информации операционального или функционального типа. В силу энергоинформационного принципа материальное сущее содержит в себе энергию (как способность к физическому действию в физическом пространстве-времени) и информацию (как данные о действительных и возможных состояниях рассматриваемого материального сущего). Если же сами информационные данные кодируются в виде метаинформационного кода, то такая вторичная информация имеет психический характер. Иными словами, психическая информация представляет собой репрезентацию информационных данных, которые отражают физическое состояние (потенциальное или актуальное) какого-то материального сущего. Например, визуальное и тактильное восприятие оранжевого апельсина в виде соответствующего визуального и тактильного переживания есть психическая информация, заключающая в себе данные об информации, которая принадлежит рассматриваемому оранжевому апельсину и выражает какие-то его физические параметры (форму, отражательную способность, вес и т.д.). Мы воспринимаем не сам мир как таковой в его собственном бытии, а его репрезентативный образ, который зависит в интенциональном аспекте от репрезентируемого сущего, а в феноменальном аспекте – от репрезентирующей системы. Репрезентативный образ есть психическая информация, которая содержит закодированные данные (т.е. метаинформационные данные, представленные в виде метаинформационного кода) о состоянии репрезентируемого сущего.

Однако сама по себе репрезентированная информация еще не объясняет наличие феноменального содержания субъективного опыта, ибо информация мо-

жет репрезентироваться не только на уровне человеческого, но и на уровне машинного языка, что, в частности, послужило основанием для возражения, которое Д. Чалмерс высказывает в письме Д.И. Дубровскому, замечая, что «открытым остается вопрос, почему информация не только репрезентируется, но и субъективно переживается», а также «хотелось бы узнать, при каких именно условиях репрезентированная информация сопровождается субъективным опытом и почему»⁷¹. Физическая структура, которая кодирует информацию не только о действительных и потенциальных параметрах каких-то физических структур, но и о самой информации, коррелирующей с их физическими состояниями, содержит дополнительные метаинформационные данные, коррелирующие с самим информационным состоянием физического носителя. Именно эти дополнительные метаинформационные данные и составляют психическую сферу бытия, которая обладает качеством переживаемости изнутри. Психические феномены переживаются изнутри постольку, поскольку они представляют собой метаинформационные данные, которые кодируют совокупность информационных данных, коррелирующих с физическим состоянием системы. Вторичные смыслы существуют только в рамках ментального опыта и не существуют за его пределами, как это свойственно для первичных смыслов, которые формируются на уровне функциональной информации.

Таким образом, психические переживания возникают в качестве метаинформационных состояний физических систем при условии, что материальное существо эволюционирует до информационного состояния, в котором оно содержит информационные данные о самих информационных данных, принадлежащих какому-то материальному существу. Информация об информации возникает в результате коллапса суперпозиции информационных состояний, вызванного накоплением достаточного количества функциональной информации, подобно тому, как коллапс суперпозиции физических состояний обуславливается накоплением достаточного количества информации операционального типа. На определенном этапе эволюционного развития информация, заключенная в физических системах,

⁷¹ Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Стратегия-Центр, 2007. С. 142.

достигает уровня функциональной сложности, который вызывает коллапс суперпозиции возможных состояний информационного порядка, подобно тому, как в иных ситуациях информация, надстраиваемая над физическими системами, достигает уровня операциональной сложности, который вызывает коллапс суперпозиции возможных состояний энергетического порядка. При этом энергетический коллапс сопровождается коллапсом информационных состояний, тогда как информационный коллапс не сопровождается коллапсом энергетических состояний, т.е. когда физическая система переходит из возможного бытия в действительное, информация о нереализованных физических состояниях стирается, но когда информационные данные переходят из возможного бытия в действительное, физическая система продолжает существовать в суперпозиции состояний, сохраняя тем самым информацию о нереализованных состояниях информационного порядка. Поэтому если физическое сущее не может иметь одновременно и квантовое (непроявленное), и классическое (проявленное) бытие, то психическое сущее, напротив, одновременно имеет и квантовое (непроявленное), и классическое (проявленное) бытие, т.е. находится в суперпозиции возможных состояний на бессознательном уровне психики и реализуется в виде единственного ментального состояния на сознательном уровне психики, что объединяет сознательное и бессознательное в единое психическое целое.

Физическое сущее до взаимодействия с другим физическим сущим пребывает в суперпозиции возможных состояний $(A_1^1, A_2^1, \dots, A_n^1)$, каждому из которых приписывается определенная вероятность $(p_1^1, p_2^1, \dots, p_n^1)$. После взаимодействия с другим физическим сущим и накопления достаточного количества информации операционального типа происходит декогеренция возможных состояний, в результате чего остается одно единственное состояние A_i^1 , которому до этого момента времени приписывалась вероятность p_i^1 , а информация обо всех других состояниях на уровне рассматриваемого физического сущего безвозвратно утрачивается. Затем энергоинформационный обмен физического сущего с окружающим миром ослабляется, и оно снова рекогеренцирует в суперпозицию возможных состояний (

$A_1^2, A_2^2, \dots, A_{n_2}^2$), каждому из которых приписывается определенная вероятность ($p_1^2, p_2^2, \dots, p_{n_2}^2$). И так продолжается до тех пор, пока существует рассматриваемое физическое сущее (рис. 5). С каждым физическим состоянием $A_1^i, A_2^i, \dots, A_{n_i}^i$ коррелирует информация операционального или функционального типа, в силу чего она так же, как и физическое сущее, может пребывать либо в суперпозиции потенциальных состояний, либо в одном единственном действительном состоянии.

Рис. 5. Становление физического сущего

Ситуация кардинально меняется на уровне психической информации, где сознательное (пребывающее в классическом состоянии) образует единое онтологическое целое с бессознательным (пребывающим в квантовом состоянии). В этом случае процессы декоренции и рекогеренции протекают параллельно, ибо с ментальным состоянием B^i связана суперпозиция возможных состояний бессознательного характера ($B_1^i, B_2^i, \dots, B_{n_i}^i$), каждому из которых приписывается определенная вероятность ($p_1^i, p_2^i, \dots, p_{n_i}^i$). Иными словами, всякому ментальному состоянию B^i соответствует n_i информационных состояний, на которые оно символически указывает и которые с определенной вероятностью могут быть проявлены в соответствующем психическом контексте (рис. 6). Таким образом, сообразно принципу топографического единства всякое ментальное событие в темпоральном потоке сознания сопровождается суперпозицией бессознательных состояний психики.

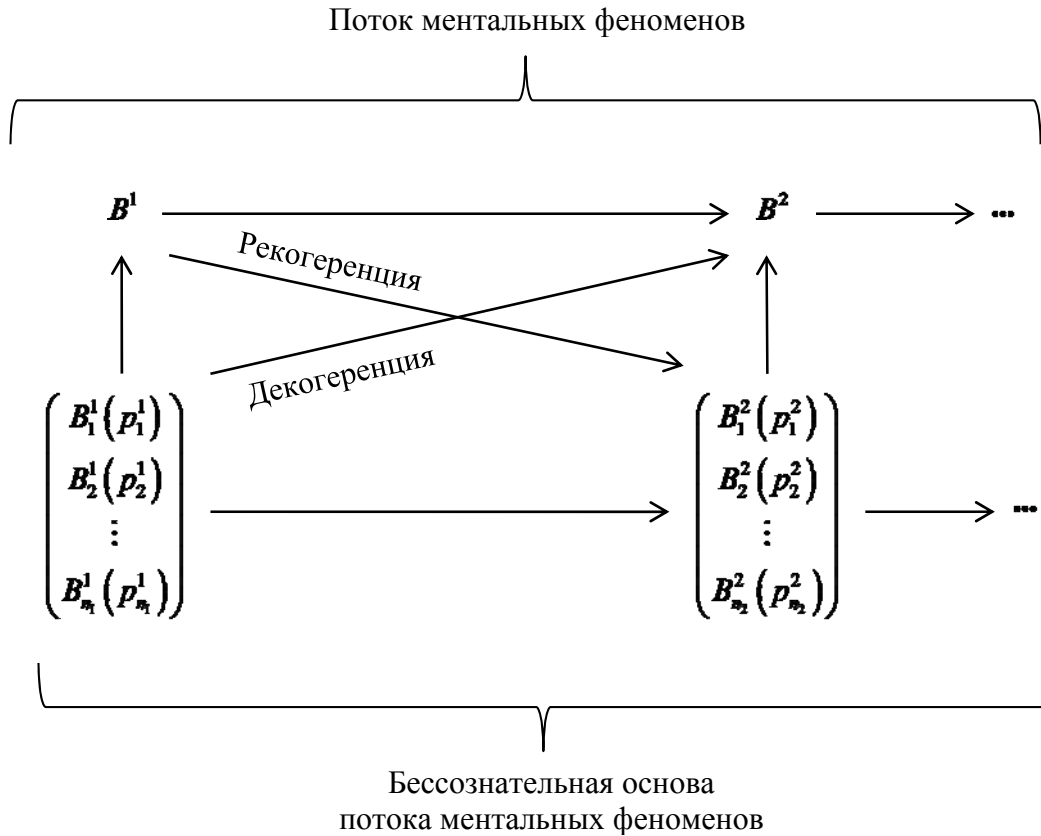

Рис. 6. Становление психического сущего

Дополнительные (вторичные) метаинформационные данные зависят не только от конфигурации физических элементов, но и от их вещественного состава, поскольку разный состав включает в себе разную операциональную информацию, лежащую в основе первичных информационных данных функционального типа. Поэтому вслед за Ф. Энгельсом можно сказать, что жизнь – «это форма существования белковых тел, существенным моментом которой является постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой и которая прекращается вместе с прекращением этого обмена веществ, ведя за собой разложение белка»⁷², поскольку именно белки, в отличие от иных химических соединений, обеспечивают по своему субстратному составу соответствующую информационную надстройку, которая порождает, в конечном счете, психический уровень бытия. Всякое ментальное переживание сопровождается нейронным процессом, с кото-

⁷² Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1953. С. 29.

рым оно необходимо коррелирует подобно тому, как электромагнитное поле возбуждается движущимися зарядами и не может ими не возбуждаться ни в одном из возможных миров, где существуют сами электрические заряды (поскольку по сущности электрический заряд есть собственно то, что возбуждает электромагнитное поле). Таким образом, функциональный изоморф, собранный из неорганического материала, сознанием обладать не будет, но если мы сконструируем точную копию человека из органического вещества, то она, в свою очередь, породит субъективно-ментальный опыт, обладающий психическим содержанием и существующий в отношении первого лица. Однако собрать точную копию человека в одной единственной Вселенной невозможно, ибо она будет иметь иную пространственную локализацию и, следовательно, иные физические характеристики, обусловленные нелокальными связями и единством всего материального мира в целом. Если же мы сконструируем точную копию Вселенной, то внутри нее наши материальные тела будут обладать точно таким же сознанием, как и мы сами, но это обстоятельство уже не противоречит субъективной уникальности каждого сознающего существа и недублируемости его самосознания, поскольку в силу отсутствия взаимодействия между параллельными вселенными невозможно сравнить субъекта и его материальную копию, и, следовательно, они оказываются онтологически тождественными, т.е. фактически одним и тем же материальным сущим. Однако эти рассуждения не распространяются на Мультиверс, включающий в себя множество универсов, среди которых существуют две идентичные и взаимодействующие вселенные, поскольку в этом случае последние будут иметь разную пространственную локализацию и, значит, разные физические характеристики, обусловленные нелокальными связями и единством всего Мультиверса в целом.

Психическая информация, состоящая из метаинформационных данных, представляет собой компиляцию множества информационных данных, которые определяются взаимодействием, во-первых, физической системы с другими физическими системами, и, во-вторых, отдельных подсистем физической системы друг с другом. В первом случае мы имеем дело с внешним восприятием, когда, напри-

мер, множество информационных данных об оранжевом апельсине, поступающих через органы чувств, компилируются в сенсорный образ. Следовательно, феноменальные квалиа представляют собой отдельные метаинформационные компиляции множества информационных данных операционального и функционального типа, тогда как единство этих метаинформационных компиляций образует интенциональное единство совокупности психических переживаний. Во втором случае мы имеем дело с внутренним восприятием, когда, например, множество информационных данных об оранжевом апельсине компилируются в сенсорный образ без наличия самого оранжевого апельсина, который в настоящий момент времени не действует на органы чувств воспринимающего субъекта. В результате формируются воображаемые психические феномены, а также феномены сновидений и галлюцинаций.

Интерсубъективная трудность заключается в том, каким образом во взаимодействии множества субъектов формируется общая коллективная разделяемая реальность и почему восприятие отдельного субъекта не остается только его личным субъективно-приватным восприятием. На социальном уровне бытия один субъект отличает себя в качестве индивидуального центра психического опыта от других субъектов и информационно выделяется из общего поля восприятия. Поэтому социальный уровень бытия предполагает самосознание, а самосознание, в свою очередь, формируется только на социальном уровне бытия. Действительно, информация о себе самом может быть получена только путем отражения своих действий в чем-то таком, что само обладает способностью к саморепрезентации, поскольку в противном случае познающий субъект не может выделить себя самого как познающего субъекта среди прочих познающих субъектов. Самосознание (саморепрезентация) носит социальный характер и зарождается только во взаимодействии субъектов, репрезентирующих саму репрезентацию.

Метарепрезентация, т.е. репрезентация самой репрезентации, формирует особый уровень символов, которые репрезентируют другие символы, используемые для репрезентации какой-то части реального мира. Этот метасимволический уровень бытия является необходимым условием языковой активности познающе-

го субъекта и позволяет отличать подлинный язык как средство социального взаимодействия, выходящее за пределы информационного обмена в сферу метаинформационной коммуникации, от псевдоязыка, используемого лишь для передачи определенного рода информации. В этом отношении подлинный язык не только передает информацию о чем-то предметном, но и фиксирует бытие самого говорящего, центрирует его и, тем самым, наполняет самосознанием. Именно это существенное обстоятельство отличает человеческий язык от языка животных или языка, на котором общаются кибернетические аппараты.

Строго говоря, можно выделить четыре вида языка – человеческий, животный, биологический и кибернетический. В рамках *человеческого языка*, во-первых, существует метасимволический уровень информации, который не совпадает с информационным уровнем репрезентируемой физической действительности, во-вторых, присутствует говорящий субъект, отличный от самого процесса говорения, и, в-третьих, наличествует выражаемое содержание, отличное от совокупности языковых символов. В рамках *животного языка*, во-первых, не существует метасимволического уровня информации, который не совпадает с информационным уровнем репрезентируемой физической действительности, во-вторых, присутствует говорящий субъект, отличный от самого процесса говорения, и, в-третьих, наличествует выражаемое содержание, отличное от совокупности языковых символов. В рамках *биологического языка*, во-первых, не существует метасимволического уровня информации, который не совпадает с информационным уровнем репрезентируемой физической действительности, во-вторых, не присутствует говорящий субъект, отличный от самого процесса говорения, и, в-третьих, наличествует выражаемое содержание, отличное от совокупности языковых символов. В рамках *кибернетического языка*, во-первых, не существует метасимволического уровня информации, который не совпадает с информационным уровнем репрезентируемой физической действительности, во-вторых, не присутствует говорящий субъект, отличный от самого процесса говорения, и, в-третьих, не наличествует выражаемое содержание, отличное от совокупности языковых символов. Человеческий и животный язык реализуются на уровне организмов, обладающих

психикой, тогда как биологический язык реализуется на уровне организмов, не обладающих психикой, которая в отношении физической конституции предполагает наличие развитого мозга и нервной системы. Биологический язык присущ, например, пчелам и муравьям, которые с помощью сложно организованной системы знаков передают друг другу определенного рода информацию и команды к коллективным действиям. На уровне биологического языка отсутствуют вторичные смыслы, но реализуются первичные смыслы, которые придают значимость поведенческим реакциям биологического организма. В отличие от этого на уровне кибернетического языка отсутствуют и первичные, и вторичные смыслы, приносимые в поведение механической системы со стороны мыслящего человека в виде интерпретаций и конвенциональных соглашений, которые сопоставляют действиям механической системы заданные значения, не присущие ей в рамках ее собственного автономного функционирования. Однако следует заметить, что при определенных условиях человеческий язык может вырождаться в псевдоязык животного, биологического или кибернетического типа (с сохранением психического субъекта, но потерей метасимволического и вторичного семантического уровней информационных данных), когда человек продуцирует бессознательную речь или его речь становится воспроизведением чужой речи без соответствующей психической ассимиляции.

В процессе социализации, как замечает Л.С. Выготский, происходит интериоризация межличностного взаимодействия, формирующая внутреннюю речь, которая сама по себе является необходимым условием мыслительной активности высшего уровня. Мышление неотделимо от языка, а язык неотделим от мышления, и поэтому по аналогии с четырьмя видами языка можно выделить четыре вида мышления: 1) *человеческое мышление*, для которого характерно наличие абстрактно-понятийного (метасимволического) уровня репрезентации, а также мыслящего субъекта и феноменального содержания психики, т.е. вторичной семантической компоненты мыслительных процессов, имеющих синтаксическую основу, 2) *животное мышление*, для которого характерно отсутствие абстрактно-понятийного (метасимволического) уровня репрезентации, но наличие мыслящего

субъекта, а также феноменального содержания психики, т.е. вторичной семантической компоненты мыслительных процессов, имеющих синтаксическую основу, 3) *биологическое мышление*, для которого характерно отсутствие абстрактно-понятийного (метасимволического) уровня репрезентации, а также мыслящего субъекта, но наличие первичной семантической компоненты мыслительных процессов, имеющих синтаксическую основу, и 4) *кибернетическое мышление*, для которого характерно отсутствие абстрактно-понятийного (метасимволического) уровня репрезентации, а также мыслящего субъекта и первичной семантической компоненты мыслительных процессов, имеющих синтаксическую основу. О кибернетическом мышлении можно говорить лишь постольку, поскольку известен конвенциональный код, позволяющий сопоставлять операциям, которые выполняет компьютер, определенные значения и смыслы, понятные человеку. Без знания искусственно созданного кода работа компьютера превращается в последовательность физических состояний, коррелирующих с информацией операционального типа, которая соответствует этим физическим состояниям, и не указывающих ни на какое иное информационное содержание.

На уровне ментального бытия в виде вторичной информации формируется *знание*, которое накапливается, хранится и транслируется в прямом или косвенном взаимодействии мыслящих субъектов. Знание в виде вторичной информации следует отличать от первичной информации операционального (нисходящего) или функционального (восходящего) типа, ибо она может существовать независимо от мышления человека (например, генетическая информация, записанная в молекуле ДНК) и становится знанием только тогда, когда подвергается *сторонней обработке* в физических системах, способных переводить ее в иную символическую последовательность. Такая сторонняя обработка информационных данных осуществляется в мышлении (человеческом или животном) познающего субъекта. Поэтому всякое знание является информацией, но не всякая информация является знанием, ибо в окружающем мире существуют информационные данные, не зависящие от сторонней обработки. Знание в виде вторичной информации существует только на уровне ментальной активности психического субъекта, тогда как на

уровне памяти оно хранится в виде первичной информации, преобразуемой во вторичную при каждом акте ментального воспоминания. Поэтому, строго говоря, информация, существующая на уровне памяти, знанием не является, а становится таковым лишь в результате перевода из первичной формы бытия во вторичную, т.е. в результате определенного рода физических (нейрофизиологических, биохимических и биоэлектрических) процессов, которые способствуют образованию метаинформационных данных на основе множества информационных данных операционального и функционального типа.

Когда два заряда вступают в электромагнитное взаимодействие, то между ними происходит энергетический и информационный обмен, но при этом неправильно говорить, что один заряд «знает» о другом заряде и «ощущает» его присутствие по действующей электромагнитной силе. Правильно говорить, что на информационном уровне бытия один заряд содержит в себе информационные данные, по которым можно умозаключить о присутствии другого заряда, но эти информационные данные становятся знанием только тогда, когда кодируются средствами сторонней физической системы, не имеющей непосредственного отношения к взаимодействующим зарядам, в виде символического кода, который определяется конвенциональным соглашением между познающими субъектами. Информационные данные о присутствии одного заряда можно извлечь из поведения другого заряда путем анализа этого поведения, в то время как извлечь информационные данные, закодированные с помощью последовательности символов в результате сторонней обработки, можно лишь благодаря определенному способу расшифровки, который имманентно не присущ самой последовательности кодирующих символов. Сколько бы мы не исследовали физический состав бумаги с распределенными на ней чернилами или параметры электрических токов в триггерных цепях компьютера, это не позволит нам без использования соответствующего способа расшифровки понять кодируемые информационные данные. Поэтому знание как результат сторонней обработки в отличие от первичной информации, которая сопровождает материальные процессы и соответствует их внутренней (эндофеноменальной) стороне бытия, существует лишь в момент расшифров-

ки и не существует за пределами мышления познающего субъекта. Если во Вселенной не останется ни одного мыслящего существа, умеющего читать книги и пользоваться компьютерами, но останутся сами книги и компьютеры, то говорить об информации, которая в них хранится, будет бессмысленно, ибо они превратятся в упорядоченные физические структуры с уменьшенной энтропией и никто уже не сможет сгенерировать, применяя алгоритм расшифровки, конвенционально присущие им информационные данные.

Знание может существовать либо в виде непроявленной суперпозиции вторичных смыслов на уровне бессознательной психики, либо в виде проявленной совокупности вторичных смыслов на уровне сознательной психики. В последнем случае мы имеем дело с символическим уровнем ментального опыта, на котором формируется феноменальное содержание, интенционально указывающее на совокупность информационных данных о внешнем состоянии репрезентируемого объекта или внутреннем состоянии репрезентирующей системы (т.е. самого мыслящего субъекта). На физическом уровне бытия существует операциональная информация, онтологический модус которой соответствует онтологическому модусу физической системы. Если физическая система находится в модусе возможного бытия (т.е. существует как суперпозиция непроявленных состояний), то соответствующие ей информационные данные также находятся в модусе возможного бытия (т.е. существуют как суперпозиции непроявленных состояний). Если же физическая система находится в модусе действительного бытия (т.е. существует как проявленное энергетическое состояние), то соответствующие ей информационные данные также находятся в модусе действительного бытия (т.е. существуют как проявленные информационные состояния). На уровне биологического бытия физическое состояние рассматриваемой материальной системы качественно не меняется и по-прежнему соответствует законам физического порядка, но ее информационное состояние в отличие от этого подвергается качественным трансформациям, в результате которых суперпозиция информационных кодов операционального типа реализуется в виде информационного метакода, представляющего собой первичный смысл или первичную семантическую компоненту информации.

На уровне психического бытия, не выходящего за пределы животного мышления, формируется феноменальный уровень психики, который переживается в сознании как совокупность чувственных квалиа и представляет собой информационные данные об информации операционального или функционального типа. При этом вторичная информация (вторичная семантическая компонента психического опыта) существует в виде суперпозиции информационных состояний, принадлежащих бессознательной сфере психики, тогда как сознательная сфера психики реализует интенции, соответствующие первичной информации (первичной семантической компоненте психического опыта). Поэтому мышление животных имеет бессознательный характер, и их поведение является результатом не осмысленных суждений, а неосмысленных инсайтов, связанных со спонтанным переструктурированием поля осознанного восприятия. И только на уровне социального бытия проявляется собственно человеческое мышление, для которого характерно формирование вторичных смыслов в сознательной сфере психики. Отсюда следует, что человеческое мышление потенциально существует в психической активности животных, но не реализуется на уровне сознательной психики, что и заставляет нас в определенных ситуациях проецировать на животных человеческие ментальные состояния. Осознание вторичных смыслов (вторичной семантической компоненты психического опыта) формирует метасимволический уровень репрезентации окружающего мира и позволяют нам создавать символические миры культуры, искусства, религии и науки, что не может быть реализовано на животном уровне мышления. Животные обладают знанием в виде вторичной информации, но их знание имеет бессознательный характер, ибо животные не знают, что именно они знают, т.е. им не свойственно понимание, тогда как человеческое знание имеет осознанный характер, ибо мы знаем, что именно знаем, и поэтому нам в отличие от животных свойственно понимание.

Исходя из этих рассуждений, следует логически развести непонимающее и понимающее сознание. *Непонимающее сознание* представляет собой свидетельство феноменальных квалиа без скрепляющей их в единое психическое целое осознаваемой интенциональной предметности (т.е. осознаваемого вторичного

смысла). Такое сознание свойственно животным и младенцам, которые различают отдельные объекты, но не понимают, что именно они видят, а также взрослым людям, впервые столкнувшимся с чем-то таким, для обозначения чего они не имеют соответствующих слов и понятий. *Понимающее сознание* подразумевает осознание вторичного смысла, который упаковывается в системе репрезентативных символов, интенционально указывающих на осмысляемый предмет.

Соответственно знание реализуется на уровне непонимающего сознания, в то время как понимание реализуется на уровне понимающего сознания. Вторичными смыслами оперирует только человек, тогда как животные и кибернетические устройства оперируют не вторичными смыслами, а информацией, которая лишена вторичной семантической компоненты, не сводимой к совокупности репрезентирующих символов. Робот не видит образов, но сравнивает сигналы, поступающие извне, что позволяет ему различать вещи; животные видят образы и реагируют на них в соответствии с безусловными и условными рефлексам, но не понимают, что именно они видят; в то время как человек на уровне понимающего сознания и видит образы, и понимает, что именно он видит.

Самосознание, язык (в его человеческой форме) и абстрактно-понятийное мышление (метасимволический уровень репрезентации в его интенциональном аспекте) возникают только на социальном уровне бытия во взаимодействии множества психических субъектов. Многочисленные факты, связанные с обнаружением «маугли», которые долгое время жили вдали от цивилизации, свидетельствуют о том, что социальная среда является необходимым условием развития языка и языкового понимающего сознания. Однако отсутствие последних вовсе не означает, что ребенок, выросший вне общества, живет во тьме бессознательности, ибо он продолжает функционировать на уровне непонимающего и псевдоязыкового (животного) сознания, осознавая свои психические переживания, например, боль, звуки, запахи и зрительные образы внешнего мира.

Далее возникает закономерный вопрос: каким образом соотносится языковая активность (в человеческой форме) с понимающим сознанием субъекта? Ведь, с одной стороны, речь может иметь бессознательный характер несмотря на то, что

ее содержание для стороннего слушателя покажется разумным и осмысленным, а, с другой стороны, понимающее (наполненное смыслом) сознание может иметь и внеязыковые проявления, как это наблюдается, например, в медитативных практиках дзен-буддизма. Однако в первом случае мы сталкиваемся с передачей информации не человеческого, а животного или кибернетического типа, когда внешним образом сознающий субъект проецирует на речевую активность другого субъекта смыслы и значения, но внутренним образом, т.е. в системе отсчета самого говорящего субъекта, если он пребывает в бессознательном состоянии, не существует языковой активности человеческого типа, ибо отсутствует осознание смыслового содержания физически произносимых звуков.

Во втором случае, если мы внимательно присмотримся к внеязыковым состояниям сознания, то обнаружим, что они отличаются от других ментальных состояний, в которых человек проявляет речевую активность, не отсутствием языковых структур, а иным качеством их ментального бытия. Действительно, речь как реализация языка может быть артикулированной или не артикулированной. Медитативные практики с выключенным внутренним диалогом предполагают речь, лишенную артикуляции, т.е. такую речь, символическая структура которой погружается в бессознательную психику (в виде суперпозиции возможных смыслов), тогда как на сознательном уровне бытия остаются не артикулированные (не названные) интенциональные единства, присущие языковой структуре (за счет чего внутреннее речевое безмолвие медитирующего человека качественно не тождественно внутреннему речевому безмолвию младенца). В отличие от этого обычные состояния сознания, сопровождающиеся внутренним диалогом, предполагают артикулированную речь, которая манифестирует на сознательном уровне бытия последовательность символов понимающего отношения к какому-то положению дел. Здесь можно провести аналогию с артикулированным и не артикулированным чтением текстов. В процессе артикулированного чтения осмысленное понимание возникает за счет проговаривания текста вслух или мысленно, тогда как не артикулированное чтение дает осмысленное понимание текста без внешнего или внутреннего проговаривания, на чем, в частности, и основывается техноло-

гия скоростного чтения. Таким образом, медитативные практики не выводят сознание человека за пределы речи, а лишь трансформируют ее, погружая большую часть символических структур в бессознательную психику и оставляя на поверхности сознания смысловую компоненту, изъятую из общего контекста языковой репрезентации. Поэтому можно сказать, что медитативная культура дзен-буддизма представляет собой не артикулированную форму бытия языковых интенций человеческого сознания.

Понимающее сознание человека проявляется в стихии символического (метасимволического) языка, который возникает на социальном уровне бытия и поэтому остается привилегией человека, но не животных, ибо последние в коммуникации друг с другом используют язык не символического, а знакового порядка, что, в частности, объясняет то обстоятельство, что никакая знаковая деятельность животных неспособна породить символическое пространство культуры. Знаки в отличие от символов сами по себе не имеют смысла для субъекта, использующего их в качестве репрезентативных форм. Знак принимается конвенционально (сознательно) или случайно-исторически (бессознательно) и не содержит в себе самом ничего такого, что указывало бы с необходимостью на означаемое, в то время как символ содержит в себе самом нечто такое, что ассоциативно связывает его с символизируемым предметом. Кроме этого знак становится символом лишь тогда, когда он начинает репрезентировать объект в его реальном отсутствии и когда операции с объектами заменяются операциями с символами, т.е. когда реализуется абстрактно-понятийное мышление.

В своей работе «Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства» С. Лангер, стоящая на позициях эволюционной психологии, пишет: «Знак – это нечто, в согласии с чем совершается действие, или некое средство для обозначения действия; а символ – это орудие мысли»⁷³. Отсюда С. Лангер делает вывод, что животные толкуют знаки, за счет чего образуются условные рефлексы, а люди интерпретируют символы, что проявляется в осознаваемых мыслительных актах. Другими словами, мышление животных – это мыш-

⁷³ Лангер С. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства. М., 2000. С. 59.

ление знаковое, представляющее собой бессознательный процесс, в основе которого лежат условно-рефлекторные взаимосвязи, а мышление человека может протекать и на сознательном уровне бытия, когда знаки трансформируются в символы и, расщепляясь на символизирующее и символизируемое, обретают собственную виртуальную и интеллигибельную внутренне-психическую жизнь. Бытие символизирующего в отрыве от символизируемого и есть бытие понимающего сознания, которое, в силу вышеприведенных рассуждений, недоступно животным.

Подобной точки зрения, согласно которой сущность осознанно-познающего бытия имеет символический характер, придерживаются такие мыслители (философы, психологи и антропологи), как Д. Дьюи, Э. Кассирер, В. Келлер, К. Коффка, Ж. Пиаже, Б. Рассел, Т. Рибо, А. Ритчи, А. Уайтхед и др. В частности, Э. Кассирер утверждает, что «человеческое познание по самой природе своей является символическим познанием»⁷⁴, а также подчеркивает, что все формы культурной жизни «суть символические формы. Вместо того чтобы определять человека как *animal rationale*, мы должны, следовательно, определить его как *animal symbolicum*»⁷⁵.

Таким образом, понимающее сознание человека – это феномен социального порядка, в то время как животные существуют на уровне непознающего сознания знакового типа, хотя нам и свойственно проецировать на них (впрочем, как и на человеческих младенцев) реакции более высокого сознательного уровня, который им в действительности не присущ (например, нам кажется, что наши домашние питомцы любят, ненавидят, затаивают злобу, испытывают стыд подобно тому, как это делаем мы, а иногда даже понимают смысл человеческой речи). Животные – это существа инстинктивно-рефлекторные, и поэтому их поведение, по большей части, носит бессознательный, автоматический характер. Однако данное положение дел несколько не исключает наличия у животных психики в модусе непознающего сознания, а, значит, и ментального опыта, который представляет

⁷⁴ Кассирер Э. *Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление.* М.; СПб., 2001. С. 23.

⁷⁵ Там же, с. 24.

собой осознанную фиксацию бессознательно продуцируемых переживаний, протекающих бесконтрольно и автоматически. В пользу наличия у животных ментального опыта свидетельствуют, в частности, эксперименты, поставленные на собаках и кошках, у которых были выключены зоны головного мозга, отвечающие за сонный паралич, после чего они демонстрировали поведенческие реакции, соответствующие виртуальной картине сновидения.

Обобщая вышесказанное, мы приходим к выводу, что непонимающее сознание может быть понято в двух основных смыслах: 1) как ассоциативное знание, т.е. совокупность психических переживаний, не соотнесенных на сознательном уровне бытия с интенционально полагаемым объектом, и 2) как диссоциативное знание, т.е. совокупность психических переживаний, соотнесенных на сознательном уровне бытия с интенционально полагаемым объектом, который не идентифицируется в виде символической конструкции (т.е. в виде осмысленного понятия). Понимающее сознание также может быть понято в двух основных смыслах: 1) как диссоциативное понимание, т.е. совокупность психических переживаний, соотнесенных на сознательном уровне бытия с интенционально полагаемым объектом, который идентифицируется в виде символической конструкции (т.е. в виде осмысленного понятия), и 2) как ассоциативное понимание, т.е. совокупность психических переживаний, соотнесенных на сознательном уровне бытия с интенционально полагаемым субъектом, который также идентифицируется в виде символической конструкции (т.е. в виде осмысленного понятия).

Сознание как *ассоциативное знание* представляет собой фиксацию феноменального содержания, которое надстраивается над процессами нейронного характера, но не сводится к ним по сущности. Такое сознание делает осмысленным вопрос, связанный с тем, каково это – переживать те или иные сенсорные данные, но имеет неинтенциональный (непредметный) характер, ибо не позволяет сказать ничего определенного в отношении 1) предмета переживания (который репрезентируется совокупностью феноменальных квалиа, данных в переживании) и 2) субъекта переживания (который переживает совокупность феноменальных квалиа, данных в переживании). Здесь еще нет деления на внутреннее и внешнее

бытие, т.е. на Я и не-Я. К ассоциативному знанию относятся элементарные ощущения (например, переживания боли, звука, цвета, запаха или вкуса), которые не заключают в себе никакого указания на репрезентируемый объект, а также элементарные эмоции как комплексы элементарных ощущений (например, переживания страха, гнева или радости), которые выражают психическую реакцию на определенное стечение обстоятельств без осмысления последних со стороны переживающего субъекта.

Сознание как *диссоциативное знание* представляет собой фиксацию множества качественных феноменов (квалиа) в предметном единстве темпорального потока, привязанного к переживающему субъекту. В акте диссоциативного познания набор феноменальных качеств соотносится с интенционально полагаемым объектом, который идентифицируется лишь постольку, поскольку его репрезентация сопровождается определенными чувственными переживаниями без какой-либо смысловой (символической) компоненты. Здесь уже появляется разделение на внешнее и внутреннее бытие, т.е. на Я и не-Я, в их онтологическом единстве, т.е. в темпоральном единстве сознающего субъекта. К диссоциативному знанию относятся чувственные образы, посредством которых выражается внешнее состояние репрезентируемого объекта или внутреннее состояние репрезентирующей системы.

Сознание в модусах диссоциативного и ассоциативного знания присуще животным, но не кибернетическим системам, поскольку последние, имея дело с функциональным уровнем информации, совершают логико-вычислительные действия, но не находятся в интенциональных или качественных состояниях, которые свойственны психическому уровню информационных данных.

Сознание как *диссоциативное понимание* раскрывает смысл совокупности переживаемых качеств, которые образуют единое онтологическое целое. В подобном сознании присутствует знание об объекте, который противопоставляется сознающему субъекту и интенционально полагается не просто в качестве информационного единства многообразия переживаемых данных, а в качестве референта интеллектуальной (символической) конструкции. Если ассоциативное и диссо-

циативное знание обладает вырожденной продольной и поперечной интенцией, то диссоциативное понимание обладает невырожденной продольной и поперечной интенцией, поскольку фиксирует в понятии информацию о каком-то репрезентируемом объекте или о самом репрезентирующем субъекте. В рамках диссоциативного понимания формируется символическая (абстрактно-понятийная) репрезентация реально существующего мира, а также несуществующих (воображаемых) миров, т.е. происходит разделение на актуальное и потенциальное бытие. Этот уровень сознания уже недоступен животным, ибо они репрезентируют окружающий мир, но не репрезентируют возможные способы репрезентации и не отличают возможное от действительного. Сознание в качестве диссоциативного понимания зависит от обмена информационными данными между взаимодействующими субъектами и не может развиваться в условиях социальной изоляции.

На уровне *ассоциативного понимания* сознающий субъект трансцендирует свои собственные онтологические границы, формируя представление не только о том, кто он есть по сущности, но и о том, кем он должен быть и чем является идеал осознанного бытия. Здесь сознающий субъект выбирает себя самого во множестве символических пространств (культуры, искусства, религии и науки), сгенерированных на уровне диссоциативного понимания, и преобразует свое бытие в соответствии с психически ассимилированными идеями и ценностями. Самоопределение сознающего субъекта имеет экзистенциальный характер, поскольку в процессе осознанного самоопределения формы репрезентации отождествляются с формами бытия сознающего субъекта.

Актуализация репрезентативных конструкций в качестве онтологических форм может иметь два противоположных полюса, один из которых предполагает принятие репрезентативной конструкции в неизменном виде, когда последняя жестко и ригидно встраивается в психический опыт субъекта, подчиняя себе уже существующие структуры или вступая с ними в конфликтное взаимодействие, а другой, напротив, сводится к изменению репрезентативной конструкции, когда последняя гибко и гармонично встраивается в психический опыт субъекта, образуя с уже существующими структурами непротиворечивое единое целое. В пер-

вом случае речь идет об интроекции репрезентативных форм, а втором – об их ассимиляции. Между интроекцией и ассимиляцией стоит аккомодация, которая заключается в видоизменении старого опыта под воздействием нового и которая примиряет два крайних полюса отождествления форм бытия и форм самопознания. Своего максимума аккомодация достигает в процессе интроекции репрезентативных форм, когда интроект, не подвергаясь видоизменению, начинает влиять на весь психический опыт в целом. Например, интроекция убеждения, что если человека любят, то он в безопасности, а если его не любят, то он в опасности, или убеждения, что если человека любят, то он существует, а если его не любят, то он не существует, приводит к тому, что человек начинает искать любовь в абсолютно любой ситуации и хочет понравиться совершенно всем людям, даже тем, которые ему неприятны. Своего минимума аккомодация достигает, напротив, в процессе ассимиляции репрезентативных форм, когда последние настолько подвергаются видоизменению, что теряют свою изначальную сущность и полностью сводятся к уже известному опыту. Например, такая предельная ассимиляция мифологии средствами научного мировоззрения приводит к обесцениванию экзистенциальной составляющей мифа и редукции последнего к простым выдумкам, сказкам, легендам и притчам, которые не имеют действительного отношения к бытию и оказываются оторванными от реальности символическими формами познания. Предельная ассимиляция одной культуры средствами другой влечет за собой уничтожение сущности первой, потери ее уникальных репрезентативных конструкций, обеспечивающих тождество бытия и мышления, что происходит, например, в диалоге различных религиозных мировоззрений, каждое из которых претендует на абсолютное и несокрушимое знание об окружающем мире. Аккомодация примиряет две репрезентативные крайности, с одной стороны, сохраняя старый опыт, а, с другой стороны, привнося новый, в результате чего новое знание не редуцируется к старому, а старое не обесценивается и полностью не заменяется новым. Поэтому аккомодация обеспечивает продуктивный диалог между разными мировоззренческими картинками, которые основываются на несовместимых базовых принципах.

На уровне диссоциативного понимания запускаются процессы интроекции, тогда как на уровне ассоциативного понимания сознающий субъект становится способным к ассимиляции и аккомодации, что делает его существом свободным и самоопределяющимся. Сознающий субъект на уровне ассоциативного понимания чувствует неудовлетворенность собой и стремится преобразовать себя самого, чтобы стать лучше и совершеннее, что ни в какой форме не присуще животным, ибо они не испытывают осознанной неудовлетворенности собственным бытием и не понимают духовного идеала, к которому следует стремиться. Поэтому бытие человека отличается от бытия животного символическим и трансцендирующим характером.

Чтобы качественно развести описанные выше формы ментального опыта, выделим четыре типа внутреннего единства, которые скрепляют психические события в онтологическую целостность: 1) темпоральное единство сознания, 2) поведенческое единство совокупности действий, продуцируемых сознающим субъектом, 3) смысловое единство репрезентируемого объекта и 4) экзистенциальное единство репрезентирующего субъекта. *Темпоральное единство* представляет собой единство ментального опыта в процессе изменения феноменальных качеств, которые надстраиваются над нейронными процессами, протекающими в головном мозге человека. *Поведенческое единство* представляет собой единство поведенческих реакций сознающего субъекта во взаимодействии с репрезентируемым объектом. *Смысловое единство* представляет собой единство психических переживаний на уровне интенционально полагаемого предмета, который остается неизменным в разнообразии направленных на него репрезентативных актов. *Экзистенциальное единство* представляет собой единство ментального опыта на уровне репрезентирующего субъекта, который осмысляет свое собственное бытие и остается неизменным в разнообразии интендируемой предметности. Соответственно сознание в качестве ассоциативного знания обладает только темпоральным единством, сознание в качестве диссоциативного знания обладает темпоральным и поведенческим единством, сознание в качестве диссоциативного понимания обладает темпоральным, поведенческим и смысловым единством, а сознание в качестве

ассоциативного понимания обладает темпоральным, поведенческим, смысловым и экзистенциальным единством.

Таким образом, существует четыре основных этапа онтогенетического (и, возможно, филогенетического, если предположить, что в данном случае так же, как и в рамках биологической эволюции, онтогенез повторяет филогенез) развития сознания. Сначала возникают разрозненные феноменальные квалиа в качестве метаинформационных образований, надстраиваемых над информационными процессами, которые протекают в нейронных сетях головного мозга. Здесь психический субъект еще не различает предметов, а просто созерцает калейдоскоп сенсорных ощущений, которые образуют единое феноменальное поле восприятия. Бессознательная психика существует в виде суперпозиции возможных качественных состояний. Далее субъект противопоставляет себя внешнему миру, идентифицирует отдельные объекты и совершает с ними ряд операций в соответствии с чувственными образами и информационными данными, полученными в процессе знаковой коммуникации с другими сознающими субъектами, но еще не идентифицируется сам в качестве носителя психических переживаний. Бессознательная психика существует в виде суперпозиции возможных поведенческих реакций, каждая из которых может быть проявлена на ментальном уровне бытия в результате инсайта (спонтанного переструктурирования поля осознания). На следующей стадии онтогенетического развития сознания формируется целостное восприятие окружающего мира. Субъект не просто воспринимает объекты в виде целостных образов, но наделяет их именами и приписывает им определенные качества. Кроме этого смысловые репрезентации отрываются от репрезентируемых объектов и образуют символическую (виртуальную и интеллигибельную) реальность, разделяемую множеством сознающих субъектов. Бессознательная психика существует в виде суперпозиции возможных семантических состояний (т.е. возможных смыслов и интеллектуальных конструктов, посредством которых репрезентируются внешние и внутренние события). И, наконец, на высшей стадии онтогенетического развития сознания происходит свободное и осмысленное самоопределение сознающего субъекта, который, чувствуя неудовлетворенность собой, выходит за

собственные онтологические границы и формирует образ идеального бытия. Бессознательная психика существует в виде суперпозиции возможных экзистенциальных состояний, каждому из которых соответствуют определенные ценности и установки бытия сознающего субъекта.

Выводы к главе 3

В третьей главе диссертационного исследования 1) раскрывается квантово-информационная специфика бытия ментального сущего, 2) исследуется энергоинформационная природа материальных процессов, 3) анализируются принципы квантовой онтологии, которые могут быть использованы при построении философской теории сознания, 4) выявляется сущность информационной причинности наряду с причинностью физического порядка, 5) рассматривается темпоральность как основа онтологического единства физического и ментального бытия, 6) обосновывается онтологическая возможность возникновения сознания как закономерного этапа эволюции информационных систем.

На основании полученных результатов можно сделать следующие существенные выводы:

1. Первичный дуализм свойств позволяет сформулировать энергоинформационный принцип, согласно которому не существует передачи энергии без передачи информации, и не существует передачи информации без передачи энергии.
2. Разделение на экзофеноменальный и эндофеноменальный уровни бытия сущего позволяет провести четкую демаркационную линию между физическими и информационными состояниями материи.
3. Атрибутивный подход к пониманию генетического статуса информации согласуется с энергоинформационным принципом и двумя предпосылками диссертационного исследования (феноменалистической и каузалистической), тогда как функциональный подход не позволяет объяснить возникновение эндофеноменального содержания информационных состояний, поскольку физические

системы могут порождать лишь кодовые зависимости, которые определяются взаимодействием физических элементов и изначально не заключают в себе никакого феноменального содержания.

4. Ментальные феномены представляют собой модусы информационного бытия.

5. Благодаря супервентности сознания и принципу инвариантности, один и тот же психический опыт может переживаться разными субъектами или одним и тем же субъектом в разное время, что обеспечивает единство переживающего субъекта, не объяснимое в рамках физикализма, который отождествляет ментальные свойства со свойствами физических систем.

6. Исходя из двух типов доступа (диссоциативного и ассоциативного) наблюдателя к наблюдаемому существу и принципов квантовой онтологии (принципа суперпозиции, принципа декогеренции и принципа целостности), формируется три наблюдательные позиции – позиция трансцендентного наблюдателя (которая не имеет ни диссоциативного, ни ассоциативного доступа), позиция имманентного наблюдателя (которая характеризуется диссоциативным доступом) и позиция трансцендентального наблюдателя (которая характеризуется ассоциативным доступом).

7. Выделяется два типа причинности, одна из которых, продольная, имеет энергетическую природу и обуславливает следование одного события во времени за другим, а другая, поперечная, имеет информационную природу и обуславливает реализацию единственного события из суперпонируемого набора событий, существующих потенциально.

8. Онтологическое единство физического и ментального существа укореняется в атрибутивном свойстве темпоральности материальных событий.

9. Эволюционный переход с физического уровня бытия, коррелирующего с информацией операционального типа, на биологический уровень бытия становится возможным благодаря образованию функциональной информации, которая представляет собой информационные данные эмерджентного характера.

10. Эволюционный переход с биологического уровня бытия, коррелирующего с информацией функционального типа, на психический уровень бытия становится возможным благодаря образованию метаинформационных данных психики.

11. Эволюционный переход с психического уровня бытия, коррелирующего с данными метаинформационного типа, на социальный уровень бытия становится возможным благодаря образованию метасимволического уровня саморепрезентации сознающего субъекта во взаимодействии с другими сознающими субъектами.

12. Операциональная и функциональная информация подвергается логико-вычислительному моделированию, тогда как информация психического и социального типа не представима в виде последовательности логико-вычислительных процедур.

13. Информация становится знанием только тогда, когда подвергается сторонней обработке в физических системах, способных переводить ее в иную символическую последовательность.

14. Сознанию человека присущи четыре основных этапа онтогенетического развития (от простейших животных форм до высших форм социального типа): ассоциативное знание в модусе непонимающего сознания, диссоциативное знание в модусе непонимающего сознания, диссоциативное понимание в модусе понимающего сознания и ассоциативное понимание в модусе понимающего сознания.

ГЛАВА 4. ОНТОЛОГИЯ СУБЪЕКТА ПСИХИКИ С ПОЗИЦИЙ КВАНТОВО-ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ СОЗНАНИЯ

§ 1. Эволюционная проблема сознания

Каузальная замкнутость физического мира не позволяет встраивать ментальные феномены в причинно-следственные цепи физических событий, в силу чего сознание оказывается бесполезным «аккомпанементом» нейронных процессов, протекающих в головном мозге человека. Все наши поступки, в конечном счете, детерминируются факторами, которые мы не осознаем, а, значит, говорить о ментальной каузации не приходится, откуда возникает закономерный вопрос: зачем вообще в эволюционном плане возникает сознание и почему наш мозг не может функционировать в точности так же, как он функционирует, или даже намного эффективнее без субъективно-ментального опыта? Почему мы не являемся бессознательными зомби, производя те же самые действия, которые производит человек, обладающий сознанием? За счет чего именно сознание играет решающую роль в адаптации к изменяющимся условиям окружающей среды, в то время как высшие психические функции (например, восприятие и мышление), участвующие в адаптационных процессах, могут реализовываться на бессознательном уровне бытия?

В рамках принципа каузальной замкнутости физического мира сознание представляется несущественным и бесполезным продуктом эволюционного развития, который не влияет на поведение физического тела, а, следовательно, и на человеческую жизнь вообще. Однако такая точка зрения, свойственная эпифеноменализму, вызывает протест, связанный, прежде всего, с тем, что именно сознание в его человеческой форме качественно возвышает нас над животными и является онтологической основой свободы, ответственности и духовности. Если же сознание, будучи бездействующим эпифеноменом нейронных сетей головного мозга, не влияет на материальную жизнь человека, то остается непонятным, почему оно вообще возникает и закрепляется в рамках биологической эволюции как

существенный признак высокоразвитых организмов. По этому поводу К. Поппер пишет: «Мое отрицание эпифеноменализма также подкрепляется эволюционным подходом: если психика или сознание есть эпифеномен, то почему они должны были развиться в ходе эволюции? Почему они становились все более и более заметными у высших животных?»⁷⁶. Одним из самых распространенных ответов на данный вопрос является то, что «мозг, наделенный квалиа, может генерировать гораздо более разнообразное поведение, нежели чисто механическая система»⁷⁷. В свою очередь, более разнообразное поведение способствует лучшей адаптации к изменяющимся условиям окружающей среды, за счет чего наличие ментального опыта в жизни высокоразвитых существ успешно объясняется с эволюционной точки зрения.

Однако далее следует спросить, за счет чего именно сознание позволяет генерировать более разнообразное поведение в отличие от поведения бездушного автомата, и чего именно не хватает последнему, чтобы воспроизводить поведенческие реакции обладающего сознанием существа. Отвечая на этот вопрос, мы, очевидным образом, приходим к пониманию, что должен существовать феноменальный слой психики, который не может быть бессознательным, поскольку в противном случае, если мы станем отрицать его существование, то окажемся в ситуации, когда сознание полностью растворяется в бессознательном и теряет свое феноменальное содержание. Таким образом, мы должны признать, что существуют психические акты, которые имеют ментальный характер и полностью исчезают при погружении в сферу бессознательного опыта. Что же это за психические акты? Создается впечатление, что к ним нельзя отнести психические акты, известные современной психологии. Например, к таким актам не относятся акты восприятия, мышления, воспоминания или воображения, поскольку все они могут протекать и на бессознательном уровне бытия без сущностной трансформации их предметного содержания. Даже акты интроспекции и рефлексии могут быть бессознательными, поскольку человек, находящийся в состоянии глубокого транса,

⁷⁶ Поппер К. Знание и психофизическая проблема. М., 2008. С. 169.

⁷⁷ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М., 2009. С. 229.

может давать интроспективный отчет о своих переживаниях и совершать анализ поступков, вскрывая мотивы и потребности, которые их обуславливают, что доказывается рядом психологических экспериментов, проведенных разными исследователями, например, у нас в стране В.Л. Райковым и за рубежом Э. Фроммом. Поэтому остается непонятным, за счет чего именно поведение сознающего существа, обладающего субъективно-ментальным опытом, является более разнообразным, нежели поведение бездушного автомата, который действует во тьме бессознательности.

Кроме этого, можно заметить, что действия человека являются более совершенными и эффективными, когда они выполняются автоматически, т.е. бессознательно, а осознанная рефлексия лишь разрушает поведенческий процесс, но никак ему не способствует. Российский психотерапевт В.Л. Райков в своей экспериментальной лаборатории демонстрирует, как в состоянии бессознательного транса человек задействует психические ресурсы, благодаря которым эффективность его поведения существенно возрастает. Испытуемые в экспериментальной лаборатории В.Л. Райкова, пребывая в состоянии бессознательного транса, начинали рисовать и играть в шахматы на таком высоком уровне, который был им совершенно недоступен в обычном бодрствующем состоянии сознания.

Д. Деннет, полагающий, что все люди – функциональные зомби и ментальных феноменов, отличающих людей от автоматов, не существует, по этому поводу пишет: «Мы видим, что часто совершаем искусные действия, вообще не думая; мы совершаем их “автоматически” или “бессознательно”»⁷⁸. Пианист не задумывается, какую клавишу фортепиано нажать следующей, а шахматист не рефлексировывает по поводу того, каким образом в его бессознательном мышлении прокручиваются варианты возможного продолжения партии, что в итоге на сознательном уровне бытия проявляется в инсайтном схватывании перспективных особенностей позиции (ведь на сознательном уровне бытия просчитать абсолютно все варианты, дабы принять соответствующее решение, за ограниченный промежуток времени практически невозможно). В данном случае пианист и шахматист дей-

⁷⁸ Деннет Д. Виды психики. М., 2004. С. 20.

ствуют автоматически (пианист автоматически играет на фортепиано, а шахматист автоматически просчитывает варианты, отслеживая на сознательном уровне бытия бессознательно обусловленный процесс мышления), но стоит им только усилить осознанную рефлексию (стоит только пианисту задуматься над движениями пальцев, а шахматисту – над механизмами мышления), как тут же их действия станут менее эффективными и они начнут допускать ошибки, в результате чего пианист испортит вдохновенную игру, а шахматист упустит выигрышный вариант. Обобщая эти ситуации, можно сказать, что поведенческие акты являются в большей степени совершенными и безошибочными, если они выполняются автоматически, т.е. бессознательно, подобно не дающей сбоев компьютерной программе. Но тогда получается, что сознание мешает эволюционному развитию, но не способствует ему, и мы были бы намного более развитыми личностями в духовном отношении, если бы жили бессознательной жизнью, следуя программам, которые наилучшим образом соответствуют высоким идеалам человеческой жизни.

Сопоставляя этот вывод с фактом бытия сознания, можно предположить, что оно является болезнью, аналогичной компьютерному вирусу, который не позволяет программам работать без ошибок, и тем самым вслед за Ф. Ницше признать, что человек – это больное животное. К тому же наличие ментального опыта способствует развитию неврозов, которые обуславливаются противодействием сознательного и бессознательного, в то время как отсутствие феноменального «аккомпанемента» нейронных процессов делало бы невозможными подобные психологические проблемы, хотя невротические реакции на уровне внешнего поведения могут демонстрировать и бездушные автоматы, если в них будут алгоритмически прописаны соответствующие программы. В итоге мы приходим, на первый взгляд, к парадоксальной ситуации, которая заключается в том, что, с одной стороны, на поведенческом уровне неврозы могут быть присущи как живому человеку, так и его кибернетической копии, а, с другой стороны, ни о каких неврозах в последнем случае говорить не приходится, поскольку бездушные автоматы, лишённые субъективно-ментального опыта, лишены также и противодей-

ствия сознательного и бессознательного. Следовательно, либо 1) бездушный автомат может обладать сознанием, как это признается в рамках концепции сильного искусственного интеллекта, либо 2) в невротическом поведении человека присутствует нечто такое, что никак не может быть промоделировано с помощью программных алгоритмов, и тогда сознательное должно отличаться от бессознательного какими-то сущностными характеристиками, либо 3) интерпретация невроза как конфликта между сознательным и бессознательным является метафорической, поскольку в действительности никакого разделения на сознательное и бессознательное не существует, а существуют лишь разные формы бытия самого бессознательного. Нетрудно увидеть, что только во втором случае сознание обретает исключительную роль, которая способствует выживаемости живого организма, но, тем не менее, приняв эту точку зрения, мы снова возвращаемся к проблеме, обусловленной непониманием того, что же именно сознание делает, чего никак не может сделать бессознательное.

Часто указывают на то, что бессознательное эффективно реализует уже инсталлированные программы, но генерирование новых эволюционно значимых программ невозможно представить себе без соответствующей активности сознания. На этапе обучения, когда закладываются и отрабатываются новые алгоритмы поведения, участие сознания необходимо, но, когда реализация инсталлированных программ достигает автоматизма, роль сознания исчерпывается и дальше поведение осуществляется бессознательно. Кроме этого, сознание играет важную роль на последующих этапах рефлексии, которая осуществляет корректировку поведенческих паттернов, благодаря чему поведение человека становится более правильным и эффективным. Однако и здесь возникает закономерный вопрос: чем именно отличаются бессознательно продуцируемые программы от программ, которые не могут сформироваться на бессознательном уровне бытия? Почему мы отрицаем, что в нейронных сетях головного мозга без участия сознания может осуществляться бессознательный процесс перепрограммирования мозгового биокомпьютера с учетом влияния окружающей среды? Почему все то, что делает сознание, не может делаться бессознательно? Ведь, в конечном счете, поведение че-

ловека есть поведение сложно устроенной физической системы, бытие которой подчиняется принципу каузальной замкнутости физических событий, и поэтому в ее причинно-следственные цепи не допускаются никакие события нефизического (ментального) порядка.

Присмотревшись к процессу обучения, нетрудно заметить, что и он тоже имеет бессознательную основу. Если поведение укладывается в рассмотренную выше необихевиористскую модель ТОТЕ, то оно не нуждается ни в каком сознательном контроле, и, следовательно, поведение, в процессе которого мы ставим цели и обучаемся новым действиям, имеет бессознательный характер, поскольку удовлетворяет этому требованию. Действительно, разве нельзя обучаться на бессознательном уровне психики? И разве в данном случае так же, как и в случае закрепленных поведенческих паттернов, сознание не является препятствием, которое мешает эффективности осуществляемых действий? Например, в восточных традициях буддизма и дзен-буддизма процесс обучения имеет, по большей части, бессознательный характер и поэтому является более продуктивным, нежели процесс обучения, основанный на сознательной рефлексии ученика. Как говорит народная поговорка, если хочешь быстро и эффективно научить человека плавать, брось его в воду, и тогда его мозг без участия сознания выполнит необходимую работу. К тому же в настоящее время разрабатываются специальные обучающие методики (например, помогающие в освоении иностранных языков), которые используют прямое информационное воздействие на мозг человека, минуя сознательный контроль. Таким образом, мы опять-таки приходим к выводу, что сознание оказывается лишним и нежелательным элементом эволюционного развития организмов, поскольку не способствует лучшей адаптации к изменяющимся условиям окружающей среды, а, напротив, препятствует ей и, по существу, не выполняет никакой функции, которая не могла бы столь же эффективно реализовываться на бессознательном уровне бытия.

Еще один аргумент, обосновывающий эволюционную значимость сознания, сводится к тому, что ментальный опыт, будучи компиляцией информационных данных, позволяет управлять поведением организма в целом, используя психиче-

ские коды, которые символически выражают множество соответствующих кодов нейронного порядка. Д.И. Дубровский, анализируя ментальный уровень бытия, приходит к выводу, что «многоплановость информационных процессов требует постоянной интеграции, которая и служит основой психического управления целостным организмом»⁷⁹, за счет чего «во всяком явлении субъективной реальности нам дана информация об информации и целиком элиминирована какая-либо информация о ее носителе»⁸⁰. При этом следует заметить, что компиляторная функция психического аппарата присуща не только человеку, но и животным. Например, визуальный образ хищника, который является результатом бессознательной обработки множества информационных данных, поступающих из окружающего мира, вызывает у жертвы переживание страха, которое, в свою очередь, компилирует сигнал, реализуемый на уровне нейронного функционирования мозга, что приводит к поведенческой реакции бегства. В человеческом организме запускается аналогичный процесс с тем существенным отличием, что между психической информацией интегрального характера и компилируемым сигналом, который распознается нейронными структурами мозга, выстраивается ментальный анализ психических данных, в результате чего цепь автоматических реакций разрывается и происходит осознанное самоуправление поведенческой активностью человека. Таким образом, психика (сознательная и бессознательная) реализует высокоуровневое управление низкоуровневыми процессами (нейрофизиологическими, биохимическими и биоэлектрическими), что значительно упрощает (а, значит, делает более эффективным) централизованный контроль над поведением живого организма, подобно тому, как компьютерный компилятор осуществляет трансляцию высокоуровневых (проблемно-ориентированных) команд на более низкий (машинный) уровень языка, что значительно облегчает программирование компьютера.

Однако такая точка зрения вступает в противоречие с материалистическим подходом, ибо если мы говорим о централизованном управлении, то должны так-

⁷⁹ Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М., 2007. С. 148.

⁸⁰ Там же, с. 154.

же соглашаться и с тем, что существует центральный оператор, который нуждается в высокоуровневом (психическом) компиляторе, поскольку не понимает низкоуровневого (нейронного) языка, а, значит, не сводится в своем бытии к функционированию нейронных сетей головного мозга. Согласно Д.И. Дубровскому, субъективная реальность представляет собой «двойное или, лучше сказать, двухступенчатое, кодовое преобразование на уровне эго-системы: первое из них представляет для нее информацию как таковую (которая пребывает пока в «темноте»), второе преобразование «открывает» и тем самым актуализует ее для «самости», делает доступной для оперирования и использования в целях управления на этом уровне»⁸¹. Если «самость» сводится к функционированию нейронных сетей головного мозга, то она должна понимать низкоуровневый (нейронный) язык, который является более предпочтительным, нежели высокоуровневый (психический), ибо, во-первых, мозговой биокomпьютер быстрее его распознает, а, во-вторых, количество команд, продуцируемых на низкоуровневом (нейронном) языке, несравненно больше, нежели количество команд, продуцируемых на высокоуровневом (психическом) языке. Если же «самость» не сводится к функционированию нейронных сетей головного мозга, то это означает, что психическая компиляция имеет значение лишь для декартовского (нематериального) духа, или, по выражению Г. Райла, «призрака в машине», тогда как сама по себе физическая система тела не нуждается ни в каком психическом компиляторе, ибо осуществляет самоуправление на присущем ей низкоуровневом (нейронном) языке, подобно тому, как компьютер обрабатывает информацию на низкоуровневом (машинном) языке и не нуждается ни в каком высокоуровневом (проблемно-ориентированном) языке в плане программирования и осуществления вычислительных функций.

В рамках функционирования мозгового биокomпьютера любое сообщение, выраженное средствами высокоуровневого языка, в конечном счете, переводится на низкоуровневый язык, но далеко не всякое сообщение, выраженное средствами низкоуровневого языка, может быть переведено на высокоуровневый язык (т.е. не существует команд, которые нельзя перевести с высокоуровневого языка на низ-

⁸¹ Там же, с. 153.

коуровневый, но существуют команды, которые нельзя перевести с низкоуровневого языка на высокоуровневый), поскольку, согласно материалистическому подходу, в основе всякого психического процесса лежит процесс нейронного порядка и сама по себе высокоуровневая коммуникация осуществляется за счет процессов низкоуровневого свойства. Проблемно-ориентированный язык нужен человеку (оператору), чтобы более эффективно управлять кибернетическими устройствами, которые искусственно создаются им же самим для собственных нужд, но человеческий мозг возникает в результате естественной эволюции, и, если мы отрицаем бытие нематериального духа, который действует посредством физического тела, но существует независимо от него, то в этом случае остается непонятным, зачем мозгу как именно физической системе понадобились процессы компиляторного характера, которые не только не способствуют, но, напротив, препятствуют эффективной работе нейронных сетей, ибо информационный диапазон сообщений на низкоуровневом языке шире и богаче по сравнению с высокоуровневым языком, использующим более простые сообщения и состоящим, в конечном счете, из неосознаваемых низкоуровневых команд.

Таким образом, мы снова приходим к выводу, что сознание, в отличие от бессознательного, не способствует генерированию более разнообразного поведения, и, значит, остается открытым вопрос, связанный с тем, какую эволюционную значимость имеет субъективная реальность и что существенного и полезного, в отличие от бессознательной активности мозга, привносит в поведение человека ментальный опыт. Зачем сознание нужно, если оно не влияет на физические процессы, а лишь пассивно свидетельствует, что нечто происходит (как во внешнем материальном мире, так и во внутренней психической жизни), и любые действия человека могут реализовываться без участия ментальных переживаний? Квантово-информационная модель сознания позволяет ответить на этот вопрос без выхода за пределы материалистического мировоззрения, апеллируя к существованию поперечной информационной причинности, которая реализуется на ментальном уровне бытия в результате коллапса суперпозиции бессознательных пережи-

ваний и перехода психической информации из возможного состояния в действительное.

В соответствии со схемой, изображенной на рис. 5, физическое существо, декогерирующее во взаимодействии с окружающей средой, пребывает в единственном классическом состоянии, тогда как в соответствии со схемой, изображенной на рис. 6, психическое существо, декогерирующее во взаимодействии с окружающей средой, пребывает в единственном классическом состоянии на сознательном уровне бытия и в суперпозиции квантовых состояний на бессознательном уровне бытия, что оправдывает эволюционную значимость ментального опыта и позволяет психическим существам в отличие от существ, не обладающих психикой, проявлять более разнообразное и адаптивное поведение. Физическая система, управляемая функциональной информацией, при переходе из квантового состояния в классическое теряет информацию, упакованную в совокупности суперпонируемых возможностей, тогда как физическая система, управляемая психической информацией, при переходе из квантового состояния в классическое сохраняет информацию, упакованную в совокупности суперпонируемых возможностей, которые существуют на бессознательном уровне психики, и поэтому обладает большими возможностями, а, значит, и большим поведенческим разнообразием. Иными словами, более разнообразное и адаптивное поведение систем, обладающих переживаемым изнутри психическим опытом, обеспечивается параллельным ходом процессов декогеренции и рекогеренции на психическом уровне бытия в отличие от систем, которые управляются функциональной информацией и для которых характерно последовательное развитие процессов декогеренции и рекогеренции. Правда, за это существам, обладающим психикой, приходится платить возможностью психических расстройств и страданий, которые переживаются изнутри на уровне субъективно-ментального опыта.

§ 2. Ментальные параметры и функции сознания

Сознание можно уподобить свету, который выхватывает из темноты бессознательного определенный участок и преобразует его, наполняя ментальным содержанием. Бессознательная психика так же, как и сознательная, обладает эндофеноменальным уровнем бытия, поскольку в противном случае она была бы тождественна нейронным процессам, протекающим в головном мозге человека, и соответственно носила бы уже не информационный, а физический характер. Бессознательные переживания существуют в возможности как распределение потенциальных состояний психики; сознательные переживания существуют в действительности как реализация одной из онтологических возможностей психического опыта. Сознательное и бессознательное образуют единое онтологическое целое и не могут существовать в изолированном виде. За всяким сознательным переживанием скрывается распределение возможных состояний бессознательной психики, тогда как всякое распределение возможных состояний бессознательной психики символически манифестируется в виде действительно существующего ментального опыта. Бессознательное является онтологической границей сознания, которая трансформируется в зависимости от изменения нейронного кода, лежащего в основе психических переживаний, и перехода последних из модуса возможного бытия в модус действительного бытия, в то время как сознание является онтической (сущностной) границей бессознательного, которая трансформируется в зависимости от обратного перехода из модуса действительного бытия в модус возможного бытия (в соответствии со схемой, изображенной на рис. 6). Таким образом, бессознательное влияет на сознательное, а сознательное влияет на бессознательное. В отличие от физического уровня бытия, где переход из модуса возможного бытия в модус действительного бытия сопровождается потерей информационных данных о предшествующей суперпозиции возможных состояний, а обратный переход из модуса действительного бытия в модус возможного бытия сопровождается потерей информационных данных о предшествующем действительном состоянии рассматриваемой физической системы, на психическом уровне бытия такой потери

не происходит, и всякое ментальное состояние образует единое онтологическое целое с суперпозицией потенциальных состояний бессознательного характера.

Сознание в качестве «света» не просто выхватывает из темноты бессознательной психики определенный участок в том самом виде, в каком он существовал до «освещенности», а преобразует его, наполняя ментальным содержанием, которое не тождественно феноменальному содержанию «освещаемого» участка бессознательной психики. Бессознательное определяет возможное бытие сознания, а сознание переводит бессознательное из возможного бытия в действительное аналогично тому, как наблюдение (или замещающий его информационный процесс) переводит наблюдаемую систему из квантового состояния в классическое. Чем «ярче» сознание в качестве «света», тем меньше латентных возможностей, лежащих в бессознательной основе ментальных переживаний, и чем «тусклее» сознание в качестве «света», тем соответственно больше латентных возможностей, лежащих в бессознательной основе ментальных переживаний. Однако если сознание полностью «гаснет», то не остается и бессознательной психики (информационные процессы, идущие в нейронных сетях головного мозга, не поднимаются с функционального уровня до психического). Поэтому бессознательные зомби невозможны, ибо наличие бессознательной психики с необходимостью указывает на наличие какой-то (пусть даже и очень малой) степени сознания. Если же полностью исчезает «темнота» бессознательного, то сознание переходит в особое пиковое состояние, которое в восточных медитативных практиках называется просветлением. С другой стороны, медитативные практики, связанные с остановкой внутреннего диалога и погружением в состояние ментального безмолвия, обеспечивают максимальное количество суперпонированных возможностей при минимальном количестве информации, присутствующей на сознательном уровне бытия, что позволяет гибко переходить от одной репрезентативной картины мира к другой (например, от научной картины мира ученого к мистической картине мира шамана).

Сознанию в качестве «света», который выхватывает из темноты бессознательной психики (существующей в возможности) определенный участок и преоб-

разует его, наполняя ментальным (существующим в действительности) содержанием, присущи уникальные параметры и функции, позволяющие провести четкую демаркационную линию на информационном уровне бытия между психическим субъектом и биологическим организмом, чье поведение управляется не психической, а функциональной информацией. Сознанию можно приписать следующие ментальные параметры: 1) интенсивность, 2) фокусировку и 3) силу.

Во-первых, сознание обладает *интенсивностью*. Продолжая аналогию с лучом света, можно сказать, что сознанию, высвечивающему часть бессознательной психики, присуща определенная ясность, или отчетливость. Всякое феноменальное содержание ментального опыта осознается с какой-то степенью ясности, или отчетливости, чему соответствует определенная интенсивность сознания. Одно и то же высвечиваемое психическое переживание может осознаваться с разной степенью ясности, начиная от нулевой интенсивности сознания, когда психическое переживание полностью пребывает в сфере бессознательного, и заканчивая максимальной интенсивностью сознания, когда психическое переживание извлекается из бессознательного, не оставляя в своем феноменальном содержании ничего такого, что было бы погружено во тьму бессознательной психики.

Во-вторых, сознание обладает *фокусировкой*, благодаря которой оно выхватывает определенный психический материал из бессознательной сферы бытия. Поэтому ментальная область психики имеет нестационарные (изменяющиеся во времени) границы с бессознательным, что позволяет говорить 1) о фокусе сознания, где интенсивность ментальных переживаний высокая, и 2) о периферии сознания, где, напротив, интенсивность ментальных переживаний низкая. Гештальтпсихологи описывают устройство ментального опыта с помощью динамической структуры фигуры и фона, имея в виду, что фокус сознания выхватывает из бессознательной сферы бытия психический материал в качестве фигуры, тогда как прилегающие к нему психические зоны существуют в качестве фона, задающего границы осознаваемой фигуры. Таким образом, сознание имеет нестационарную виртуальную подпространственную структуру в более обширном виртуальном пространстве бессознательного опыта. Поэтому в соответствии с теорией А.А.

Ухтомского можно говорить о доминантном переживании, которое подчиняет себе в качестве фигуры другие, фоновые, переживания, подавляя их или усиливая в зависимости от того, насколько они ему ассоциативно и семантически соответствуют. Если человека захватывает какая-то идея, то связанные с ней переживания поддерживаются в фокусе сознания, тогда как иные, противоречащие ей переживания вытесняются на периферию сознания или вообще погружаются на бессознательный уровень бытия и перестают фиксироваться переживающим субъектом.

В-третьих, сознание обладает *силой*, благодаря которой оно управляет ментальным фокусом и перемещает его в соответствии со своими интенциями в противовес силам психологического поля (описанного К. Левиным как совокупность инстинктивных и бессознательных желаний). Если сила сознания имеет малую величину, то сознающим субъектом движут преимущественно бессознательные силы, тогда как в противном случае он может сопротивляться им и вести себя свободно и ответственно. Именно этот ментальный параметр и позволяет говорить о свободной воле человека, благодаря которой мы осуществляем осознанный контроль над своими чувствами, мыслями и поступками. Если в каких-то ситуациях сила сознания оказывается недостаточно большой, чтобы противодействовать бессознательным инстинктам и желаниям, то человек поступает не так, как он считает нужным на сознательном уровне бытия. Вместе с тем следует отличать свободную волю, порождаемую сознанием, от доминантного переживания, которое управляет поведением человека из бессознательной сферы психики, минуя его сознательный контроль. Если человек в результате анализа ситуации заставляет себя отказаться от общения с другим человеком, который ему симпатичен, то в данном случае он совершает акт осознанного выбора и противодействует силам психологического поля, притягивающим его к субъекту, общение с которым он прерывает. При этом установка, вызванная анализом ситуации, манифестируется доминантным, но уже осознанно сгенерированным переживанием, сила которого превосходит силу противоположного переживания, обусловленного симпатией к отталкиваемому субъекту.

В частности, Д. Юм замечает, что психической жизнью человека руководит доминантное переживание, поскольку оно обладает наибольшей силой и подчиняет себе иные переживания, которые способны совершить меньшую «работу» на психическом уровне бытия, подобно тому, как массивное тело заставляет вращаться вокруг себя другие тела, имеющие слабое гравитационное поле. Доказывая свою точку зрения, он приводит в «Трактате о человеческой природе» следующий наглядный пример: «Если человек сильно влюблен, то небольшие недостатки и капризы его возлюбленной, а также ревность и ссоры... обычно только придают силу господствующему аффекту, как бы неприятны и непосредственно связаны с гневом и ненавистью они не были»⁸². Впоследствии З. Фрейд, разрабатывая экономическую теорию бессознательного, показывает, что энергия психических переживаний, которая придает им силу и делает одно переживание доминантным среди прочих, в действительности принадлежит не феноменальной области психического опыта, а сопровождающим его нейрофизиологическим процессам. Поэтому ни о какой собственно психической энергии, которая дополняла бы энергию физического порядка, говорить не приходится, что позволяет сохранить каузальную замкнутость физического мира и подтверждает коррелятивный, а не каузальный характер взаимосвязи физических и ментальных процессов.

В итоге мы приходим к выводу (который делает Д. Юм в своем «Трактате о человеческой природе»), что сознание само по себе неспособно бороться с аффектами (т.е. психическими переживаниями, заключающими в себе побудительный момент), которые обуславливаются бессознательной реакцией человека на окружающую обстановку, ибо одному аффекту может противостоять только другой более сильный аффект. Однако сознание может трансформировать структуру ментального поля, меняя местами фигуру и фон, в результате чего, с одной стороны, никак не затрагивается энергетика нейрофизиологических процессов, протекающих в теле человека, а, с другой стороны, остается возможность коррелятивного сопоставления им новых психических переживаний за счет изменения эмерджентной целостности ментального опыта без модификации его отдельных эле-

⁸² Юм Д. Сочинения в 2 томах. Том I. М., 1996. С. 462.

ментов, что в гештальтпсихологии называется инсайтом. Сила сознания, используя фокусировку, трансформирует эмерджентную структуру ментального поля, благодаря чему в соответствии с действием поперечной информационной причинности из суперпозиции возможных психических переживаний спонтанно (т.е. без участия причинности физического порядка) выделяется доминантное переживание, позволяющее человеку вести себя именно так, как он хочет на сознательном уровне бытия.

Таким образом, сила сознания находится в постоянном противоборстве с силами бессознательного характера (что в терминологии З. Фрейда называется психическим сопротивлением). Причем сила сознания, организующая поле ментального опыта изнутри, управляет поступками человека в рамках его свободного самоопределения посредством убеждений и ценностей, которые подвергаются психической ассимиляции, т.е. экзистенциальной переработке, в результате которой почерпнутые из пространства социальной коммуникации идеи и стереотипы гармонично (аутентично) встраиваются в онтологическую целостность сознающего субъекта, тогда как бессознательные силы, организующие поле ментального опыта извне, управляют поступками человека за счет интроецированных убеждений и ценностей, которые не подвергаются психической ассимиляции и поэтому существуют в качестве чужеродных (неаутентичных) структур на уровне бессознательной психики.

В качестве ментальных функций сознания, которыми оно отличается от бессознательной психики, можно выделить: 1) амплификацию, 2) фильтрацию и 3) редукцию.

Во-первых, сознание осуществляет *амплификацию*, которая дополняет до эмерджентного целого совокупность элементов ментального поля. На уровне бессознательной психики не существует строго заданных эмерджентов, поскольку бессознательный опыт представляет собой распределение множества непроявленных психических переживаний, имеющих потенциальное бытие. И только на уровне сознания, когда множество непроявленных психических переживаний коллапсирует в единственное, действительно проявленное состояние, формиру-

ются строго заданные эмердженты психического опыта как целостные структуры, не сводимые к простой сумме составляющих элементов, будь то чувственные эмердженты (образы и представления, не сводимые к простой сумме ощущений) или интеллектуальные эмердженты (идеи и понятия, не сводимые к простой сумме смыслового содержания символов, посредством которых эти идеи и понятия выражаются).

Если силы амплификации, действующие в ментальном поле сознания, не формируют завершённый эмерджент, то в организме человека возникает система внутреннего напряжения, которое на психологическом уровне бытия проявляется в виде переживания тревоги. Чтобы преодолеть ее, силы амплификации совершают работу, направленную на завершение эмерджента, и если они не справляются с этим, то активируются механизмы психологической защиты, посредством которых негативное переживание тревоги вытесняется в бессознательную сферу психики. В психоаналитической литературе можно найти описание множества подобных механизмов, снижающих тревогу на сознательном уровне бытия без завершения эмерджента, который ее продуцирует. Например, З. Фрейд рассматривает следующие механизмы психологической защиты: проекцию, замещение, рационализацию, противодействие, регрессию, отрицание и сублимацию. В рамках исследования защитных механизмов психики необходимо заметить, что существуют особые формы человеческого бытия, которые порождают принципиально не завершаемые эмердженты, а вместе с этим и вечные философские проблемы (связанные, например, со смертью, одиночеством, свободой, страданием, праведностью и т.д.), в результате чего человек использует мифотворчество как универсальный механизм психологической защиты от тревоги, вызванной незавершёнными эмерджентами в его собственном бытии и бытии окружающего мира.

Одним из наиболее важных и социально значимых эмерджентов, которые человек стремится завершить на протяжении всей своей жизни, является личностная целостность, укорененная в гармоничности (аутентичности) ментальной жизни, т.е. в отсутствии противоречий между чувственным, интеллектуальным и поведенческим уровнями бытия человека. Другими словами, гармоничное (аутен-

тичное) бытие человека означает, что он испытывает собственные (ассимилированные, а не интроецированные) чувства, высказывает собственные (ассимилированные, а не интроецированные) мысли и совершает собственные (ассимилированные, а не интроецированные) поступки. При этом его чувства не противоречат мыслям, мысли не противоречат поступкам, а поступки не противоречат чувствам. Таким образом, действие амплифицирующих сил в поле ментального опыта обуславливает стремление к личностной целостности как именно конститутивной характеристике социального бытия человека, о чем, в частности, говорят экзистенциально ориентированные философы и психологи, например, Э. Фромм, К. Роджерс и А. Маслоу.

Во-вторых, сознание осуществляет *фильтрацию*, благодаря которой в ментальную сферу психики попадает лишь незначительная часть информации, существующей на бессознательном уровне бытия. Сознание фильтрует вытесненное (сопротивляющееся силам ментального поля) бессознательное, отбирая из всего распределения потенциально существующих переживаний преимущественно те, которые не вступают в деструктивное (болезненное) противоречие с осознаваемым психическим материалом. В результате вытесненное бессознательное трансформируется в предсознательное (не сопротивляющееся силам ментального поля и открытое для ментального субъекта действием поперечной информационной причинности), которое может быть амплифицировано в осознаваемые феномены.

Ментальные фильтры закрывают доступ к значительной части бессознательного опыта, в результате чего психический материал, поступающий после фильтрации на уровень сознательного бытия, имеет неполноценный и фрагментарный характер подобно тому, как вырванные из мозаики пазлы теряют информацию о картине в целом. Далее психические фрагменты, изъятые из бессознательной сферы опыта, на уровне сознательного бытия подвергаются действию амплифицирующих сил, достраиваясь до завершённой субъективно переживаемой целостности. Поэтому ментальные фильтры вместе с амплифицирующими силами трансформируют, искажают и преобразуют изначальный бессознательный опыт, который символически выражается в виде осознаваемых психических пе-

реживаний. В психиатрии известен феномен слепого видения, когда человек видит окружающую обстановку и соответствующим образом реагирует на нее, но осознанно утверждает, что ничего подобного в его визуальном поле восприятия не наличествует. Если обратится к классическому психоанализу З. Фрейда, то в качестве иллюстрации совместного действия ментальных фильтров и амплифицирующих сил сознания можно привести пример с женщиной, которая в неполной семье всячески ограждает сына от контактов с девушками, не способными, по ее мнению, сделать его счастливым, объясняя такое поведение заботой о его будущей жизни, тогда как бессознательно она проецирует на него отношения с мужем и испытывает ревность, обусловленную страхом остаться в одиночестве (при этом следует понимать, что такой бессознательный мотив является всего лишь одним возможным состоянием психики из суперпозиции бессознательных мотивов, лежащих в онтологической основе поступков женщины).

В отдельных случаях силы амплификации не справляются с деструктивным давлением бессознательных переживаний, после чего на сознательном уровне бытия формируется незавершенный эмерджент, сопровождаемый чувством боли, тревоги и отчаяния. Например, замкнутое пространство может вызывать у человека иррациональное беспокойство, причина которого остается скрытой до того момента, пока преодоление ментальной фильтрации не обнаруживает фрустрирующий опыт на перинатальной стадии развития, когда рассматриваемый человек, будучи еще младенцем, испытал травму, связанную с родовыми схватками матери и нарушением комфортного единства с маткой (что опять-таки является всего лишь одним возможным состоянием психики из суперпозиции событий, лежащих в каузальной основе фобии замкнутого пространства).

В-третьих, сознание осуществляет *редукцию*, благодаря которой потенциальное бытие бессознательной психики реализуется в виде действительного бытия ментальных феноменов. В данном случае прослеживается аналогия с редукцией (коллапсом) волновой функции в квантовой механике, когда в результате измерения, проводимого над квантовым объектом, суперпозиция онтологических возможностей редуцируется до единственного реализованного состояния. В соот-

ветствии с квантово-информационной теорией редуцирующая функция сознания реализует одну из онтологических возможностей, коррелирующих с нейронным кодом в головном мозге человека (что, в частности, обуславливает множественность психических онтологий).

На ментальном уровне бытия редукция является промежуточным этапом между фильтрацией и амплификацией, поскольку она использует отфильтрованные возможности для выбора реализуемого состояния, после чего амплифицирующие силы достраивают психические элементы до целостного ментального феномена. Сначала осуществляется фильтрация (в процессе которой одни психические состояния, вступающие в конфликт с осознаваемым материалом, блокируются на уровне бессознательной психики, а другие – становятся предсознательными, т.е. доступными для перехода из возможного бытия в действительное), затем – редукция (в процессе которой одно из возможных предсознательных состояний реализуется на ментальном уровне бытия) и, наконец, – амплификация (в процессе которой формируются психические эмердженты из разрозненных элементов ментального опыта). Взаимодействие психических эмерджентов, проявляемое в динамике фигуры и фона, способствует изменению фильтрующих факторов, в силу чего предсознательный материал наполняется новыми потенциальными феноменами, и редукция приводит к новым ментальным состояниям, генерирующим новые психические эмердженты. В итоге три основных механизма ментального бытия – фильтрация, редукция и амплификация – обеспечивают разнообразие и богатство внутренней жизни субъекта, надстраивая над бессознательной психикой динамику ментальных феноменов.

Нетрудно заметить, что фильтрация бессознательного материала зависит от силы и интенсивности сознания (поскольку, во-первых, сила сознания задает в поле ментального опыта определенные тенденции эмоционального и смыслового характера, что оказывает влияние на отбираемые возможности психического материала, и, во-вторых, интенсивность сознания определяет глубину проникновения в бессознательную сферу бытия и, тем самым, очерчивает зону фильтруемых переживаний), но не зависит от его фокусировки (поскольку фокусировка созна-

ния работает уже с отфильтрованным материалом, существующим на уровне предсознательного и сознательного, и не затрагивает переживания, существующие на уровне вытесненной психики). В свою очередь, редукция множества бессознательных возможностей зависит от интенсивности и фокусировки сознания (поскольку, во-первых, интенсивность, т.е. ясность, сознания детализирует осознаваемый материал, за счет чего реализуются те или иные возможности бессознательного бытия, и, во-вторых, фокусировка сознания выделяет на уровне предсознательного материала совокупность редуцируемых психических состояний), но не зависит от его силы (поскольку сила сознания, с одной стороны, работает с редуцированными переживаниями, которые образуют содержание ментального опыта, а, с другой стороны, оказывает влияние на отбираемые возможности вытесненного материала, преодолевая его психическое сопротивление, но при этом никак не затрагивает предсознательную сферу бытия, где наличествуют уже отфильтрованные, но еще не редуцированные переживания). И, наконец, амплификация психических элементов зависит от фокусировки и силы сознания (поскольку, во-первых, фокусировка сознания дифференцирует поле ментального опыта на фигуру и фон, и, во-вторых, сила сознания определяет динамику такой дифференцированной структуры, изменяя психические эмердженты), но не зависит от его интенсивности (поскольку интенсивность сознания детализирует элементы осознаваемого материала, но при этом никак не влияет на структуру образуемого в результате амплификации психического целого).

Таким образом, основные функции сознания (фильтрация, редукция, амплификация) в сочетании с принципом топографического единства и эволюционной значимостью ментального опыта, обоснованной в предыдущем параграфе, обеспечивают живому существу, обладающему психикой, более разнообразное поведение, нежели его функциональной копии, которая психикой не обладает, но имитирует копируемые поведенческие паттерны. Если аналогичные функции реализовать в работе кибернетического механизма, то каждая из них потеряет свои существенные особенности. В процессе фильтрации будут отбираться информационные данные классического типа (существующие в действительности), но не

суперпозиции информационных данных (существующие в возможности), поскольку фильтрация предполагает взаимодействие носителя фильтруемой информации с фильтрующей подсистемой рассматриваемого кибернетического механизма. Поэтому редукция будет предшествовать фильтрации, обедняя фильтруемый материал, а не следовать за ней, как это происходит в системах психического типа. Амплификация вообще не осуществима в работе кибернетического механизма, поскольку никакие сочетания материальных элементов на физическом уровне бытия не могут сформировать психические эмердженты, что не допускает обратного влияния информации, полученной в результате обработки изначальных информационных данных, на их квантовую суперпозицию, подвергаемую фильтрации, ибо на физическом уровне бытия редукция приводит к безвозвратной потере редуцированных информационных данных.

§ 3. Функционирование бессознательной психики

Сознательная психика открывается из позиции трансцендентального наблюдателя как результат декогеренции множества психических переживаний бессознательного характера, а бессознательная психика открывается из позиции имманентного наблюдателя как результат рекоренции множества психических переживаний сознательного характера. Бессознательная психика существует в возможности как суперпозиция психических переживаний, тогда как сознательная психика существует в действительности как реализованное ментальное состояние из множества возможных состояний бессознательного порядка. М.К. Мамардашвили в своей статье «Сознание как философская проблема» замечает, что «я люблю» и «я чувствую, что я люблю», – это два состояния, которые «принципиально различны, и никакое преобразование, никакое допущение, никакое рассуждение не могут устранить этого различия»⁸³. В данном случае пребывание в состоянии «я люблю» наполнено множеством неопределенных, не отрефлекси-

⁸³ Мамардашвили М.К. Необходимость себя. Введение в философию, доклады, статьи, философские заметки. М., 1996. С. 270.

ванных моментов, собранных в единую суперпозицию психических переживаний, тогда как пребывание в состоянии «я чувствую, что я люблю» уже предполагает коллапс такой бессознательной суперпозиции и определенность психических переживаний, выражающих собственно то, каким образом я люблю.

Поэтому бессознательная психика не есть «темное» вместилище неосознаваемых переживаний, которые при определенных условиях извлекаются на «свет» и становятся осознанными подобно тому, как вещи извлекаются из закрытого сундука. Бессознательная психика аналогична квантовому ящику из мысленного эксперимента с котом Шредингера, поскольку психические переживания, принадлежащие бессознательной сфере бытия, пребывают в суперпонированном состоянии. Этим объясняется тот факт, что в психологической науке существует множество несовместимых теорий, которые позволяют добиваться эффективных результатов в психотерапевтической практике, ибо каждой из них соответствует онтологическая возможность, упакованная в суперпозиции бессознательного опыта.

Квантово-неопределенный характер бессознательной психики дает возможность одновременному существованию и развитию противоречащих друг другу онтологий психического сущего (таких, например, как психоанализ З. Фрейда, аналитическая психология К. Юнга, логопсихология В. Франкла, психосинтез Р. Ассаджиоли, гуманистическая психология А. Маслоу, гештальтпсихология Ф. Перлза, экзистенциальная психология И. Ялома, Dasein-анализ М. Босса, трансперсональная психология С. Грофа или транзактный анализ Э. Берна). В частности, разные психологические концепции опираются на разные представления о фундаментальном мотиве человеческой жизни. Например, З. Фрейд в качестве такого фундаментального мотива признает сексуальное желание, К. Хорни – стремление к безопасности, А. Адлер – стремление к превосходству и власти, В. Франкл – стремление к смыслу, А. Маслоу – стремление к самоактуализации, К. Роджерс – стремление к личностной целостности, И. Ялом полагает, что на бессознательном уровне бытия человеческой жизнью руководят четыре фундаментальных страха – страх смерти, страх одиночества, страх бессмысленности и страх свободы, а Ф. Перлз утверждает, что вообще неправомерно говорить о фундамен-

тальном мотиве человеческой жизни, поскольку в качестве такового может выступить любая доминантная потребность. Однако всем этим психологическим концепциям несмотря на то, что они по-разному истолковывают поведение человека, нисколько не мешает быть одинаково эффективными в рамках психотерапевтической работы с конкретными проблемами личности.

Отсюда следует вывод, что бессознательная психика определяется лишь в пространстве осознанной интерпретации, существуя до онтологического коллапса в виде распределения возможностей психического опыта подобно тому, как квантовая система существует в виде суперпозиции возможных состояний до акта эмпирического измерения. Можно сказать, что бессознательная психика имеет квантовое бытие в том смысле, что всякая психическая онтология, взятая в своей уникальной сущности, представляет собой реализацию одной из непроявленных возможностей психического бытия личности подобно тому, как классический мир представляет собой реализацию одной из непроявленных возможностей квантового бытия системы до акта ее взаимодействия с измерительными приборами (т.е. до того момента времени, как формируется достаточное количество информационных данных, позволяющих редуцировать квантовую суперпозицию состояний).

Такое понимание бессознательной сферы бытия перекликается с герменевтической моделью психики, согласно которой психические переживания существуют только в пространстве ментальной интерпретации. Согласно П. Рикеру, всякий психический объект, погруженный в бессознательную сферу бытия, по своей сущности может быть представлен в сознании разными способами, и поэтому реальность бессознательной психики конституируется посредством процедуры символического истолкования. Бессознательное обретает свое предметно-определенное бытие только благодаря раскрывающим его ментальным актам, в то время как вне своего понимания (осознания) оно вообще не существует ни в каком предметно-определенном виде (т.е., другими словами, существует в предметно-неопределенной форме суперпозиции множества возможных психических состояний).

Можно также провести обоснованные параллели между квантово-информационной теорией бессознательного и вероятностной моделью психики, согласно которой сознание выступает в качестве семантического фильтра, отбирающего элементы бессознательного, а бессознательное, в свою очередь, сводится к распределению вероятностей на семантическом континууме значений, потенциально присущих рассматриваемому психическому событию. Соответственно взаимодействие семантического фильтра, функционирующего в области сознания, с вероятностным распределением значений, упакованных на бессознательном уровне бытия, формирует ментальный опыт человека. Такая модель психического опыта, развиваемая В.В. Налимовым, утверждает, что на бессознательном уровне бытия реализуются глубинные процессы сознания, которые принципиально не компьютеризируются и не подчиняются законам формальной логики. Согласно данной точке зрения бессознательное, будучи иррациональным слоем сознания, упорядочивается с помощью континуальной логики, в рамках которой истинность утверждений размыта и вероятностна (т.е. всякое бессознательное событие до акта своего осознания находится в квантово-запутанном состоянии с другими бессознательными событиями, каждому из которых приписывается определенная вероятность). Эндофеноменальное содержание бессознательной психики отличается от эндофеноменального содержания ментального опыта, прежде всего, тем, что первое существует в возможности как суперпозиция психических переживаний, а второе существует в действительности как коллапс суперпозиции психических переживаний, пребывающих на бессознательном уровне психики. Другими словами, элементы внутреннего феноменального содержания бессознательных психических переживаний запутываются в единое квантово-информационное целое, которое в процессе осознания реализуется в виде единственного психического переживания, перешедшего из возможного бытия в действительное. Поэтому непосредственное взаимодействие между двумя разными сознаниями оказывается невозможным, ибо одно сознание существует для другого лишь в виде распределения бессознательных возможностей подобно тому, как шредингеровский кот до тех пор, пока ящик

остается закрытым, существует для внешнего наблюдателя лишь в качестве суперпозиции состояний «живого» и «мертвого» кота.

Согласно принципу онтологической несепарабельности, всякий психический феномен опирается в своем бытии на физический (нейрофизиологический, биохимический и биоэлектрический) субстрат, т.е. любые ощущения, восприятия и мысли с необходимостью сопровождаются телесными процессами, протекающими в организме человека. При этом бессознательные психические события в рамках информационного бытия коррелируют с событиями физического (нейрофизиологического, биохимического и биоэлектрического) порядка, которые локализируются в коре головного мозга, а сознательные психические события коррелируют с бессознательными психическими событиями, которые не локализируются в коре головного мозга и существуют в виде суперпозиции психических состояний. Сами по себе психические состояния в своем феноменальном контенте не редуцируются к процессам телесного порядка подобно тому, как образное и смысловое содержание фильма не сводится к цифровой последовательности, которая кодирует его на DVD-диске. Благодаря поперечной информационной причинности взаимообусловленность физических кодов и психического опыта имеет два противоположно направленных вектора: во-первых, из физической сферы бытия в психическую, когда, например, совокупность световых сигналов трансформируется в визуальный образ наблюдаемой сцены, и, во-вторых, наоборот, из психической сферы бытия в физическую, когда, например, суггестивное внушение, что поднесенный к руке карандаш представляет собой раскаленную железную палочку, приводит к образованию действительного ожога кожи.

Бессознательное так же, как и сознательное, имея психическое бытие, не сводится к телесным процессам, протекающим в организме человека, и обладает внутренней феноменологией, благодаря которой можно говорить о неосознаваемых переживаниях, поскольку в противном случае бессознательная психика отождествляется с нейронными процессами и теряет свою собственно психическую сущность. На уровне психического опыта сознательное противопоставляется бессознательному, но за всякими ментальными процессами скрываются про-

цессы бессознательного характера, которые в определенном отношении детерминируют сознание человека. При этом бессознательное по своей внутренней феноменологии отличается от сознательного тем, что бессознательное есть психическое в модусе потенциального бытия, тогда как сознательное есть психическое в модусе действительного бытия. Бессознательное существует потенциально, представляя собой распределение психических возможностей, которые с определенной вероятностью надстраиваются над процессами нейронного порядка, тогда как сознательное существует актуально, представляя собой единственную реализованную возможность из суперпозиции бессознательных состояний. Другими словами, структуры, сформированные сочетанием физических (нейрофизиологических, биохимических и биоэлектрических) кодов, упаковывают в себе потенции психических переживаний, которые декогерируют на ментальном уровне бытия в результате энергоинформационного взаимодействия с окружающей средой. Таким образом, бессознательные психические переживания в своей информационной сущности обретают статус промежуточного звена между физическими и ментальными процессами.

По отношению к собственной ментальной жизни субъект находится в позиции трансцендентального наблюдателя, что позволяет ему переживать феномены сознания изнутри. По отношению к своей бессознательной психике субъект находится в позиции имманентного наблюдателя, за счет чего в поле его ментального опыта суперпозиция бессознательных переживаний реализуется в виде единственного осознаваемого переживания, но при этом информация о суперпонируемой совокупности возможных переживаний не стирается, а продолжает существовать как онтологическая граница сознания на уровне предсознательной психики. По отношению к объективно фиксируемым поведенческим реакциям другого субъекта рассматриваемый субъект тоже находится в позиции имманентного наблюдателя, тогда как по отношению к субъективно переживаемой внутренней жизни другого субъекта рассматриваемый субъект находится в позиции трансцендентного наблюдателя, ибо никакое взаимодействие на уровне физического бытия не обеспечивает взаимодействие на уровне психической информации, что

делает невозможным процесс декогеренции множества возможных состояний чужой психики в системе отсчета наблюдающего сознания. Иными словами, один субъект не может непосредственно (изнутри) пережить ментальные состояния, в которых пребывает другой субъект, а может лишь с определенной вероятностью умозаключить об их психическом контенте.

Бессознательная психическая жизнь человека подобна внутреннему квантовому состоянию физической системы, которое остается определенным лишь в отношении вероятностей тех или иных параметров, но не их конкретных значений, до того момента времени, пока не происходит взаимодействия, в результате которого производится информация, достаточная для перевода рассматриваемых параметров из возможного состояния в действительное. Макроскопическое поведение материальной системы обуславливается множеством возможных микроскопических состояний, одно из которых реализуется только во взаимодействии с другими материальными системами (в частности, во взаимодействии со средствами эмпирического наблюдения). Аналогично этому поведенческие реакции человека могут быть зафиксированы специальными приборами или за счет прямого наблюдения в виде классических феноменов, но его внутренняя субъективная жизнь, манифестируемая поведенческими реакциями, для сторонних наблюдателей, занимающих трансцендентную позицию, существует лишь в виде распределения возможностей психического опыта. В какой-то момент времени мы можем решить, что знаем, что именно переживает наблюдаемый субъект (т.е. нам может показаться, что мы по отношению к нему из трансцендентной позиции переместились в имманентную), но это не будет сопровождаться действительным коллапсом суперпозиции психических возможностей, поскольку мы можем взаимодействовать с телом человека, которое имеет экзофеноменальное бытие, но не можем взаимодействовать с его сознанием, которое имеет эндофеноменальное бытие. Мы можем наблюдать поведение человека извне, но не можем переживать его ментальный опыт изнутри.

Коллапс потенциального бытия физических систем аналогичен коллапсу потенциального бытия психических феноменов с той лишь существенной разни-

цей, что оба этих коллапса происходят на разных информационных уровнях бытия, поскольку в первом случае единственное физическое состояние реализуется в действительности за счет взаимодействия физических систем, тогда как во втором случае единственное психическое состояние реализуется в действительности за счет формирования метаинформационных эмерджентов. Физические (нейрофизиологические, биохимические и биоэлектрические) коды, существующие в нейронных сетях головного мозга, коррелируют с информацией функционального типа, которая порождает качественно новый уровень информационных феноменов. Можно сказать, что в данном случае срабатывает гегелевский закон перехода количественных изменений в качественные, но не на физическом уровне бытия, а на информационном, за счет чего информация преобразуется в информацию и не происходит нарушения принципа каузальной замкнутости физического мира (что наблюдалось бы, если бы мы полагали, что на определенном этапе развития материальных систем энергия преобразуется в информацию).

Бессознательное детерминирует ментальный опыт за счет распределения возможных состояний на потенциальном уровне психического бытия, в то время как ментальный опыт, со своей стороны, детерминирует бессознательное в процессе погружения осознаваемых переживаний в бессознательную сферу психики. Переходу психических феноменов из возможного бытия в действительное соответствует коллапс совокупности бессознательных состояний, который сопровождается расшифровкой психического кода в виде ментальных переживаний, тогда как обратному переходу психических феноменов из действительного бытия в возможное соответствует продуцирование совокупности бессознательных состояний, которое сопровождается кодировкой ментальных переживаний в виде психического кода. Погружение ментального феномена в бессознательную сферу психики с последующим извлечением на сознательный уровень бытия приводит к перекодировке изначального опыта и трансформации его феноменального содержания.

Возьмем, например, фразу: «Молнии сверкают в небе, и гром грохочет над землей, вызывая у детей панику и страх». Произведем следующую перекодиров-

ку: молнии поменяем на стрелы бога, гром – на голос бога и детей – на людей. В итоге получим новое утверждение: «Стрелы бога сверкают в небе, и голос бога грохочет над землей, вызывая у людей панику и страх». Если теперь разорвать символическую связь второй фразы с первой и взять само по себе смысловое содержание второй фразы, то в итоге мы получим религиозно-мифологический образ, оторванный от породившей его изначальной репрезентации окружающего мира и обусловленный инфантильным переживанием страха перед неконтролируемыми стихиями природы. Таким образом, в процессе перекодировки определенным синтаксическим единицам психического опыта ставятся в соответствие другие синтаксические единицы, а затем последние начинают рассматриваться в их собственном смысловом содержании независимо от символической связи с первичным смысловым содержанием перекодированных синтаксических единиц, за счет чего, собственно говоря, и формируются символические миры культуры, искусства, религии и науки.

Бессознательный психический феномен, существующий в возможности, представляет собой метаинформационный код, расшифровка которого дает ментальное переживание, существующее в действительности. При этом ментальное переживание имеет три основные структурные составляющие: 1) репрезентирующее содержание (которое феноменально переживается в ментальном переживании), 2) репрезентируемый предмет (который репрезентируется переживаемым содержанием и обеспечивает интенциональное единство совокупности переживаемых содержаний) и 3) репрезентирующий субъект (который переживает репрезентирующее содержание и обеспечивает онтологическое единство ментальной жизни в отношении разных репрезентируемых предметов). Когда человек смотрит на луну, то 1) совокупность феноменальных квалиа, задаваемых распределением цветовых форм в пространстве визуального восприятия, составляет репрезентирующее содержание ментального уровня психики, 2) луна как воспринимаемое сущее собирает в единое психическое целое совокупность феноменальных квалиа, посредством которых формируется визуальный образ луны, и 3) субъект, переживающий совокупность феноменальных квалиа, собирает в единое онтоло-

гическое целое множество репрезентативных актов в отношении разнообразного сущего, будь то луна, ночное небо, звезды или другие предметы, отображаемые на уровне визуального восприятия.

Поскольку возможное бытие отличается от действительного вероятностным распределением онтических (сущностных) параметров, характеризующих рассматриваемое сущее, то погружение осознаваемого материала в бессознательную сферу психики (переход психического переживания из действительного бытия в возможное) сводится к потере сущностной определенности тех или иных структурных составляющих ментального феномена. Таким образом, метаинформационные коды ментальных событий, принадлежащие бессознательной сфере психического бытия, формируются в результате действия семи основных психических механизмов: 1) замещения (благодаря которому онтическая неопределенность привносится в интенционально полагаемый предмет ментального акта), 2) рационализации (благодаря которой онтическая неопределенность привносится в феноменальное содержание ментального акта), 3) проекции (благодаря которой онтическая неопределенность привносится в бытие переживающего субъекта), 4) сублимации (благодаря которой онтическая неопределенность привносится одновременно в интенционально полагаемый предмет и феноменальное содержание ментального акта), 5) противодействия (благодаря которому онтическая неопределенность привносится одновременно в феноменальное содержание ментального акта и бытие переживающего субъекта), 6) регрессии (благодаря которой онтическая неопределенность привносится одновременно в бытие переживающего субъекта и интенционально полагаемый предмет ментального акта) и 7) отрицания (благодаря которому онтическая неопределенность привносится одновременно в интенционально полагаемый предмет и феноменальное содержание ментального акта, а также бытие переживающего субъекта). Все эти семь психических механизмов бессознательной кодировки ментального опыта описаны в трудах З. Фрейда по классическому психоанализу как защитные механизмы психики, которые, во-первых, действуют на бессознательном уровне бытия, и, во-вторых, искажают восприятие реальности, чтобы сделать тревогу, связанную с внутренними

или внешними конфликтами, менее болезненной и угрожающей. Цикл, состоящий из погружения осознаваемого переживания в бессознательную сферу психики и последующей манифестацией на ментальном уровне бытия уже перекодированного переживания, приводит к замене структурных единиц в первичном феноменальном опыте с помощью защитных механизмов, благодаря чему снимается психологическое напряжение, обусловленное конфликтной ситуацией.

Рассмотрим, например, Эдипов комплекс, как это делает З. Фрейд. Нежное отношение к матери и инфантильная сексуальность заставляют мальчика увидеть в отце конкурента и врага, что приводит к внутреннему неразрешимому противоречию: с одной стороны, мальчик любит отца и нуждается в его заботе, но, с другой стороны, хочет устранить его и занять соответствующее место во взаимоотношениях с матерью. Такой внутренний конфликт порождает страх наказания и чувство вины, которые выливаются в перекодировку изначального желания инцестуозного овладения матерью. Классическим примером перекодировки в рамках Эдипова комплекса, выражаемого изначальной репрезентацией «Я имею недостойные сексуальные желания, связанные с матерью», является замена структурной единицы «мать» на «любимую женщину», благодаря чему получается новая установка бессознательной психики: «Я имею недостойные сексуальные желания, связанные с любимой женщиной». В результате человек, у которого на бессознательном уровне бытия происходит аналогичная перекодировка психического опыта, может страдать импотенцией с женой, но при этом демонстрировать полноценную сексуальную активность с женщинами легкого поведения, которые выпадают из совокупности предметов, ассоциируемых с образом матери.

Теперь рассмотрим более подробно основные защитные механизмы, связанные с перекодировкой изначального опыта. *Психическое замещение* переводит ментальное событие в бессознательно существующий метаинформационный код, расшифровка которого предполагает потенциальную множественность предметности рассматриваемого психического переживания. При этом феноменальное содержание отрывается от изначального объекта, с которым оно соотносилось до погружения в сферу бессознательного бытия, и привязывается к суперпонирован-

ному распределению возможных объектов, встроенных в ментальное событие на уровне метаинформационного кода. Таким образом, в результате обратного процесса расшифровки бессознательного переживания происходит замещение изначального объекта на другой интенционально полагаемый объект. В ситуации психического замещения феноменальное содержание опыта переадресуется с одного объекта на другой с целью сброса внутреннего напряжения, обусловленного конфликтом, который стимулируется ментальным событием. Например, ребенок, которого наказали родители, может обижать младшую сестру, а мужчина, которого отругал начальник на работе, может грубить в семье своим родным и близким.

Психическая рационализация переводит ментальное событие в бессознательно существующий метаинформационный код, расшифровка которого предполагает потенциальную множественность феноменального содержания, переживаемого в ментальном событии. При этом интендируемая предметность отрывается от изначально переживаемого опыта, с которым она соотносилась до погружения в сферу бессознательного бытия, и привязывается к другому феноменальному содержанию, существующему потенциально в виде метаинформационного кода рассматриваемого ментального события. Таким образом, в результате обратного процесса расшифровки бессознательного переживания происходит рациональное оправдание нового феноменального опыта, который противоречит изначальному поведению переживающего субъекта. В случае психической рационализации меняется феноменальное содержание опыта с целью сброса внутреннего напряжения, обусловленного конфликтом, который стимулируется интендируемым предметом. Например, мужчина, дабы защитить свою самооценку, полагает, что женщина, которая его отвергла и которая ему, на самом деле, нравится, имеет непривлекательную внешность и дурной характер, в результате чего именно он ее бросает, а не она сторонится отношений с ним. Классический пример рационализации можно найти в басне Эзопа о лисе, которая не могла дотянуться до винограда и потому решила, что в действительности его не хочет, ибо тот еще не созрел.

Психическая проекция переводит ментальное событие в бессознательно существующий метаинформационный код, расшифровка которого предполагает по-

тенциальную множественность бытийных форм самого переживающего субъекта. При этом феноменальное содержание отрывается от переживающего субъекта, с которым оно соотносилось до погружения в сферу бессознательного бытия, и привязывается к другому носителю психического опыта, существующему потенциально в виде метаинформационного кода рассматриваемого ментального события. Таким образом, в результате обратного процесса расшифровки бессознательного переживания происходит проекция феноменального содержания на другого переживающего субъекта. В результате психической проекции субъект переносит (проецирует) себя самого на другую личность с целью сброса внутреннего напряжения, обусловленного тем, что признание себя самого в своем собственном бытии оказывается для него болезненным и травмирующим. В такой ситуации человек может приписывать другим людям непристойные мысли и эмоции, испытывая бессознательное чувство вины, связанное с тем, что они в действительности присущи ему самому. Например, женщина может подозревать окружающих мужчин в том, что они хотят ее соблазнить, тогда как в действительности она сама борется с сильным сексуальным желанием.

Психическая сублимация переводит ментальное событие в бессознательно существующий метаинформационный код, расшифровка которого предполагает потенциальную множественность предметности рассматриваемого психического опыта и его феноменального содержания. При этом переживающий субъект отрывается от интендируемой предметности и феноменального содержания, с которыми он соотносился до погружения в сферу бессознательного бытия, и привязывается к другому психическому опыту, существующему потенциально в виде метаинформационного кода рассматриваемого ментального события. Таким образом, в результате обратного процесса расшифровки бессознательного переживания происходит трансформация поведения, позволяющая символически *преобразовывать* какую-то важную потребность. В результате сублимации переживающий субъект реализует неосознаваемые деструктивные потребности социально приемлемым конструктивным способом. Например, человек с преступными мыслями может стать следователем, а с садистическими наклонностями – хирургом. По мнению З.

Фрейда, именно сублимация сексуальных инстинктов, на которые в цивилизованном обществе накладываются запреты, стимулирует великие достижения в области науки и искусства.

Психическое противодействие переводит ментальное событие в бессознательно существующий метаинформационный код, расшифровка которого предполагает потенциальную множественность феноменального содержания рассматриваемого психического опыта и бытия переживающего субъекта. При этом интенционально полагаемая предметность отрывается от феноменального содержания психического акта и бытия переживающего субъекта, с которыми она соотносилась до погружения в сферу бессознательной психики, и привязывается к другому психическому опыту, существующему потенциально в виде метаинформационного кода рассматриваемого ментального события. Таким образом, в результате обратного процесса расшифровки бессознательного переживания происходит трансформация поведения, позволяющая символически *элиминировать* какую-то важную потребность. В результате противодействия переживающий субъект осознанно выступает против желаний, которые ему в действительности присущи на бессознательном уровне бытия. Например, мужчина с гомосексуальными наклонностями, противодействуя своим желаниям, дабы сохранить в глазах окружающих людей облик настоящего мужчины, может высмеивать гомосексуализм и выступать его агрессивным противником. При этом чем более сильными оказываются его собственные подавленные гомосексуальные желания, тем с большей страстью он осуждает представителей сексуального меньшинства, подчеркивая свою противоположную позицию.

Психическая регрессия переводит ментальное событие в бессознательно существующий метаинформационный код, расшифровка которого предполагает потенциальную множественность бытия переживающего субъекта и предметности рассматриваемого психического опыта. При этом феноменальное содержание отрывается от бытия переживающего субъекта и интенционально полагаемой предметности, с которыми оно соотносилось до погружения в сферу бессознательной психики, и привязывается к другому психическому опыту, существующему по-

тенциально в виде метаинформационного кода рассматриваемого ментального события. Таким образом, в результате обратного процесса расшифровки бессознательного переживания происходит трансформация поведения, позволяющая символически *удовлетворять* какую-то важную потребность. В процессе регрессии переживающий субъект использует инфантильные поведенческие стратегии, к которым он прибегал в детстве, с целью получения желаемого результата. Например, женщина может капризничать, как маленькая девочка, пытаясь контролировать своего мужчину, дабы почувствовать себя любимым и значимым человеком.

Психическое отрицание переводит ментальное событие в бессознательно существующий метаинформационный код, расшифровка которого предполагает потенциальную множественность бытия самого переживающего субъекта, а также интенционально полагаемой предметности и феноменального содержания рассматриваемого психического опыта. Таким образом, обратный процесс расшифровки переводит бессознательное переживание в состояние небытия по всем трем основным структурным составляющим, в результате чего переживающий субъект отрицает весь ментальный опыт целиком. В процессе отрицания не происходит никакой трансформации рассматриваемого психического опыта, но он полностью вытесняется, не оставляя следов на сознательном уровне бытия. Например, мужчина может не признавать того факта, что любимая женщина его бросила, продолжая вести себя так, как если бы в их отношениях ничего существенного не изменилось. Или мать может до последнего момента отрицать тот факт, что ее сын пристрастился к наркотикам несмотря на то, что поступки сына с очевидностью указывают на драматические изменения в его жизни.

Если обозначить символом « \rightarrow » переход структурных составляющих ментального опыта из действительного бытия в возможное (т.е. из определенного психического состояния в неопределенное), а символом « $+$ » их фиксацию на уровне действительного бытия (т.е. в определенном психическом состоянии), то основные механизмы бессознательной перекодировки психической информации можно представить в виде табл. 3.

Табл. 3. Механизмы бессознательной перекодировки психической информации

Механизмы бессознательной перекодировки психической информации	Интендируемый предмет	Феноменальное содержание	Переживающий субъект
Замещение	—	+	+
Рационализация	+	—	+
Проекция	+	+	—
Сублимация	—	—	+
Противодействие	+	—	—
Регрессия	—	+	—
Отрицание	—	—	—

Сознание есть действительное бытие бессознательной психики, формируемое в процессе декогеренции множества возможных психических состояний, тогда как бессознательная психика есть возможное бытие сознания, формируемое, во-первых, со стороны более низкого информационного уровня в качестве коррелята нейронной активности мозга, и, во-вторых, со стороны более высокого информационного уровня в качестве суперпозиции возможных ментальных переживаний. Сознательное свертывается из действительного бытия в возможное, переходя на бессознательный уровень психики, а бессознательное развертывается из возможного бытия в действительное, переходя на сознательный уровень психики. Такой взаимный переход между сознательным и бессознательным случается непрерывно в рамках психического бытия, поскольку сознательное и бессознательное образуют единое онтологическое целое, скрепляемое темпоральным единством сознающего субъекта. В интерпретирующем контексте, который задается установкой сознания, суперпозиция бессознательных переживаний коллапсирует в субъективно переживаемый внутренний мир подобно тому, как в экспериментальной ситуации, которая задается устройством макроскопических приборов, суперпозиция возможных состояний квантовой системы коллапсирует в классическое состояние с определенными физическими параметрами.

§ 4. Квантово-информационная специфика бытия сознания как основа ментальной каузации и свободы сознающего субъекта

Согласно материалистической точке зрения, все существующее во Вселенной имеет в своей онтологической основе физическую природу (ибо, в конечном счете, все разнообразие наблюдаемого сущего возникло из взаимодействия физических полей и частиц) и, значит, обладает физической активностью, а, следовательно, и сознание как феномен, существующий во Вселенной, также должен обладать физической активностью. В противном случае он утрачивает свое бытие, и мы смещаемся в сторону элиминативизма, который несовместим с феноменалистической предпосылкой данного исследования, ибо не признает существование субъективно-ментального опыта. Если мы придерживаемся эволюционной теории и полагаем, что в процессе развития живых организмов закрепляются признаки, которые способствуют адаптации к изменяющимся условиям окружающей среды, то тогда мы должны согласиться, что сознание как продукт эволюционного развития живых организмов играет важную адаптивную роль. Отсюда следует, что оно не является пассивным, поскольку входит в причинно-следственную цепочку физических событий, обуславливающих поведение живого организма.

С учетом феноменалистической предпосылки и экзистенциального требования вслед за Р. Пенроузом удобно выделить две основные компоненты ментальной жизни сознающего субъекта – осознанное созерцание и осознанное воление. *Осознанное созерцание* представляет собой пассивную компоненту сознания, благодаря которой субъект фиксирует, свидетельствует феноменальное содержание, субъективно переживаемое в ментальном опыте. В отличие от этого *осознанное воление* представляет собой активную компоненту сознания, благодаря которой субъект может совершать действия, обусловленные не бессознательными факторами, а сознательным усилием, преодолевающим их психическое сопротивление. При этом согласно экзистенциальному требованию должны быть отброшены любые спекуляции по поводу того, что, на самом деле, сознательное усилие является

бессознательным и, значит, говорить об осознанном волеии можно лишь условно, имея в виду особую форму действия бессознательной силы.

Пассивность сознания противоречит экзистенциальному требованию и лишает человека свободы воли. Если ментальные переживания не оказывают влияния на поведенческие реакции, то в этом случае мы лишь свидетельствуем определенные решения, тогда как все они принимаются на бессознательном уровне бытия без нашего активного участия. Мы оказываемся биологическими роботами, которые наблюдают за своими действиями, но ничего, по существу, изменить не могут, а то, что им кажется, будто они меняют самостоятельно, обуславливается не их осознанным выбором, а скрытыми бессознательными причинами. Мы превращаемся в безвольных зомби, которые осознают свою внутреннюю жизнь, но при этом никак на нее не могут повлиять, что включает в себе логическое противоречие, ибо всякое физическое следствие в силу принципа каузальной замкнутости физического мира становится физической причиной, и, значит, сознание, будучи результатом активности нейронных сетей головного мозга, должно с необходимостью продуцировать действие, реализуемое на физическом уровне бытия и не сводимое к бессознательной активности мозга.

Проблема ментальной каузации, обусловленная влиянием ментальных феноменов на процессы физического порядка, сочетается с проблемой человеческой свободы, поскольку существование последней как именно способности сознающего субъекта преобразовывать материальную жизнь с необходимостью предполагает энергоинформационное взаимодействие сознания и тела. Если Вселенная представляет собой сложно организованную физическую систему, подчиняющуюся причинности лапласовского или больцмановского типа, то мы должны объяснить, каким образом ментальные феномены, имеющие нефизическое бытие, могут оказывать воздействие на телесные структуры в рамках принципа каузальной замкнутости физического мира. Рассматривая этот вопрос с философской стороны, мы находим три основных ответа, образующих соответственно три концепции свободы: 1) детерминизм, 2) либертариизм и 3) компактибилизм.

Согласно *детерминистской* точке зрения сознание встраивается в причинно-следственные взаимосвязи природно-физических процессов, вследствие чего свобода человека оказывается фикцией, не имеющей реальных оснований, как это происходит в функционализме, бихевиоризме и теории тождества свойств. Если мы встаем на материалистические позиции и утверждаем, что бытие Вселенной сводится к взаимодействию материальных частиц и полей, которые образуют онтологический фундамент мира, то сталкиваемся с трудностью, пытаясь объяснить феномен экзистенциальной свободы как именно возможности человека вести себя не в соответствии с определенными детерминирующими факторами физического, психологического, биологического или социокультурного свойства, а вопреки им, утверждая свою индивидуальную волю. Если же мы говорим, что свобода человека, его способность совершать осознанный выбор, обуславливается воспитанием, характером, системой убеждений и ценностей, а также влиянием окружающей среды и ничем другим, что принадлежало бы сфере сознания и не сводилось бы по сущности к факторам бессознательного порядка, то, в конечном итоге, она оказывается спекулятивным понятием, которому соответствует не субъект, обладающий способностью к самодетерминации, а сложный комплекс причинно-следственных взаимосвязей, которые делают наше «свободное» поведение в действительности несвободным.

Еще Б. Спиноза в Новое Время утверждал, что воля – это иллюзия, а свобода – это познанная необходимость, т.е. необходимость действия определенной вещи в соответствии с ее собственной природой. Поэтому чем в большей степени человек постигает свою истинную природу, тем в большей степени он является свободным существом, способным действовать самостоятельно и автономно. Таким образом, познание фундаментальных и неизблемых причин бытия оказывается основой правильной и добродетельной жизни. Поскольку же такие причины, как полагал Б. Спиноза, укореняются в Боге, то именно познание Бога открывает нам, существам разумным и духовным, путь к истинной свободе. В этом смысле свобода в философии Б. Спинозы противопоставляется не необходимости, а принуждению, что подтверждается следующими его словами: «Стремление человека

жить, любить и т.п. отнюдь не вынуждено у него силой, и, однако, оно необходимо; тем более нужно сказать это о бытии, познании и деятельности Бога»⁸⁴. Свобода в данном случае обуславливается осознанным желанием человека действовать в соответствии с порядком вещей, которому соответствует определенный порядок идей, тогда как рабство, в свою очередь, сводится к отсутствию такого осознанного желания.

Однако здесь возникает вопрос: разве вещь не действует всегда сообразно собственной природе и в соответствии с предустановленными законами бытия? Ведь всякая вещь по сущности есть именно то, что она есть сообразно собственной природе и в соответствии с предустановленными законами бытия. И если вещь действует не сообразно собственной природе, которую мы ей приписываем, то это означает лишь то, что она обладает другой природой и, следовательно, является, на самом деле, другой вещью, а не той, за которую мы ее принимаем. Получается, что Б. Спиноза спекулирует, утверждая, что свободными существами делает нас познание собственной природы, поскольку сам процесс познания обуславливается многими факторами, и тот факт, познаем мы причины нашей жизни или не познаем, в действительности зависит не от нас самих как свободных и мыслящих существ, а от скрытых (неосознаваемых) причин, которые обуславливаются, в конечном итоге, предустановленными законами бытия.

Понимая это, Б. Спиноза честно заявляет, что, на самом деле, истинной свободой обладает лишь такая вещь, которая является причиной самой себя, т.е. субстанция или Бог. Но, доводя свои рассуждения до логического конца, он утверждает существование всеобщей и однозначной необходимости, сообразно которой все окружающие вещи не могли быть произведены Богом никаким другим способом и ни в каком другом виде, нежели они были произведены в материальной Вселенной. Следовательно, никакой свободы сознания, которая противопоставляется детерминизму человеческого бытия, в действительности не существует и существовать не может, поскольку даже Бог подчиняется строгой необходимо-

⁸⁴ Спиноза Б. Письма некоторых ученых мужей к Б. Спинозе и его ответы, проливающие немало света на другие его сочинения // Спиноза Б. Избранные сочинения. Том 2. СПб., 1999. С. 585.

сти и не обладает истинной свободой воли. Другими словами, Бог в качестве субстанции, действительно, является причиной самого себя, но Его самодетерминация осуществляется в соответствии с предустановленным порядком идей, который, в свою очередь, обуславливает предустановленный порядок вещей.

В диалектическом материализме (который следует отнести не к детерминизму, а к компактибилизму) свобода также понимается как осознанная необходимость, но уже в том смысле, что свободная личность, осознавая объективные закономерности общественного и индивидуального развития, принимает их и следует им вопреки сиюминутным и эгоистичным тенденциям. По этому поводу Э.В. Ильенков пишет: «Абсолютная свобода – абсолютно полное согласие действий человека с совокупной мировой необходимостью. Реальному, земному человеку до этого, разумеется, очень далеко, но направление, двигаясь по которому он может достигать все большей и большей свободы (единственно доступной ему свободы), этим очерчено совершенно точно и однозначно»⁸⁵.

Но тут опять-таки возникает вопрос: каким образом возможно противиться объективным закономерностям общественного и индивидуального развития личности, если само по себе такое сопротивление означает наличие других закономерностей, отличных от тех, которым подчиняется естественный ход событий в силу совокупной мировой необходимости? Ведь если эти сверхприродные (метафизические) закономерности не укореняются в природных (физических), то тогда помимо природного начала у окружающего мира существует еще и иное, неприродное, из которого, собственно говоря, и вытекают закономерности вышеуказанного сопротивления. А если они все-таки имеют природный (физический) характер, то тогда остается непонятным, почему мы одним природным закономерностям искусственным способом противопоставляем другие природные закономерности, а не рассматриваем их в онтологическом единстве подобно тому, как гравитации и давлению света внутри звезды, которые находятся в противоборстве, мы приписываем единую материальную сущность.

⁸⁵ Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 105.

Диалектически ориентированные материалисты отвечают на этот вопрос, апеллируя к тому, что в процессе эволюции человека формируется социокультурный слой бытия, который, с одной стороны, уже не является чем-то природно-физическим, а, с другой стороны, именно он и отвечает за осознанный выбор мыслящего и духовного существа. Вместе с этим они признают, что в основе социокультурного бытия лежат процессы природно-физического характера, которые, во-первых, являются онтологически первичными, а, во-вторых, раскрывают сущность объективно-материальной организации мира. Другими словами, социокультурные события онтологически надстраиваются над природно-физическими процессами, будучи по отношению к ним производными, хотя вместе с тем не исключается их обратное влияние на события природно-физического порядка. Однако, в конечном счете, надстраиваемое бытие не противоречит бытию фундаментальному, а сводится к нему как к своей изначальной онтологической основе. Например, законы термодинамики, описывающие поведение большого скопления элементарных частиц, не противоречат законам квантовой физики, которым подчиняется поведение каждой элементарной частицы в отдельности. Поведение газа как макроскопического объекта описывается уравнениями термодинамики, тогда как, в принципе, оно может быть описано и в виде комплекса элементарных частиц, взаимодействующих друг с другом в соответствии с законами квантовой механики (хотя такое описание и будет существенно более громоздким, нежели термодинамическое). Между двумя разными описаниями единого материального объекта не существует никакого противоречия, поскольку иначе физика как наука теряет свою полноту и целостность. Таким образом, если мы не хотим впасть в формально-логическое (а не диалектическое) противоречие, то должны признать, что всю сферу социокультурного бытия, в принципе, можно непротиворечивым образом описать и с помощью эволюционно-биологических законов, а те, в свою очередь, свести к законам биохимического характера, и, двигаясь далее вглубь бытийной основы природного мироздания, прийти, в конечном итоге, к квантовому взаимодействию элементарных частиц. И чем более глубокие онтологические корни социокультурных (высокоуровневых) феноменов мы будем рассматривать,

тем более сложный и запутанный вид примет их физическое (низкоуровневое) описание, которое, возможно, никогда не станет доступным ни когнитивным способностям человека, ни продвинутым компьютерам будущего. Следовательно, социокультурное бытие редуцируется к физическому, поскольку оно не может заключать в себе ничего такого, что не было бы каузально связанным с его изначальной онтологической основой.

Поэтому, говоря о свободе человека в рамках детерминистской теории, мы, в конечном итоге, имеем дело с философской спекуляцией, а не с реальным феноменом экзистенции, который предполагает наличие осознанного выбора, противостоящего причинной обусловленности физического порядка. В свою очередь, отрицание свободы как реального феномена экзистенции и провозглашение тотальной детерминированности человеческого поведения (пусть даже такая детерминированность и носит не лапласовский, а больцмановский характер) с неизбежностью приводит к проблемам этического и нравственного толка. В самом деле, если осознанный выбор является бессознательно детерминированным (в случае причинности лапласовского типа) или бессознательно индетерминированным (в случае причинности больцмановского типа), то человек оказывается онтологически (экзистенциально) несвободным существом, а его «свободное» поведение редуцируется к природным процессам закономерного или случайного характера. Но если не существует свободы, то не существует и ответственности, ибо бессмысленно говорить об ответственности бессознательного существа за совершаемые поступки, в то время как его поведение подчиняется лишь совокупности программ и алгоритмов без непосредственного участия сознательной воли. Отсутствие же ответственности не позволяет вести речь о справедливом и оправданном наказании человека в отношении поступков, которые не определяются его осознанным выбором и обуславливаются, в конечном счете, факторами, не зависящими от ментального опыта.

Либертаризм в отличие от детерминизма опирается на иные онтологические основания и возвращает человеку экзистенциальную сущность, утверждая, что все мыслящие и сознающие существа обладают свободой выбора и могут со-

вершать поступки, не детерминированные во всей своей полноте процессами физического порядка. В рамках либертаризма сознание извлекается из причинно-следственных взаимосвязей природы и не сводится к механистичным алгоритмам поведения, что позволяет сохранить духовную компоненту человеческого бытия. Однако такой подход, начинающий рассуждения с противоположной аксиомы, которая защищает свободу в отличие от необходимости, при его последовательном развитии заставляет нас отказаться от материалистической онтологии, признавая, по крайней мере, у отдельных поступков, наличие нематериального источника, который имеет самостоятельное существование и не порождается никакими физическими процессами.

Либертаризм может иметь монистический или дуалистический характер. *Монистический либертаризм* помещает сознание в бытийный фундамент мира и делает его первичным по отношению ко всем материальным процессам, что характерно, например, для идеалистической философии Д. Беркли и Г. Гегеля. В отличие от этого *дуалистический либертаризм*, свойственный, например, философии Р. Декарта, закладывает в бытийную основу мироздания два самостоятельных начала – материальное и духовное, каждое из которых является источником и причиной соответствующих событий, а также взаимодействует со своим онтологическим антиподом, благодаря чему, с одной стороны, материя влияет на душу человека, ограничивая ее свободу, а, с другой стороны, душа человека влияет на материю, нарушая закон сохранения физической энергии. Отсюда видно, что либертаристская концепция свободы сталкивается с серьезными проблемами, обусловленными нарушением принципа каузальной замкнутости физического мира, ибо свобода воли является источником аномальных физических событий, которые происходят в окружающем мире, но не могут быть объяснены средствами физической теории.

Согласно *компактибилизму* сознание, с одной стороны, встраивается в причинно-следственные взаимосвязи природы, а, с другой стороны, сохраняет свободу воли, не сводимую ни к каким детерминирующим факторам физического мира.

При этом можно говорить о панпсихическом, параллелестическом или натуралистическом компактибилизме.

Панпсихический компактибилизм полагает сознание (точнее протоментальную сущность) в качестве исконного свойства материального мира, которое влияет на физические события, встраиваясь в их причинно-следственные цепи, что характерно, например, для панпротопсихической (психофизической) философии Д. Чалмерса. В соответствии с данной точкой зрения невозможно построить исчерпывающую модель физической реальности, не учитывая протоментальную сущность как ее неотъемлемую бытийную компоненту. Поэтому в процессе развития научного мировоззрения протоментальные (а, в конечном счете, и ментальные) параметры должны войти в физические уравнения, описывающие поведение материальных систем различной степени сложности. Вслед за Д. Чалмерсом можно предположить, что онтологической (протоментальной) основой сознания является информация. В этом случае информация оказывается промежуточным звеном между свободой сознания и детерминированностью физического бытия в рамках единой материальной Вселенной. Однако панпсихически ориентированная компактибилистская теория свободы отождествляет информационные состояния с психическими, за счет чего остается уместным вопрос, связанный с тем, каково это – находиться в том или ином информационном состоянии независимо от его онтологического уровня, что порождает рассмотренные выше проблемы панпсихической онтологии.

Параллелестический компактибилизм, свойственный, например, философии А. Гейлинкса, заключается в том, что физические и ментальные процессы протекают параллельно, не находясь при этом в причинно-следственных отношениях подобно тому, как двое невзаимодействующих часов могут идти сонастроено в течение длительного промежутка времени. Согласно данной точке зрения сознание сохраняет свободу, поскольку его активность не детерминируется активностью физического, но в то же самое время физическое не теряет своей каузальной замкнутости, поскольку не испытывает на себе влияние ментального, но тем не менее и физическое, и ментальное каким-то непостижимым образом кор-

релируют друг с другом, благодаря чему и создается иллюзия их причинной взаимобусловленности.

Если мы признаём одновременное существование множества возможных миров, в каждом из которых происходит определенная последовательность событий, то вероятность существования мира, в котором ментальное, не будучи детерминированным со стороны физических процессов, сопутствует им в неизменной корреляции, оказывается не равной нулю подобно тому, как в известном мысленном эксперименте бессмертная обезьяна, хаотично барабанила пальцами по клавиатуре компьютера, создает за конечный промежуток времени все шедевры мировой художественной литературы (поскольку в данном случае вполне уместна аналогия между бессмертной обезьяной, «экспериментирующей» с буквами на клавиатуре компьютера, и вечной природой, комбинирующей в различных мирах элементы материального мира). Значит, сознание возникает только в том метафизически возможном мире, в котором ход психических событий соответствует ходу событий физического порядка, тогда как во всех остальных возможных мирах никакого ментального опыта не существует. Данное утверждение можно назвать мягким антропным принципом в рамках философии сознания по аналогии с мягким антропным принципом в космологии, согласно которому мы живем именно в том мире, в котором живем, а не в каком-либо ином, просто потому, что другие метафизически возможные вселенные не соответствуют нашей природной конституции. Однако такое объяснение феномена свободы становится предметом веры и не может быть ни верифицировано, ни фальсифицировано, ибо отрицает каузальное единство объясняемого мира.

Натуралистический компактибиллизм, прослеживаемый в эмерджентизме и диалектическом материализме, утверждает, что на определенном уровне структурной организации физических систем возникают ментальные феномены, которые не редуцируются к физическим процессам и оказывают на них каузальное действие. Однако и эта точка зрения не избегает серьезных проблем, поскольку остается непонятным механизм каузального отрыва ментальной сферы бытия от физической, в то время как ментальное, во-первых, порождается физическими

процессами, а, во-вторых, существует в физическом мире, состоящем из элементов, которые не имеют сущностного отношения к самим ментальным феноменам.

К разновидности натуралистического компактибилизма можно отнести теорию информационной причинности Д.И. Дубровского, согласно которому на определенном уровне функциональной организации физических систем управление их поведением обуславливается уже не физическими процессами, а информационными кодами. Однако подобное утверждение предполагает несводимость кодовой зависимости к процессам физического характера, что, в свою очередь, приводит к нарушению принципа каузальной замкнутости физического мира, поскольку у физических следствий, в конечном счете, оказываются нефизические причины.

Обобщая вышесказанное, мы приходим к выводу, что существующие концепции свободы либо уводят нас в сторону идеалистического мировоззрения, если мы отрываем сознание от его материальной основы, либо элиминируют свободу как экзистенциальную активность сознания, если мы остаемся в рамках материалистического мировоззрения. Поэтому необходимо построение новой теории свободы, которая позволила бы, сохранив материалистические позиции, не утратить экзистенциальную активность сознания, с чем, как мы увидим далее, справляется теория квантово-информационного коррелятивизма.

Проблема существования человеческой свободы напрямую связана с принципом каузальной замкнутости физического мира, поскольку если мы утверждаем, что человек обладает подлинной (реально существующей) свободой выбора, то это фактически означает, что знания всей совокупности физических фактов, имеющих отношение к бытию человека в данный момент времени, недостаточно для того, чтобы спрогнозировать его дальнейшее поведение (как в лапласовском, так и в больцмановском смысле). В противном случае свобода оказывается иллюзией, и поведение человека полностью детерминировано физическими процессами, которые протекают внутри человеческого тела и в окружающей среде. Если же мы говорим, что свобода существует как реальный феномен, то тогда, во-первых, материализм оказывается ложной теорией, а, во-вторых, нарушается

принцип каузальной замкнутости физического мира. Первый вывод обуславливается тем, что согласно материалистической точке зрения вся совокупность физических данных об окружающем мире должна исчерпывать все возможные данные вообще, поскольку любое событие, происходящее в окружающем мире, в своей онтологической основе имеет физическую природу. Поскольку же существование свободы не позволяет из всей совокупности физических данных вывести поведение человека, то некоторые факты оказываются лишенными своей физической основы, что и указывает на ложность материалистической теории. Второй вывод опирается на то, что если человек обладает подлинной (реально существующей) свободой выбора и может совершать поступки, которые не детерминируются всей совокупностью физических фактов, то это означает, что некоторые физические события имеют нефизическую причину, и, следовательно, физическая энергия возникает из ниоткуда, в результате чего с научной точки зрения мы приходим к недопустимому выводу.

При этом следует понимать, что проблема свободы воли в рамках материалистической картины мира не решается ссылкой на случайный характер физических событий, поскольку случайность (как именно непредсказуемость будущего поведения системы) и свобода (как именно возможность осознанного и самостоятельного выбора) – два разных и не сводимых друг к другу понятия. Например, К. Поппер и Д. Экклз полагают, что квантовая неопределенность событий объясняет существование свободного выбора. В античности Эпикур видел онтологическую основу свободы в случайном отклонении атомов, из которых состоит человеческое тело. Но Т. Хондрих справедливо возражает, что случайность и неопределенность в лучшем случае позволяют объяснить лишь индетерминированность и непредсказуемость человеческого поведения, но никак не свободу воли в виде самодетерминированности сознания. Случайное поведение не тождественно свободному, ибо последнее предполагает осознанность и, как следствие, ответственность за собственные поступки. Ведь никто не станет утверждать, что поведение робота, управляемого генератором случайных чисел, является не просто непредсказуемым, но еще и свободным, т.е. осознанным и ответственным.

Таким образом, если мы хотим остаться на позициях материализма, то следует признать, что свобода как возможность противодействовать обуславливающим факторам физического мира, которые детерминируют внутренне переживаемую психическую жизнь, является фикцией и в качестве реального феномена не существует. По этому поводу С. Прист в своей книге «Теории сознания» замечает, что «ментальная жизнь, которая присуща каждому из нас, представляет собой, в соответствии с большинством современных вариантов материализма, серию физических событий, т.е. ряд электрохимических процессов в мозге»⁸⁶. Значит, свободы воли не существует, и все поведение человека управляется не сознательными, а бессознательными и непсихическими (физическими) процессами.

Экспериментальные исследования профессора Калифорнийского университета Б. Либета доказывают, что человек осознает свои желания и побуждения через несколько миллисекунд после того, как его мозг на бессознательном уровне формирует потенциал готовности к соответствующим действиям. Поэтому бессознательное принимает решение раньше, нежели оно фиксируется в сознании субъекта. Некоторые мыслители (например, С. Блэкмор и Д. Вегнер) отсюда сделали вывод, что сознание в действительности ничего не выбирает, а лишь свидетельствует постфактум собственно то, что уже было выбрано на бессознательном уровне бытия, и, следовательно, свобода воли является иллюзией. Эта точка зрения свойственна эпифеноменалистской теории, в рамках которой сознание продуцируется мозгом, но со своей стороны не действует на процессы, протекающие в физическом теле человека. Однако при этом остается непонятной эволюционная ценность сознания, ибо последнее оказывается бесполезным довеском к процессам бессознательного характера.

Признание сознания в качестве феноменальной тени физических процессов, протекающих в головном мозге человека, обесценивает его как экзистенциальный феномен. Оно становится излишним каузально пассивным феноменом, который не играет существенной роли в жизни человека, ибо осмысленные решения в действительности генерируются бессознательной психикой, тогда как на сознатель-

⁸⁶ Прист С. Теории сознания. М., 2000. С. 97.

ном уровне бытия лишь фиксируется готовый результат, ошибочно принимаемый за акт свободной воли. Если мы стоим на материалистических позициях, то не станем отрицать, что поведение человека управляется физическими процессами, протекающими в нейронных сетях головного мозга, которые мы не осознаем и не контролируем, а, следовательно, мы не осознаем и не контролируем фундаментальные причины наших поведенческих реакций, что элиминирует феномен свободы из сферы человеческого бытия.

Несмотря на результаты собственных экспериментов, Б. Либет полагал, что свобода воли существует и заключается в способности субъекта прекратить действие, соответствующее потенциалу готовности, сформированному на уровне бессознательной психики. Профессор философии А. Меле, интерпретируя экспериментальные данные, полученные в исследованиях Б. Либета, предлагает различать побуждения, желания и решения, первые из которых имеют бессознательный характер и соответствуют нейрофизиологическим потенциалам готовности, вторые имеют сознательный характер и представляют собой осознание нейрофизиологических побуждений, сформированных на бессознательном уровне бытия, и третьи также имеют сознательный характер и сводятся к ментальным актам, принимающим или блокирующим реализацию нейрофизиологического потенциала готовности. Однако схожие выводы Б. Либета и А. Меле о существовании человеческой свободы имеют под собой разную онтологию, ибо Б. Либет, будучи дуалистическим либертаристом, рассматривает в качестве носителя психических переживаний некое гипотетическое ментальное поле, субстанциально не сводимое к материальности головного мозга и связывающее в единое онтологическое целое совокупность нейрофизиологических процессов, тогда как А. Меле, будучи натуралистическим компактибилизмом, утверждает, что человек остается свободным даже при условии полной детерминации психических переживаний со стороны физических (нейрофизиологических, биохимических и биоэлектрических) процессов, протекающих в коре головного мозга.

Философская позиция Б. Либета неприемлема в рамках диссертационного исследования, поскольку она уводит нас в сторону от материалистического миро-

воззрения, признавая фактически дуализм декартовского типа. Однако и позиция А. Меле тоже не может считаться удовлетворительной, поскольку она по сути представляет собой интеллектуальную спекуляцию, которая маскирует физико-химический детерминизм под личиной свободы, понимаемой как феномен не психического, а морального или юридического порядка, т.е. феномен, обусловленный не спонтанной активностью сознания, а отсутствием внешнего принуждения. Ведь решение, источником которого является свободная воля сознающего субъекта, также укореняется в нейрофизиологическом потенциале готовности, связанном уже не с желанием, относительно которого принимается данное решение, а с самим желанием (побуждением) принять какое-то «ответственное» решение, поскольку в противном случае мы субстанциально отрываем сознание от физико-химического субстрата мозга и тем самым вслед за Б. Либетом перемещаемся в сторону субстанциального дуализма.

Квантово-информационная специфика бытия сознания позволяет сохранить свободу воли в виде подлинного феномена, а не интеллектуальной спекуляции, скрывающей детерминированность физико-химическими факторами, без нарушения принципа каузальной замкнутости физического мира за счет, во-первых, энергоинформационного принципа, который утверждает, что со всяким физическо-химическим событием коррелируют информационные данные, и, во-вторых, теории поперечной информационной причинности, согласно которой ментальные события не встраиваются в причинно-следственные цепи физико-химического порядка, но влияют на коллапс суперпозиции возможных физико-химических состояний, что обуславливает свободный выбор одной из потенциально существующих причинно-следственных цепей. В рамках квантово-информационной модели сознание признается энергетически пассивным свидетельствованием внутренней психической жизни человека, но это не лишает его способности к свободному выбору, поскольку оно, с одной стороны, будучи невещественным и субъективным, не оказывает никакого энергетического воздействия на вещественные и объективно существующие процессы физического свойства, которые протекают в соответствии со своими исключительно физическими причинами, но, с другой сто-

роны, влияет на физические процессы, не будучи их непосредственной онтологической причиной. Сознание воздействует не на физическое сущее как таковое, а на суперпозицию возможных состояний, каждое из которых, в том числе и отмеченное сознанием, детерминируется процессами физического порядка. И тот факт, что осознанные решения за несколько миллисекунд до их осознанного свидетельствования принимаются на бессознательном уровне психики, нисколько не противоречит наличию у человека свободы воли, если учесть, что бытие сознания подчиняется принципам квантовой онтологии и поэтому ему свойственны эффекты, связанные с отложенным выбором, в рамках которого определенность прошлого детерминируется определенностью будущего. В данном случае осознанный выбор оказывает влияние на предшествующие во времени процессы бессознательного характера, существующие в виде суперпозиции множества потенциальных состояний, что, с одной стороны, сохраняет свободу воли, а, с другой стороны, исключает воздействие ментального опыта на физические события с присутствием такому воздействию производством физической работы.

Кроме этого квантово-информационная специфика бытия сознания позволяет объяснить интегрированный (голографический) характер ментального опыта в отношении его нейрофизиологической подложки, т.е. наличие каузальных связей между физически сепарированными комплексами нейронов, что сохраняет феноменальное единство психического опыта даже в ситуации разделенного мозга или отсутствия каких-то его значимых частей. С целью решения этой проблемы Б. Либет предполагает существование ментального поля, которое «обеспечивает коммуникацию внутри церебральной коры без нейронных соединений и путей в коре»⁸⁷. Однако квантово-информационная специфика бытия сознания позволяет обойтись без столь экзотической гипотезы, укорененной к концепции субстанциального дуализма, ибо квантовый характер физических процессов, сопровождающих ментальную активность субъекта, допускает запутанные (несепарабельные) состояния физически сепарированных участков головного мозга.

⁸⁷ Libet B. *Mind Time: The Temporal Factor in Consciousness*. Cambridge MA, 2004. P. 168.

Согласно квантово-информационной модели сознания причинность материального мира имеет два основных измерения – физическое, или продольное (в рамках которого физическое событие является причиной и следствием по отношению к другим физическим событиям) и поперечное, или информационное (в рамках которого физическое событие является следствием по отношению к событиям информационного порядка, обуславливающим выбор онтологической возможности из суперпозиции событий физического порядка). Используя продольную (физическую) и поперечную (информационную) причинность, удастся решить, во-первых, психофизическую проблему, т.е. проблему отношения между сознанием и телом, и, во-вторых, проблему свободы воли, т.е. проблему осознанного выбора в рамках детерминизма физических процессов, которые обуславливают бытие человека, за счет признания того, что сознание детерминировано в продольном потоке физических событий, образующих каузально замкнутые причинно-следственные цепи (лапласовского или больцмановского типа), и самодетерминировано в поперечном расщеплении физических событий на множество альтернативных вариантов суперпозиции возможных состояний. В итоге квантово-информационная специфика бытия сознания позволяет объяснить, каким образом оно, имея нефизическую природу, активно участвует в становлении физических процессов, не будучи, тем не менее, их физической (энергетической) причиной. При этом материя имеет две онтологические компоненты – физическую (внешнюю, экзофеноменальную) и информационную (внутреннюю, эндофеноменальную), которые коррелируют друг с другом, образуя единое материальное целое. Время является атрибутивной формой существования как физического, так и информационного сущего. Материя может пребывать в двух основных онтологических модусах – в модусе потенциального бытия (который характеризуется суперпозицией возможных состояний) и модусе действительного бытия (который характеризуется реализацией одного из возможных состояний). Потенциальное и действительное бытие в качестве онтологических модусов свойственно как физическому, так и информационному сущему. Причем психическая информация отличается от операциональной и функциональной тем, что присущие ей информа-

ционные данные одновременно находятся в модусах действительного и потенциального бытия, образуя онтологическое единство сознательных (пребывающих в модусе действительного бытия) и бессознательных (пребывающих в модусе потенциального бытия) феноменов психического порядка. Поперечная причинность действует только на уровне потенциального бытия, но в случае психической информации благодаря онтологическому единству сознательной и бессознательной психики она обуславливается процессами, происходящими в сфере сознания, которое пребывает в модусе действительного бытия.

Говорить о подлинной свободе сознающего субъекта можно лишь тогда, когда его поведение в каком-то отношении не является ни физически детерминированным (т.е. предсказуемым в качестве результата необходимых физических процессов), ни физически индетерминированным (т.е. непредсказуемым в качестве результата случайных физических процессов), но оказывается самодетерминированным (т.е. существующим в качестве результата его внутренней ментальной активности, которая указывает на то, что он выступает в качестве причины собственных действий), поскольку иначе свобода становится фикцией или, в лучшем случае, способом описания детерминированного или индетерминированного поведения человека. Например, мы можем сказать, что поведение человека является свободным тогда и только тогда, когда лежащие в его онтологической основе мотивирующие убеждения и ценности носят не интроецированный, а ассимилированный характер, т.е. не навязываются извне, а встраиваются в психическую целостность самосознающей личности. Однако если мы зададимся вопросом о механизмах ассимиляции, которые позволяют человеку иметь не интроецированные, а ассимилированные чувства, желания и мысли (в отличие от псевдочувств, псевдожеланий и псевдомыслей, обусловленных не сознательной активностью субъекта, а навязанными извне стереотипами), то придем к выводу, что они опять-таки должны действовать из имманентной сферы сознания, ибо в противном случае (т.е. в случае их бессознательного характера) стирается функциональная граница между ассимилированной и интроецированной мотивацией.

Имманентная сфера сознания обуславливается активностью индивидуального Я, которое в процессе самосознания обеспечивает экзистенциальное единство психической жизни человека. Поэтому вопрос о человеческой свободе, в конечном счете, сводится к вопросу о бытии индивидуального Я в качестве источника и генератора собственных действий. И тут, прежде всего, следует заметить, что в отношении сущности и существования индивидуального Я возможны четыре основные точки зрения: 1) мифологическая, 2) натуралистическая, 3) психоаналитическая и 4) экзистенциальная.

Согласно *мифологической точке зрения* индивидуальное Я человека в качестве действительного элемента психики не существует. Оно есть миф, в который мы верим, и понятие, которое мы используем для репрезентации собственного поведения, но в действительности ему ничего не соответствует независимо от уровня человеческого бытия (физического, биологического, психологического или социального). Поэтому мифологическая интерпретация индивидуального Я человека означает, что мы не признаем существование экзистенциального источника осознанных действий, а вместе с тем отрицаем и существование свободной воли.

Согласно *натуралистической точке зрения* индивидуальное Я человека сводится к каким-то характеристикам физического мира, например, к эмерджентным свойствам нейронных процессов, протекающих в головном мозге (что соответствует концепции эмерджентизма), функциональным взаимосвязям между нейронными структурами головного мозга (что соответствует концепции функционализма) или поведению биологического организма в целом (что соответствует концепции бихевиоризма). Однако во всех этих вариантах так же, как и в случае мифологической интерпретации индивидуального Я человека, не остается места для свободной воли, поскольку активность сознания полностью сводится к активности физических структур, которые сознанием не контролируются.

Согласно *психоаналитической точке зрения* индивидуальное Я человека, в отличие от натуралистического подхода, укореняется не в физических процессах, а в процессах психологического характера, протекающих на бессознательном

уровне психики. Другими словами, все действия, обусловленные активностью индивидуального Я человека, каузально зависят от опыта, не контролируемого сознанием, поскольку все то, что проявляется на ментальном уровне бытия, изначально существует в виде бессознательных переживаний. Исходя из того, что процесс осознания имеет бессознательные корни, можно утверждать, что 1) психическое не обладает самостоятельной активностью, которая носит физический характер и каузально сводится к нейронной активности головного мозга, или 2) психическое обладает самостоятельной активностью, которая носит бессознательный характер и, обладая феноменальным содержанием, каузально не сводится к нейронной активности головного мозга. В первом случае мы приходим к элиминативистскому пониманию феномена свободы, т.е. к ее устранению в качестве самодетерминирующего фактора ментальной жизни человека. Во втором случае мы также теряем феномен свободы, поскольку утверждаем, что сознание само по себе ничего не контролирует и не участвует в принятии осознанных решений. Следовательно, все наши ментальные переживания детерминируются бессознательной психикой, а на сознательном уровне бытия (в соответствии с экспериментальными исследованиями Б. Либета) мы лишь фиксируем постфактум события, которые уже случаются на уровне бессознательной психики без непосредственного участия ментального субъекта. Поэтому свобода воли оказывается иллюзией, и мы ошибаемся, принимая за осознанный выбор решения, генерируемые на бессознательном уровне психического бытия.

Согласно *экзистенциальной точке зрения*, которая согласуется с квантово-информационной спецификой бытия сознания, индивидуальное Я человека обладает собственной онтологической активностью, которая полностью не сводится ни к физическим процессам, протекающим в головном мозге человека, ни к психическим процессам, имеющим бессознательный характер. Таким образом, сознанию присуща самодетерминированность, которая и является необходимым условием свободы человеческого бытия. Но тогда возникает вопрос, связанный с тем, каким образом становится возможным свободное (самодетерминированное) бытие ментального субъекта в рамках каузально замкнутого физического мира.

Ответ на него без потери материалистических позиций дает теория квантово-информационного коррелятивизма, согласно которой в процессе эволюционного усложнения физических структур эволюционируют и соответствующие им структуры информационного порядка. В итоге, как было показано выше, формируется психическая информация, имеющая две неотъемлемые компоненты – сознательную (существующую в действительности) и бессознательную (существующую в возможности). Причем осознанность, которая реализует бессознательные переживания на ментальном уровне бытия, определяется количеством информации, накопленной во взаимодействии с другими ментальными субъектами, подобно тому, как реализация классического состояния физической системы зависит от количества информации, накопленной во взаимодействии с другими физическими системами. Поэтому чувство ответственности, связанное со свободой, укореняются в социальном бытии человека, которое определяет степень осознанности его психической жизни. При этом коррелятивное соответствие между физическими и ментальными событиями носит неоднозначный характер, в силу чего одно и то же ментальное событие может сопровождаться разными физическими процессами, а над одними и теми же физическими процессами может надстраиваться множество суперпонируемых состояний бессознательного. В итоге мы приходим к выводу, что одно и то же ментальное событие могут переживать разные сознающие субъекты или один и тот же сознающий субъект в разное время, что, в частности, обеспечивает возможность intersубъективного опыта. С другой стороны, тождество физического состояния головного мозга у разных сознающих субъектов еще с необходимостью не означает и тождества ментальных переживаний, выделенных из суперпозиции состояний бессознательного характера, что, в свою очередь, обеспечивает уникальность субъективной онтологии и недублируемость самосознания индивидуального Я человека.

Физические процессы, протекающие в головном мозге человека, участвуют в формировании ментальной информации лишь постольку, поскольку они коррелируют с вероятностным распределением возможных состояний бессознательной психики, тогда как коллапс последних на сознательном уровне бытия определяет

ся процессами информационного характера. На ментальном уровне бытия информационная причинность в результате психической рекогеренции (т.е. взаимосвязи между ментальными переживаниями и суперпозицией бессознательных состояний психики) позволяет сознанию воздействовать на физические процессы, происходящие в теле человека, а уже через них – на физические процессы, которые происходят в окружающем мире. При этом сохраняется каузальная замкнутость физических событий, поскольку сознание лишь выбирает варианты из набора потенциальных состояний бессознательной психики, каждый из которых, в конечном счете, коррелирует с нейронными процессами, протекающими в головном мозге человека.

Поперечная информационная причинность обеспечивает возможность человеческой свободы на уровне психической информации, тогда как на всех остальных уровнях информационного бытия, которые не содержат метаинформационные данные (т.е. информационные данные об информационных данных), с информационными процессами коррелируют процессы физического порядка, которые и отвечают за причинность материальных событий. Другими словами, возможность свободы воли появляется лишь при условии, что информация коррелирует с информацией, а не энергетической активностью материальных систем, в результате чего коллапс возможных состояний бессознательной психики осуществляется информационными данными, которые обеспечиваются не физическим взаимодействием элементов нейронных сетей головного мозга, а информационным взаимодействием элементов бессознательной суперпозиции психических переживаний. Однако осознание свободы и связанная с этим осознанием ответственность за собственные поступки у психического субъекта возникают только на социальном уровне бытия. Благодаря поперечной информационной причинности на уровне сознания возникает субъективно-феноменальная репрезентация окружающего мира в виде виртуальной и интеллигибельной психической реальности, которая может соответствовать объективному положению дел, а может и не соответствовать ему, но которая в любом случае определяет экзистенциально-символическую реальность человеческого бытия. Таким образом, квантово-

информационная теория сознания позволяет непротиворечивым образом вписать экзистенциальную свободу человека в каузально замкнутую физическую Вселенную.

Выводы к главе 4

В четвертой главе диссертационного исследования 1) рассматриваются особенности бытия сознательных и бессознательных феноменов психики, 2) анализируется эволюционная проблема сознания, 3) вскрываются ментальные параметры и функции сознания, 4) описываются механизмы функционирования бессознательной психики в рамках квантово-информационной модели сознания, 5) выстраивается квантово-информационная теория свободы.

На основании полученных результатов можно сделать следующие существенные выводы:

1. Более разнообразное и адаптивное поведение систем, обладающих переживаемым изнутри психическим опытом, обеспечивается параллельным ходом процессов декогеренции и рекогеренции в отличие от систем, которые управляются функциональной информацией и для которых характерно последовательное развитие процессов декогеренции и рекогеренции.

2. Три основные функции сознания (фильтрация, редукция и амплификация) реализуются в рамках топографического единства психики и не могут быть реализованы функциональным изоморфом, который психикой не обладает, но имитирует копируемые поведенческие паттерны сознающего субъекта.

3. В рамках квантово-информационной модели ментального опыта сознательная психика открывается из позиции трансцендентального наблюдателя как результат декогеренции множества психических переживаний бессознательного характера, а бессознательная психика открывается из позиции имманентного наблюдателя как результат рекогеренции множества психических переживаний сознательного характера.

4. Бессознательная психика существует в возможности как суперпозиция психических переживаний, тогда как сознательная психика существует в действительности как реализованное ментальное состояние из множества возможных состояний бессознательного порядка.

5. Бессознательная психика определяется в пространстве осознанной интерпретации, существуя до онтологического коллапса в виде распределения возможностей психического опыта, что позволяет объяснить множественность несовместимых психических онтологий.

6. В онтологической основе ментальной каузации и свободы психического субъекта лежит поперечная информационная причинность, действующая на сознательном уровне бытия.

7. Осознание свободы и связанная с ним ответственность за собственные поступки у психического субъекта возникают только на социальном уровне бытия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Квантово-информационный коррелятивизм учитывает две основные предпосылки в плане построения философской теории сознания – феноменалистическую (согласно которой ментальные переживания, обладая уникальной онтологией, не редуцируются по существу к нейронным процессам и не выражаются по смыслу в физических терминах) и каузалистическую (согласно которой всякое физическое событие может иметь только физическую причину и только физическое следствие), а также соответствует материалистическому принципу (в силу которого материальные процессы на определенном уровне структурной и функциональной организации физических систем порождают состояния ментального порядка) и удовлетворяет экзистенциальному требованию (в силу которого философская теория сознания, несмотря на принцип каузальной замкнутости физического мира, сохраняет свободу человеческого бытия, т.е. онтологическую активность сознания и его способность к спонтанным действиям, не детерминированным во всей своей полноте физическими факторами). Данное положение дел достигается благодаря энергоинформационному принципу, который заключается в том, что всякая передача информации сопровождается передачей энергии, и всякая передача энергии сопровождается передачей информации, т.е. материальное сущее представляет собой онтологическое единство энергии и информации. При этом темпоральность выступает как основа онтологического единства физического и информационного бытия.

Квантово-информационная трактовка бытия сознания опирается, во-первых, на понимание информации как совокупности эндофеноменальных (внутренних) данных, коррелирующих с экзофеноменальной (внешней) системой отношений между физическими объектами, и, во-вторых, на три основных принципа квантовой онтологии – принцип суперпозиции (который заключается в том, что бытие квантового объекта носит потенциальный характер и представляет собой распределение возможностей находиться в том или ином энергоинформационном состоянии), принцип декогеренции (который сводится к тому, что в результате наблю-

дения за поведением квантовой системы, т.е. ее взаимодействия с какими-то другими физическими системами окружающего мира, происходит разрушение пакета возможных состояний и остается одно единственное действительное состояние) и принцип целостности (согласно которому две взаимодействующие квантовые системы существуют в квантово-запутанном состоянии до того момента времени, пока одна из них не подвергается наблюдению, приводящему к коллапсу суперпозиции возможных состояний).

Теоретическая база квантово-информационной модели сознания позволяет решить пять основных проблем бытия ментальных феноменов в физическом мире: 1) онтическую (связанную с тем, что представляет собой сознание по своей материальной сущности), 2) онтологическую (связанную с тем, как становится возможным, что нефизическое сознание существует в физическом мире), 3) психофизическую (связанную с тем, каким образом нефизическое сознание может взаимодействовать с физическими системами), 4) генетическую (связанную с тем, каким образом нефизическое сознание возникает в результате структурного и функционального усложнения физических систем), 5) эволюционную (связанную с тем, какие значимые функции играет сознание в жизни человека и почему они не могут быть реализованы на бессознательном уровне бытия). В процессе решения указанных проблем квантово-информационная специфика бытия сознания учитывает 1) корреляцию между физическими состояниями материальных систем и информационными данными, 2) эволюцию информационных систем, в результате которой операциональная информация (т.е. информация о наличном состоянии физической системы) становится функциональной (т.е. информацией о возможных состояниях физической системы в будущем), а функциональная информация, в свою очередь, становится психической (т.е. информацией о самих информационных данных операционального или функционального типа), 3) поперечную информационную причинность, которая обеспечивает влияние ментального опыта на выбор психического состояния из набора суперпонируемых состояний бессознательной психики, а через них и на физическое тело, что реализу-

ется в виде коллапса суперпозиции возможных состояний отдельных участков нейронных сетей головного мозга.

Проведенное исследование показало, что 1) материю с целью объяснения бытия сознания следует понимать как онтологическое единство энергии и информации; 2) квантово-информационная модель сознания успешно справляется с такими антиматериалистическими аргументами, как аргумент знания Ф. Джексона, аргумент мыслимости С. Крипке и Р. Керка, а также аргумент разрыва в объяснении Д. Левина и Д. Чалмерса; 3) совмещение атрибутивистского понимания информации с принципами квантовой онтологии позволяет объяснить возможность возникновения и развития субъективно-ментального сознания в объективно-физическом мире; 4) квантово-информационная специфика сознания позволяет решить эволюционную проблему, показывая, какие именно особенности ментальной жизни субъекта делают его поведение более разнообразным и адаптивным, нежели поведение, осуществляемое на бессознательном уровне бытия; 5) разделение на продольную и поперечную причинность позволяет решить психофизическую проблему без потери феноменального контента сознания и нарушения принципа каузальной замкнутости физического мира; 6) в рамках квантово-информационной модели сознания находит свое объяснение множественность психических онтологий.

В результате проведенного исследования 1) доказана эффективность квантово-информационной модели ментального опыта в плане понимания сущности сознания как части материалистической картины мира; 2) построена классификация информационных феноменов, позволяющая объяснить возникновение нефизического сознания в физическом мире; 3) преодолен онтологический и дескриптивный разрыв между ментальными и физическими событиями; 4) вскрыта квантовая сущность бессознательной психики; 5) совмещены в рамках единой философской теории уникальная онтология сознания и принцип каузальной замкнутости физического мира, что позволяет, не вступая в противоречие с непосредственным опытом сознающего субъекта, гармонично вписать ментальные феномены в научную картину мира; 6) прояснены эволюционно значимые функции со-

знательной и бессознательной психики; 7) разработана квантово-информационная теория ментальной каузации и свободы сознающего субъекта без нарушения принципов материалистической онтологии.

Перспективы дальнейшего развития квантово-информационной модели сознания видятся в следующем. Следует более углубленно раскрыть сущность информации, коррелирующей с бытием физического сущего, как именно информационных данных, а не физической величины, характеризующей степень упорядоченности физических структур и составляющей разность между максимальным значением энтропии и ее значением в данный момент времени. Более пристального внимания требуют онтологические основания атрибутивистского подхода, согласно которому информация «растворена» в материи и является ее неотъемлемой компонентой. Необходимо дальнейшее прояснение принципов квантовой онтологии, на которые опирается понимание бытия сознания как субъективно-ментальной целостности в объективно-физическом мире.

Следует более внимательно проанализировать переходы между операциональной, функциональной и психической информацией, особенно переход между функциональной и психической информацией, благодаря которому информационные процессы обретают субъективно-феноменальную компоненту, в результате чего формируется внутренне переживаемая реальность сознающего субъекта. Также необходимо разобраться в условиях и механизмах образования информационных целостностей эмерджентного типа (первичных смыслов) при переходе от операциональной информации к функциональной. Особо пристального внимания заслуживает поперечная информационная причинность, которая обеспечивает экзистенциальную свободу сознающего субъекта и позволяет решить эволюционную проблему сознания. Остаются до конца не проясненными функции и параметры сознания, а также механизмы взаимодействия сознательного и бессознательного (т.е., используя терминологию квантово-информационного подхода, механизмы взаимосвязи декогерированного ментального состояния и рекогерированного набора потенциальных состояний психики).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авенариус, Р. Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил / Р. Авенариус. – М.: КомКнига, 2007. – 56 с.
2. Агафонов, А. Ю. Основы смысловой теории сознания / А. Ю. Агафонов. – СПб.: Речь, 2003. – 296 с.
3. Алексеев, А. Ю. Понятие «зомби» и проблема сознания / А. Ю. Алексеев // Проблема сознания в философии и науке. – М.: Канон+, 2009. – С. 195-214.
4. Антипенко, Л. Г. Проблема физической реальности / Л. Г. Антипенко. – М.: Наука, 1973. – 234 с.
5. Антонов, Н. П. Происхождение и сущность сознания / Н. П. Антонов. – Иваново: ИГПИ, 1959. – 187 с.
6. Арбиб М. Метафорический мозг / М. Арбиб. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 304 с.
7. Армстронг, Д. М. Льюис и теория тождества / Д. М. Армстронг // Историко-философский альманах. – 2007. – № 2. – С. 227-231.
8. Аршинов, В. И. Проблема интерпретации квантовой механики и теорема Белла / В. И. Аршинов // Теоретическое и эмпирическое в современном физическом познании. – М.: Наука, 1984. – С. 213-233.
9. Асмолов, А. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии / А. Асмолов. – М.: Смысл, 2002. – 480 с.
10. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Сочинения в 4-х томах. Том 1. – М.: Мысль, 1976. – С. 63-369.
11. Аристотель. О душе / Аристотель // Сочинения в 4-х томах. Том 1. – М.: Мысль, 1976. – С. 369-451.
12. Барышников, П. Н. Семантические процессы сознания: от вычислительных моделей к языковому опыту / П. Н. Барышников // Эпистемология и философия науки. – 2014. – № 3. – С. 96-114.

13. Батаева, Л. А. «Трудные проблемы» аналитической философии сознания / Л. А. Батаева, О. А. Олейник // Вопросы философии. – 2012. – № 4. – С. 56-68.
14. Беляев, М. А. Что мы в действительности объясняем, когда пытаемся объяснить сознание? / М. А. Беляев // Эпистемология и философия науки. – 2015. – № 2. – С. 47-51.
15. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. – М.: Наука, 1994. – 379 с.
16. Бескова, И. А. Эволюция и сознание (когнитивно-символический анализ) / И. А. Бескова. – М.: ИФ РАН, 2001. – 268 с.
17. Бескова, И. А. Феномен сознания. / И. А. Бескова, И. А. Герасимова, И. П. Меркулов. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 367 с.
18. Беркли, Д. Трактат о принципах человеческого знания / Д. Беркли // Сочинения. – М.: Мысль, 1978. С. 149 – 249.
19. Блохина, Н. А. Двухаспектный аргумент в отстаивании дуализма свойств Дэвида Чалмерса / Н. А. Блохина // Вопросы философии. – 2013. – № 2. – С. 148-157.
20. Блохина, Н. А. Теория тождества в системе современных представлений о сознании / Н. А. Блохина // Философия сознания: история и современность. – М.: «Современные тетради», 2003. – С. 181-188.
21. Брысина, Т. Н. Сознание в современном мире / Т. Н. Брысина. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1992. – 119 с.
22. Бунге, М. Несостоятельность психофизического дуализма / М. Бунге // Философские науки. Вып. 2. – М.: Гуманитарий, 1979. – С. 37-49.
23. Васильев, В. В. Кока-кола и секрет Китайской комнаты / В. В. Васильев // Философия сознания: классика и современность. – М.: Издатель Савин С. А., 2007. – С. 86-95.
24. Васильев, В. В. Сознание и вещи. Очерк феноменалистической онтологии / В. В. Васильев. – М.: Либроком, 2014. – 240 с.

25. Васильев, В. В. Трудная проблема сознания / В. В. Васильев. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 270 с.
26. Величковский, Б. М. Когнитивная наука / Б. М. Величковский. – М.: Смысл; Академия, 2006. – 448 с.
27. Веретенников, А. А. Функционализм и теория тождества / А. А. Веретенников // Философия сознания: классика и современность. – М.: Издатель Савин С. А., 2007. – С. 95-105.
28. Вертгеймер, М. Продуктивное мышление / М. Вертгеймер. – М.: Прогресс, 1987. – 335 с.
29. Вильянуэва, Э. Что такое психологические свойства? Метафизика психологии / Э. Вильянуэва. – М.: Идея-Пресс, 2006. – 266 с.
30. Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М.: Наука, 1983. – 344 с.
31. Винник, Д. В. Качественные и интенциональные ментальные состояния. Проблема редукции / Д. В. Винник // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2010. – № 4. – С. 15-30.
32. Винник, Д. В. Неоднородность ментальных феноменов и проблема редукции / Д. В. Винник // Философия науки. – 2010. – № 4. – С.134-149;
33. Винник, Д. В. Основные проблемы современной философии сознания / Д. В. Винник // Философия науки. – 2010. – № 1. – С. 102-122.
34. Винник, Д. В. Сознание в физической реальности / Д. В. Винник. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. – 211 с.
35. Волинский, С. Квантовое сознание / С. Волинский. – Киев: София, 1997. – 198 с.
36. Волков, Д. Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания / Д. Б. Волков. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 318 с.
37. Волков, Д. Б. Опровергает ли аргумент каузальных траекторий локальную супервентность ментального над физическим? / Д. Б. Волков // Эпистемология и философия науки. – 2015. – № 2. – С. 166-182.

38. Встовский, Г. В. Элементы информационной физики / Г. В. Встовский. – М.: МГИУ, 2002. – 260 с.
39. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский // Собрание сочинений в 6 томах. Том 2. – М.: Педагогика, 1982. – С. 5-361.
40. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 637 с.
41. Галантер, Ю. Планы и структура поведения / Ю. Галантер, Д. Миллер, К. Прибрам // История зарубежной психологии (30-е – 60-е годы XX века). Тексты. – М.: Издательство Московского университета, 1986. – С. 97-117.
42. Гарнцев, М. Л. Проблема самосознания в западноевропейской философии (от Аристотеля до Декарта) / М. Л. Гарнцев. – М.: Издательство МГУ, 1987. – 177 с.
43. Гарнцева, Н. М. Антифизикалистские аргументы в учении Д. Чалмерса о сознании / Н. М. Гарнцева // Вопросы философии. – 2009. – № 5. – С. 93-105.
44. Гаспаров, И. Г. Представимость зомби и психофизическая проблема / И. Г. Гаспаров // Философия сознания: классика и современность. – М.: Издатель Савин С. А., 2007. – С. 121-127.
45. Гаспаров, И. Г. Современная аналитическая философия сознания: вызовы и решения / И. Г. Гаспаров, С. М. Левин // Эпистемология и философия науки. – 2015. – № 2. – С. 5-19.
46. Гаспарян, Д. Философия сознания Мераба Мамардашвили / Д. Гаспарян. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2013. – 40 с.
47. Гегель, Г. Наука логики / Г. Гегель. – М.: Мысль, 1998. – 1067 с.
48. Гегель, Г. Феноменология духа / Г. Гегель. – М.: Институт философии, 1959. – 487 с.
49. Гейзенберг, В. Физика и философия / В. Гейзенберг. – М.: Наука, 1989. – 132 с.
50. Гейзенберг, В. Шаги за горизонт / В. Гейзенберг. – М.: Прогресс, 1987. – 368 с.

51. Греймас, А. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души / А. Греймас, Ж. Фонтаний. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 336 с.
52. Гроф, С. Путешествие в поисках себя / С. Гроф. – М.: Эксмо, 2004. – 273 с.
53. Гроф, С. Холотропное сознание: Три уровня человеческого сознания и их влияние на нашу жизнь / С. Гроф. – М.: АСТ, 2002. – 267 с.
54. Грязнов, А. Загадка сознания / А. Грязнов // Логос. – 1999. – № 8(18) – С. 78-89.
55. Гуревич, И. М. Законы информатики – основа строения и познания сложных систем / И. М. Гуревич. – М.: РИФ «Антиква», 2003. – 176 с.
56. Гуревич, И. М. Информационные характеристики физических систем / И. М. Гуревич. – М.: РИФ «Антиква», 2009. – 170 с.
57. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – СПб.: Наука; Ювента, 1998. – 315 с.
58. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 396 с.
59. Гуссерль, Э. Логические исследования. Том I. Прологомены к чистой логике / Э. Гуссерль. – М.: Академический Проект, 2011. – 253 с.
60. Девис, П. Пространство и время в современной картине Вселенной / П. Девис. – М.: Мир, 1979. – 288 с.
61. Дегутис, А. Проблема интенциональности в аналитической философии / А. Дегутис // Проблемы сознания в современной буржуазной философии. – Вильнюс: Типография им М. Шумаускаса, 1983. – С. 175-193.
62. Декарт, Р. Первоначала философии / Р. Декарт // Сочинения в 2-х томах. Том 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 297-423.
63. Декарт, Р. Страсти души / Р. Декарт // Сочинения в 2-х томах. Том 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 481-573.
64. Дельгадо, Х. Мозг и сознание / Х. Дельгадо. – М.: Мир, 1971. – 266 с.
65. Деннет, Д. Виды психики / Д. Деннет. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.

66. Деннет, Д. Онтологическая проблема сознания / Д. Деннет // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – С. 345-378.
67. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М.: АСТ, 2015. – 512 с.
68. Дремов, С. В. Измененные состояния сознания. Психологическая и философская проблема в психиатрии / С. В. Дремов, И. Р. Семин. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2001. – 204 с.
69. Дубровский, Д. И. Информация, сознание, мозг / Д. И. Дубровский. – М.: Высшая школа, 1980. – 286 с.
70. Дубровский, Д. И. Мозг и разум. / Д. И. Дубровский. – М.: Наука, 1994. – 176 с.
71. Дубровский, Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность / Д. И. Дубровский. – М.: Канон+, 2002. – 368 с.
72. Дубровский, Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект / Д. И. Дубровский. – М.: Стратегия-Центр, 2007. – 272 с.
73. Дэвидсон, Д. Исследования истины и интерпретации / Д. Дэвидсон. – М.: Праксис, 2003. – 448 с.
74. Ефимова, И. Я. Трансцендентальная природа сознания / И. Я. Ефимова // Философия сознания: классика и современность. – М.: Издатель Савин С.А., 2007. – С. 410-415.
75. Измайлов, И. А. Сознание и его отношение к мозговым информационным процессам / И. А. Измайлов, Е. Д. Шехтер, М. М. Зимачев // Вестник Московского университета. Сер. 14. – 2001. – № 1. – С. 34-35.
76. Иваницкий, А. М. Главная загадка природы: как на основе работы мозга возникает сознание / А. М. Иваницкий // Психологический журнал. – 1999. – № 3. – С. 58-72.
77. Иваницкий, А. М. Мозговая основа субъективных переживаний: гипотеза информационного синтеза / А. М. Иваницкий // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. – 1996. – № 46. – С. 241-252.

78. Иванников, А. Д. Инфосфера и инфология / А. Д. Иванников, А. Н. Тихонов, И. В. Соловьев, В. Я. Цветков. – М.: ТОРУС ПРЕСС, 2013. – 176 с.
79. Иванов, А. В. Сознание и мышление / А. В. Иванов. – М.: Наука, 1994. – 248 с.
80. Иванов, Д. В. Аргумент от отсутствия квалиа / Д. В. Иванов // Вопросы философии. – 2011. – № 12. – С. 139-149.
81. Иванов, Д. В. Дуализм и qualia / Д. В. Иванов // Вестник Московского университета. Сер. 18. – 2006. – № 2. – С. 3-21.
82. Иванов, Д. В. Природа феноменального сознания / Д. В. Иванов. – М.: Либроком, 2013. – 240 с.
83. Иванов, Д. В. Три аргумента современной аналитической философии сознания / Д. В. Иванов // Аспекты: Сборник статей по философским проблемам истории и современности. Выпуск II. – М.: Современные тетради, 2003. – С. 116-126.
84. Ильенков, Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
85. Кадомцев, Б. Б. Динамика и информация / Б. Б. Кадомцев. – М.: Редакция журнала «Успехи физических наук», 1997. – 400 с.
86. Калинаускас, И. Н. Игры, в которые играет Я / И. Н. Калинаускас. – СПб.: Невский проспект, 2003. – 288 с.
87. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Наука, 1998. – 654 с.
88. Капра, Ф. Дао физики / Ф. Капра. – СПб.: ОРИС, 1994. – 304 с.
89. Картер, Р. Как работает мозг / Р. Картер. – М.: АСТ, 2014. – 224 с.
90. Кассирер, Э. Философия символических форм. Том 1. Язык / Э. Кассирер. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 271 с.
91. Кассирер, Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление / Э. Кассирер. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 280 с.
92. Кениспаев, Ж. К. Когнитивная гипотеза сознания / Ж. К. Кениспаев // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2012. – № 2. – С. 117-119.

93. Кениспаев, Ж. К. Сознание как предмет философии и науки / Ж. К. Кениспаев // Реальность. Человек. Культура: философия и философствование в современной культуре. VII Ореховские чтения Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию кафедры философии Омского государственного педагогического университета. – Омск: ОмГПУ, 2015. – С. 131-135.

94. Ким, Э. В. Супервентизм ментальных каузаций в философии сознания Д. Кима / Э. В. Ким // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Том 2. Философия. – 2014. – № 2. – С. 33-41.

95. Книгин, А. Н. Философские проблемы сознания / А. Н. Книгин. – Томск: Издательство Томского университета, 1999. – 303 с.

96. Козлова, М. С. Размышления о феноменах сознания в работах позднего Витгенштейна / М. С. Козлова // Проблема сознания в современной западной философии: Критика некоторых концепций. – М.: Наука, 1989. – С. 190-213.

97. Колин, К. К. Природа информации и философские основы информатики / К. К. Колин // Открытое образование. – 2005. – № 2. – С. 43-51.

98. Колин, К. К. Структура реальности и феномен информации / К. К. Колин // Открытое образование. – 2008. – № 5. – С. 56-61.

99. Колин, К. К. Философские проблемы информатики / К. К. Колин. – М.: БИНОМ, 2010. – 270 с.

100. Кон, И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание / И. С. Кон. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.

101. Кузнецов, А. В. Когнитивные исследования и проблема ментальной каузальности / А. В. Кузнецов // Вопросы философии. – 2014. – № 3. – С. 133-142.

102. Лангер, С. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства / С. Лангер. – М.: Республика, 2000. – 287 с.

103. Левин, С. М. Коллективное сознание и десубстантивация ментального / С. М. Левин // Журнал Петербургского философского общества. – 2015. – Т. 18. – С. 142-156.

104. Левин, С. М. Феноменальные качества как реляционные свойства / С. М. Левин // Эпистемология и философия науки. – 2015. – № 2 (44). – С. 41-46.

105. Лейбниц, Г. Лейбниц – Бейлю / Г. Лейбниц // Сочинения в 4-х томах. Том 1. – М.: Мысль, 1982. – С. 345-349.
106. Лейбниц, Г. Монадология / Г. Лейбниц // Сочинения в 4-х томах. Том 1. – М.: Мысль, 1982. – С. 413-430.
107. Лейбниц, Г. Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душою и телом / Г. Лейбниц // Сочинения в 4-х томах. Том 1. – М.: Мысль, 1982. – С. 271-282.
108. Лекторский, В. А. Возможны ли науки о человеке? / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2015. – № 5. – С. 3-15.
109. Лекторский, В. А. Познание и сознание: дискуссия анти-реализма и реализма в современной эпистемологии / В. А. Лекторский // Проблема сознания в философии и науке. – М.: Канон+, 2009. – С.54-74.
110. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – 526 с.
111. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – СПб.: Питер, 2004. – 202 с.
112. Локк, Д. Опыт о человеческом разумении / Д. Локк // Сочинения: в 3 т. Том 1. – М.: Мысль, 1985. – С. 78-582.
113. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм / А. Ф. Лосев. – Харьков: Фолио; М.: Издательство АСЕ, 2000. – 960 с.
114. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М.: Издательство Московского университета, 1979. – 320 с.
115. Лэнг, Р. Расколотое Я. Анти-психиатрия / Р. Лэнг. – М.: Академия, 1995. – 350 с.
116. Макеева, Л. Б. Философия Х. Патнэма / Л. Б. Макеева. – М.: ИФ РАН, 1996. – 190 с.
117. Мальбранш, Н. Разыскания истины / Н. Мальбранш. – СПб.: Наука, 1999. – 596 с.

118. Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1992. – 414 с.
119. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 224 с.
120. Мамардашвили, М. К. Сознание как философская проблема / М. К. Мамардашвили // Необходимость себя. Введение в философию, доклады, статьи, философские заметки. – М.: Лабиринт, 1996. – С. 263-278.
121. Мах, Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому / Э. Мах. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 304 с.
122. Медведев, В. И. Экологическое сознание / В. И. Медведев, А. А. Алдашева. – М.: Логос, 2001. – 384 с.
123. Медова, А. А. Модальная теория сознания: Психологические основания / А. А. Медова // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2014. – № 4. – С. 284-289.
124. Медова, А. А. Сознание в модусе времени / А. А. Медова. – М.: ООО «НБ – Медиа», 2014. – 220 с.
125. Менский, М. Б. Сознание и квантовая механика / М. Б. Менский. – Фрязино: Век 2, 2011. – 320 с.
126. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб.: Ювента, Наука, 1999. – 607 с.
127. Мерзляков, С. С. Может ли зомби мечтать / С. С. Мерзляков // Эпистемология и философия науки. – 2013. – № 2. – С. 108-122.
128. Михайлов, И. Ф. Искусственный интеллект как аргумент в споре о сознании / И. Ф. Михайлов // Эпистемология и философия науки. – 2012. – № 2. – С. 107-122.
129. Михайлов, Ф. Т. Загадка человеческого Я / Ф. Т. Михайлов. – М.: Политиздат, 1976. – 286 с.
130. Молчанов, В. И. Исследования по феноменологии сознания / В. И. Молчанов. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 456 с.

131. Молчанов, В. И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания / В. И. Молчанов. – М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004. – 328 с.
132. Нагуманова, С. Ф. Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии / С. Ф. Нагуманова. – Казань: Издательство Казанского университета, 2011. – 222 с.
133. Нагуманова, С. Ф. Сознание как репрезентация / С. Ф. Нагуманова // Ученые записки Казанского университета. – Казань: Издательство КГУ, 2012, Том 154, Кн. 1. – С. 120-129.
134. Налимов, В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В. В. Налимов. – М.: Прометей, 1989. – 292 с.
135. Нойманн, Э. Происхождение и развитие сознания / Э. Нойманн. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1998. – 462 с.
136. Омеляновский, М. Э. Философские вопросы квантовой механики / М. Э. Омеляновский. – М.: Издательство академии наук СССР, 1956. – 278 с.
137. Орлов, В. В. Проблема идеального / В. В. Орлов // Философия сознания: классика и современность. – М.: Издатель Савин С. А., 2007. – С. 159-165.
138. Пальник, М. Квантовая модель эволюции личности / М. Пальник. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2007. – 368 с.
139. Патнэм, Х. Философия сознания / Х. Патнэм. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 240 с.
140. Панченко, А. И. Философия, физика, микромир / А. И. Панченко. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
141. Папуш, М. Психотехника экзистенциального выбора / М. Папуш. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. – 218 с.
142. Пенроуз, Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики / Р. Пенроуз. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 384 с.
143. Пенроуз, Р. Тени разума. В поисках науки о сознании / Р. Пенроуз. – М.: Институт компьютерных исследований, 2005. – 688 с.

144. Перлз, Ф. Опыты психологии самопознания. Практикум по гештальт-терапии / Ф. Перлз, Р. Хефферлин, П. Гудмэн. – М.: Гиль-Эсте, 1993, – 240 с.
145. Петрунин, Ю. Ю. Искусственный интеллект: история, методология, философия / Ю. Ю. Петрунин. – М.: Звездапад, 2002. – 253 с.
146. Пинкер, С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу / С. Пинкер. – М.: URSS, 2013. – 560 с.
147. Пинкер, С. Язык как инстинкт / С. Пинкер. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 456 с.
148. Плохова, М. А. Соотношение сознания и бессознательного в квантовой методологии / М. А. Плохова // Философия сознания: классика и современность. – М.: Издатель Савин С. А., 2007. – С. 349-356.
149. Поляков, С. Э. Феноменология психических репрезентаций / С. Э. Поляков. – СПб.: ПИТЕР, 2011. – 682 с.
150. Поппер, К. Знание и психофизическая проблема / К. Поппер. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.
151. Прибрам, К. Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии / К. Прибрам. – М.: Прогресс. 1975. – 464 с.
152. Прист, С. Как разрешить проблему «сознание – тело» / С. Прист // Логос. – 1999. – № 8(18). – С. 90-103.
153. Прист, С. Теории сознания / С. Прист. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 288 с.
154. Разеев, Д. Н. Когнитивная машинерия и феноменальный поток сознания / Д. Н. Разеев // Философско-литературный журнал Логос. – 2014. – № 2 (98). – С. 1-14.
155. Разеев, Д. Н. Феноменальное единство сознания / Д. Н. Разеев // Журнал Петербургского философского общества. – 2016. – № 21. – С. 153-156.
156. Райков, В. Л. Биоэволюция и совершенствование человека. Гипноз, сознание, творчество, искусство / В. Л. Райков. – М.: Грааль. 1998. – С. 647.
157. Райл, Г. Понятие сознания / Г. Райл. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 408 с.

158. Рамачандран, В. С. Рождение разума. Загадки нашего сознания / В. С. Рамачандран. – М.: ЗАО «Олимп–Бизнес», 2006. – 224 с.
159. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. – М.: Миф, 1993. – 512 с.
160. Рассел, Б. Человеческое познание, его сфера и границы / Б. Рассел. – Киев: Ника-Центр, 1997. – 560 с.
161. Редозубов, А. Мозг напрокат. Как работает человеческое мышление и как создать душу для компьютера / А. Редозубов. – М.: АСТ, 2014. – 224 с.
162. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2002. – 624 с.
163. Рикер, П. Я-сам как другой / П. Рикер. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.
164. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – 508 с.
165. Сартр, Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия / Ж.-П. Сартр. – СПб.: Наука, 2001. – 319 с.
166. Севальников, А. Ю. Интерпретации квантовой механики. В поисках новой онтологии / А. Ю. Севальников. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 192 с.
167. Седов, Е. В начале было слово... / Е. Седов, Д. Кузнецов. – СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 1994. – 79 с.
168. Секацкая, М. А. Функционализм как научная философия сознания: почему аргумент о квалиа не может быть решающим / М. А. Секацкая // Вопросы философии. – 2014. – № 3. – С. 143-152.
169. Семенюк, Э. П. Информационный подход к познанию действительности / Э. П. Семенюк. – Киев: Наукова Думка, 1988. – 240 с.
170. Серл, Д. Открывая сознание заново / Д. Серл. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
171. Сетров, М. И. Информационные процессы в биологических системах: Методологический очерк / М. И. Сетров. – Л.: Наука, 1975. – 154 с.

172. Смирнов, Е. В. Китайская комната, китайский робот и «системный ответ»: перспективы «сильного» искусственного интеллекта / Е. В. Смирнов // Философия и культура. – 2012. – № 2. – С. 101-108.
173. Соловьев, И. В. О содержании и взаимосвязях категорий «информация», «информационные ресурсы», «знания» / И. В. Соловьев, В. Я. Цветков // Дистанционное и виртуальное обучение. – 2011. – № 6. – С. 11-21.
174. Спиноза, Б. Письма некоторых ученых мужей к Б. Спинозе и его ответы, проливающие немало света на другие его сочинения / Б. Спиноза // Избранные сочинения. Том 2. – СПб. : Наука, 1999. – С. 331-569.
175. Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 347 с.
176. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание / А. Г. Спиркин. – М.: Политиздат, 1972. – 303 с.
177. Стевенсон, Л. Десять теорий о природе человека / Л. Стевенсон. – М.: Слово, 2004. – 232 с.
178. Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. – М.: Издательство Московского университета, 1983. – 288 с.
179. Стояновский, Д. Н. Душа: сущность, тайна, врачевание / Д. Н. Стояновский. – М.: АСТ, Донецк: Сталкер, 2005. – 301 с.
180. Суворов, О. В. Разум и феномен «Я» / О. В. Суворов // Вопросы философии. – 2000. – №4. – С. 131-141.
181. Судаков, К. В. Информационный феномен жизнедеятельности / К. В. Судаков. – М.: РМА ПО, 1999. – 380 с.
182. Тарт Ч. Измененные состояния сознания / Ч. Тарт. – М.: Эксмо, 2003. – 288 с.
183. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П. Терьяр де Шарден. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 533 с.
184. Тугаринов, В. П. Философия сознания / В. П. Тугаринов. – М.: Мысль, 1971. – 199 с.

185. Урсул, А. Д. Информация и мышление / А. Д. Урсул. – М.: Знание, 1970. – 50 с.
186. Урсул, А. Д. Информация. Методологические аспекты / А. Д. Урсул. – М.: Наука, 1971. – 295 с.
187. Урсул, А. Д. Природа информации. Философский очерк / А. Д. Урсул. – М.: Политиздат, 1968. – 288 с.
188. Урсул, А. Д. Проблема информации в современной науке / А. Д. Урсул. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
189. Фихте, И. Второе введение в наукоучение для читателей, уже имеющих философскую систему / И. Фихте // Сочинения в 2-х томах. Том 1. – СПб.: Мифрил, 1993. – С. 477-547.
190. Фок, В. А. Квантовая физика и философские проблемы / В. А. Фок // Вопросы философии. – 1971. – № 3. – С. 40-46.
191. Фок, В. А. Об интерпретации квантовой механики / В. А. Фок // Успехи физических наук. – 1957. – Т. LXII, вып. 4. – С. 461-474.
192. Франк, С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию / Ф. Л. Франк // Предмет знания. Душа человека. – М.: Харвест, АСТ, 2000. – С. 631-990.
193. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.
194. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: Просвещение, 1989. – 526 с.
195. Фрит, К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / К. Фрит. – М.: Астрель, 2010. – 335 с.
196. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2009. – 288 с.
197. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
198. Хакен, Г. Тайны восприятия / Г. Хакен, М. Хакен-Крелль. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – 272 с.

199. Хомская, Е. Д. Сознание как проблема нейропсихологии / Е. Д. Хомская // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1999. – № 4. – С. 3-10.
200. Хомский, Н. О природе и языке / Н. Хомский. – М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 288 с.
201. Хорган, Д. Квантовая философия / Д. Хорган // В мире науки. – 1992. – № 8. – С. 24-32.
202. Чалмерс, Д. Сознание и ум. В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс. – М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 512 с.
203. Челпанов, Г. И. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе / Г. И. Челпанов. – М.: Типография «И. Н. Кушнерев и К», 1912. – 319 с.
204. Чернавский, Д. С. Синергетика и информация: Динамическая теория информации / Д. С. Чернавский. – М.: Наука, 2001. – 244 с.
205. Черняк, А. З. К вопросу о каузальной эффективности ментальных свойств / А. З. Черняк // Философия сознания: классика и современность. – М.: Издатель Савин С. А., 2007. – С. 192-200.
206. Чеснокова, Л. Г. Проблема осознания в психологической концепции Л. С. Выготского / Л. Г. Чеснокова // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 2000. – № 1. – С. 38-48.
207. Шимони, А. Реальность квантового мира / А. Шимони // В мире науки. – 1988. – № 3. – С. 22-32.
208. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр // Сочинения. Том 1-2. – М.: Наука, 1993. – 1172 с.
209. Штофф, В. А. Моделирование и философия / В. А. Штофф. – М., Л.: Наука, 1966. – 302 с.
210. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1953. – 328 с.
211. Юлина, Н. С. Головоломки проблемы сознания / Н. С. Юлина. – М.: Канон+, 2004. – 544 с.

212. Юлина, Н. С. Д. Деннет: самость как «центр нарративной гравитации» или почему возможны самостные компьютеры / Н. С. Юлина // Вопросы философии. – 2003. – № 2. – С. 120-130.
213. Юлина, Н. С. Физикализм: дивергентные векторы исследования сознания / Н. С. Юлина // Вопросы философии. – 2011. – № 9. – С. 153-166.
214. Юлов, В. Ф. Мышление в контексте сознания / В. Ф. Юлов. – М.: ИФ РАН, 2004. – 410 с.
215. Юм, Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм // Сочинения в 2 томах. Том I. – М.: Мысль, 1996. – 733 с.
216. Юнг, К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. – М.: Канон, 1994. – 317 с.
217. Adams, E. M. Mental causality / E. Adams // Mind. – 1966. – № 75. – P. 552-563.
218. Armstrong, D. M. A Materialist Theory of the Mind / D. M. Armstrong. – London, 1993.
219. Armstrong, D. M. The Mind-Body Problem: An Opinionated Introduction / D. M. Armstrong. – Oxford, 1999.
220. Baars, B. In the Theater of Consciousness: The Workspace of the Mind / B. Baars. – New York, 1997.
221. Bub, J. The Interpretation of Quantum Mechanics / J. Bub. – Dordrecht-Boston, 1974.
222. Baker, L. R. Metaphysics and mental causation / L. R. Baker // Mental Causation. – N.Y., 1993. – P. 75-95.
223. Bennett, K. Mental causation / K. Bennett // Philosophy Compass. – 2007. – № 2. – P. 316-337.
224. Bertalanffy, L. von. Robots, men and minds: Psychology in the modern world / L. von Bertalanffy. – New York, 1967.
225. Blackmore, S. Consciousness: An Introduction / S. Blackmore. – New York, 2004.

226. Block, N. The harder problem of consciousness / N. Block // *The Journal of Philosophy*. – 2002. – № 99. – P. 319-425.
227. Block, N. *The Computer Model of the Mind* / N. Block. – New York, 1990.
228. Bohm, D. *A New Theory of the Relationship of Mind and Matter* / D. Bohm // *Journal of the American Society for Physical Research*. Vol. 80. – 1986. – № 2. – P. 39-52.
229. Bohm, D. *Unfolding Meaning* / D. Bohm. – New York, 1985.
230. Campbell, N. What was Huxley's epiphenomenalism? / N. Campbell // *Biology and Philosophy*. – 2001. – № 16. – P. 357-375.
231. Chalmers, D. Facing up to the problem of consciousness / D. Chalmers // *Journal of Consciousness Studies*. – 1995. – № 2 (3). – P. 200-219.
232. Chalmers, D. *The Character of Consciousness* / D. Chalmers. – N.Y., 2010.
233. Chomsky, N. *New Horizons in the Study of Language and Mind* / N. Chomsky. – Cambridge, 2000.
234. Churchland, P. Functionalism at forty: a critical retrospective / P. Churchland // *Journal of Philosophy*. – 2005. – № 102. – P. 33-50.
235. Churchland, P. *Matter and Consciousness* / P. Churchland. – Cambridge, 1988.
236. Crick, F. *The Astonishing Hypothesis: The Scientific Search for the Soul* / F. Crick. – N.Y., 1995.
237. Davidson, D. Mental events / D. Davidson // *The Nature of Mind*. – N.Y., 1991. – P. 247-256.
238. Dennett, D. *Consciousness Explained* / D. Dennett. – Boston, 1991.
239. Dennett, D. *Freedom Evolves* / D. Dennett. – London, 2004
240. Eccles, J. *The Wonder of being human: Our brain and our mind* / J. Eccles, D. Robinson. – New York, London, 1984.
241. Edelman, G. *Wider than the Sky: The Phenomenal Gift of Consciousness* / G. Edelman. – London, 2004.

242. Einstein, A. Can Quantum-Mechanical Description of Physical Reality be Considered Complete / A. Einstein, B. Podolsky, N. Rosen // *Physical Review*. – 1935. – № 47. – P. 777-783.
243. Elitzur, A. Consciousness and the incompleteness of the physical explanation of behavior / A. Elitzur // *Journal of Mind and Behavior*. – 1989. – № 10. – P. 1-20.
244. Elitzur, A. Consciousness makes a difference: Reluctant dualist's confession / A. Elitzur // *Irreducibly Conscious: Selected Papers on Consciousness*. – Heidelberg, 2009. – P. 43-72.
245. Everett, H. Relative State Formulation of Quantum Mechanics / H. Everett // *Review of Modern Physics*. Vol. 29. – 1957. – № 3. – P. 454-462.
246. Faigenbaum, G. Conversations with John Searle / G. Faigenbaum. – LibrosEnRed, 2003.
247. Feigl, G. The «Mental» and the «Physical»: The Essay and a Postscript / G. Feigl. – Minneapolis, 1967.
248. Feinberg, T. Altered Egos: How the Brain Creates the Self / T. Feinberg. – N.Y., 2001.
249. Flanagan, O. Consciousness Reconsidered / O. Flanagan. – Cambridge, 1992.
250. Flanagan, O. The Problem of the Soul: Two Visions of Mind and How to Reconcile Them / O. Flanagan. – N.Y., 2002.
251. Floridi, L. Open problems in the philosophy of information / L. Floridi // *Metaphilosophy*. Vol. 35. – 2004. – № 4. – P. 554-582.
252. Foster, J. The Immaterial Self: A Defence of the Cartesian Dualist Conception of the Mind / J. Foster. – London, 1996.
253. Fodor, J. The mind-body problem / J. Fodor // *Scientific American*. – 1981. – № 244. – P. 114-125.
254. Fodor, J. The Modularity of Mind / J. Fodor. – Cambridge, 1983.
255. Gallagher, S. Where's the action? Epiphenomenalism and the problem of free will / S. Gallagher // *Does Consciousness Cause Behavior?* – Cambridge MA, 2006. – P. 109-124.

256. Gibbons, J. Mental causation without downward causation / J. Gibbons // *Philosophical Review*. – 2006. – № 115. – P. 79-103.
257. Gray, J. *Consciousness: Creeping Up on the Hard Problem* / J. Gray. – N.Y., 2006.
258. Hackermueller, L. Decoherence of matter waves by thermal emission of radiation / L. Hackermueller, K. Hornberge, B. Brezger, A. Zeilinger // *Nature*. Vol. 427. – 2004. – № 6976. – P. 711-714.
259. Hansen, C. Between a rock and a hard place: Mental causation and the mind-body problem / C. Hansen // *Inquiry*. – 2000. – № 43. – P. 451-491.
260. Hasker, W. *The Emergent Self* / W. Hasker. – Ithaca, 2001.
261. Heil, J. Mental causation / J. Heil // *The Blackwell Guide to Philosophy of Mind*. – Malden MA, 2003. – P. 214-234.
262. Hodgson, D. *The Mind Matters: Consciousness and Choice in a Quantum World* / D. Hodgson. – N.Y., 1991.
263. Hogan, T. Supervenient qualia / T. Hogan // *The Philosophical Review*. – 1987. – № 96. – P. 491-520.
264. Horgan, T. The Intentionality of Phenomenology and the Phenomenology of Intentionality / T. Horgan, J. Tienson // *Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings*. – Oxford, 2002. – P. 520-533.
265. Humphrey, N. How to solve the mind-body problem / N. Humphrey // *Journal of Consciousness Studies*. – 2000. – № 7. – P. 5-20.
266. Honderich, T. Radical externalism / T. Honderich // *Journal of Consciousness Studies*. – 2000. – № 13. – P. 3-13.
267. Jackendoff, R. *Consciousness and the Computational Mind* / R. Jackendoff. – Cambridge MA, 1987.
268. Jackson, F. Epiphenomenal qualia / F. Jackson // *There's Something About Mary*. – Cambridge MA, 2004. – P. 39-50.
269. Kenny, A. *The Metaphysics of Mind* / A. Kenny. – Oxford, 1989.
270. Kim, J. Epiphenomenal and supervenient causation / J. Kim // *The Nature of Mind*. – N.Y., 1991. – P. 257-285.

271. Kim, J. *Philosophy of Mind* / J. Kim. – Cambridge, 2006.
272. Kim, J. *Supervenience and Mind* / J. Kim. – Cambridge, 1993.
273. Kim, J. *The mind-body problem: Taking stock after forty years* / J. Kim // *Philosophical Perspectives*. – 1997. – № 11. – P. 185-207.
274. Kirk, R. *Zombies and Consciousness* / R. Kirk. – N.Y., 2005.
275. Kuczynski, J.-M. *A quasi-materialist, quasi-dualist solution to the mind-body problem* / J.-M. Kuczynski // *Criterion*. – 2004. – № 109. – P. 81-135.
276. Lachs, J. *Epiphenomenalism and the notion of cause* / J. Lachs // *The Journal of Philosophy*. – 1963. – № 60. – P. 141-146.
277. Levine, J. *On leaving out what it is like* / J. Levine // *Consciousness: Psychological and Philosophical Essays*. – Oxford, 1993. – P. 121-136.
278. Libet, B. *Do We Have Free Will?* / B. Libet // *Journal of Consciousness Studies*. – 1999. – № 8. – P. 47-57.
279. Libet, B. *Mind Time: The Temporal Factor in Consciousness* / B. Libet. – Cambridge MA, 2004.
280. Loar, B. *Phenomenal states* / B. Loar // *The Nature of Consciousness: Philosophical Debates*. – Cambridge MA, 1997. – P. 597-616.
281. Lockwood, M. *Mind, Brain and Quantum* / M. Lockwood. – Oxford, 1991.
282. Lowe, E. *There are no easy problems of consciousness* / E. Lowe // *Explaining Consciousness*. – Cambridge MA, 1997. – P. 117-123.
283. Lowe, E. *Causal closure principles and emergentism* / E. Lowe // *Philosophy*. – 2000. – №75. – P. 571-585.
284. Lycan, W. *Consciousness and Experience* / W. Lycan. – Cambridge, MA, 1996.
285. Malcolm, N. *Knowledge of other minds* / N. Malcolm // *The Nature of Mind*. – N.Y., 1991. – P. 92-97.
286. Marcus, E. *Mental causation: Unnaturalized but not unnatural* / E. Marcus // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 2001. – № 61. – P. 57-83.
287. McGinn, C. *Consciousness and Its Objects* / C. McGinn. – N.Y., 2004.

288. McGinn, C. *The Mysterious Flame: Conscious Minds in a Material World* / C. McGinn. – N.Y., 1999.
289. McGinn, C. *The Problem of Consciousness: Essays Towards a Resolution* / C. McGinn. – Oxford, 1993.
290. Meixner, U. New perspectives for a dualistic conception of mental causation / U. Meixner // *Journal of Consciousness Studies*. – 2008. – № 15. – P. 17-38.
291. Menzies, P. The causal efficacy of mental states / P. Menzies // *Physicalism and Mental Causation: The Metaphysics of Mind and Action*. – Exeter, 2003. – P. 195-223.
292. Mohrhoff, U. Interactionism, energy conservation, and the violation of physical laws / U. Mohrhoff // *Physics Essays*. – 1997. – № 10. – P. 651-665.
293. Nagel, T. *The View from Nowhere* / T. Nagel. – New York, Oxford, 1986.
294. Nagel, T. What is it like to be a bat? / T. Nagel // *Philosophical Review*. – 1974. – № 83. – P. 435-450.
295. Ritchie, A. *The natural History of the Mind* / A. Ritchie. – London, 1936.
296. Papineau, D. *Thinking about Consciousness* / D. Papineau. – N.Y., 2004.
297. Pinker, S. *How the Mind Works* / S. Pinker. – London, 1999.
298. Place, U. Token-versus type-identity physicalism / U. Place // *Anthropology and Philosophy*. – 1999. – №3. – P. 21-31.
299. Putnam, H. *Minds and machines* / H. Putnam // *Dimensions of Mind*. – N.Y., 1960. – P. 148-180.
300. Reichenbach, H. *Philosophic Foundations of Quantum Mechanics* / H. Reichenbach. – Los-Angeles, 1944.
301. Richardson, R. The «scandal» of Cartesian interactionism / R. Richardson // *Mind*. – 1982. – № 91. – P. 20-37.
302. Robinson, D. *Consciousness and Mental Life* / D. Robinson. – N.Y., 2008.
303. Robinson, W. Evolution and epiphenomenalism / W. Robinson // *Journal of Consciousness Studies*. – 2007. – № 14. – P. 27-42.
304. Rosenberg, G. *A Place for Consciousness: Probing the Deep Structure of the Natural World* / G. Rosenberg. – N.Y., 2004.

305. Rosenblum, B. *Quantum Enigma: Physics Encounters Consciousness* \ B. Rosenblum. – N.Y., 2006.
306. Rosenthal, D. *Consciousness and Mind* / D. Rosenthal. – N.Y., 2005.
307. Russell, B. *Analysis of Mind* / B. Russell. – London, 1921.
308. Ryle, G. *The Concept of Mind* / G. Ryle. – Chicago, 2002.
309. Searle, J. *Minds, Brains and Science* / J. Searle. – Cambridge MA, 1984.
310. Searle, J. *The Mystery of Consciousness* / J. Searle. – London, 1998.
311. Smart, J. *Sensations and brain processes* / J. Smart // *The Nature of Mind*. – New York, 1999. – P. 169-176.
312. Sosa, E. *Mind-body interaction and supervenient causation* / E. Sosa // *Midwest Studies in Philosophy*. – 1984. – № 9. – P. 271-281.
313. Spat, P. *A pill against epiphenomenalism* / P. Spat // *Abstracta*. – 2006. – № 2. – P. 172-179.
314. Sperry, R. *In defense of mentalism and emergent interaction* / R. Sperry // *The Journal of Mind and Behavior*. – 1991. – № 12. – P. 221-245.
315. Strawson, P. *Individuals: An Essay in Descriptive Metaphysics* / P. Strawson. – London, 1964.
316. Swinburne, R. *Mind, Brain, and Free Will* / R. Swinburne. – Oxford, 2013.
317. Swinburne, R. *Substance dualism* / R. Swinburne // *Faith and Philosophy*. – 2009. – № 26. – P. 501-513.
318. Tye, M. *Consciousness, Color, and Content* / M. Tye. – Cambridge, MA, 2000.
319. Tye, M. *The function of consciousness* / M. Tye // *Nous*. – 1996. – № 30. – P. 287-305.
320. Van Gulik, R. *Functionalism and qualia* / R. Van Gulik // *The Blackwell Companion to Consciousness*. – Malden MA, 2007. – P. 381-395.
321. Velmans, M. *Understanding Consciousness* / M. Velmans. – London, 2000.
322. Wegner, D. *The Illusion of Conscious Will* / D. Wegner. – Cambridge MA, 2003.